Unyoku (СИ)

Lucky - 2

Raavasta

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Не совсем "Lucky" (special-версия: убрана жесткая привязка к "Bleach", добавлено много мелких эпизодов, после событий в Йокогаме сюжет идет по другому "руслу").

•

Unyoku

- Не, Ган, ты у нас видать совсем тупой...

Противник налетел на меня беспорядочной круговертью из мелькающих кулаков, а я уже как-то лениво и привычно перехватил его за правое запястье левой рукой, дернул на себя и, шагнув к верзиле за спину, врезал ему носком кроссовка под колено. В третий раз, хочу заметить. В несчастном суставе и после второго-то удара что-то отчетливо хрустнуло, а уж после третьего и подавно - лишь громко хлюпнуло. Взвыв раненой белугой, мордатый бугай повалился на землю, но я не дал ему закончить сию трагическую арию, от души приложившись коленом в одутловатое лицо. Хрипло булькнув, Ган рухнул навзничь на теплый после долгого дня асфальт парковки. Я же с демонстративным хладнокровием замер рядом и, издевательски тыкая пальцем, пересчитал разлетевшиеся по разметке зубы.

- ... Два... Три... Итого, с первым разом, шесть... Поздравляю, Ган, еще один удачный подход и визит к стоматологу выльется тебе ровно в двадцать тысяч.

К счастью, а может, и нет, расценки местных зубных врачей все участники событий знали прекрасно. А что поделать? Ведь, несмотря на то, что городок наш редкостное захолустье, именно в нем расположена старшая школа, где концентрация полных отморозков на один квадратный метр превышает любые нормальные величины. Плакат "Добро пожаловать в Изясо!" на въезде в город никто иначе как издевательством давно не называет.

Наше прекрасное учебное заведение славилось своими традициями уличного мордобоя и войною всевозможных школьных группировок уже на протяжении пятидесяти лет. Дети половины уголовников острова Хонсю из всевозможных борёкудан[1], оставшиеся без отцов и матерей, обучались именно в этих стенах. Школа на весь городок была одна, но количество учеников в ней всегда значительно превышало предельный норматив, утвержденный министерством, минимум раза в два. И

все из-за нашего "закрытого" спецприюта, прямоугольная коробка которого из серого бетона как раз торчала с другой стороны дороги. Хотя, где-то треть учащихся все-таки были обычными ребятами из местных жителей. Просто им сильно не повезло.

Сделать ничего со школой местные власти не могли и не хотели одновременно. Учебные заведения подобного рода всегда спонсируют Кланы. Да, именно так, с большой буквы. По-другому у нас не говорят и не пишут. Детишки всяких почивших боевиков как из большинства самых влиятельных и знаменитых семейств якудза, так и из числа разной "шелухи" формально получали здесь полное среднее образование, включая даже три года платной старшей школы. Вот настолько щедры были "спонсоры" нашего приюта. А на самом деле воспитанники тщательно мариновались в жестоком кровавом соку внутренних разборок и бесконечных драк. После чего самых лучших и злобных ублюдков, конечно, приглашали к себе на работу наши разлюбезные благодетели, сумевшие как-то на муниципальном уровне задавить для оглашения общественности даже тот факт, какой уровень насильственных преступлений ежегодно фиксировали в этих стенах. Ну и без полудюжины смертей, от пера под ребра или передозировки метанфетамином, ни один учебный семестр, ясен пень, не обходился.

Дом, милый дом... Короче, это вам не тихая патриархальная Нагаока по соседству.

Тем временем, я огляделся по сторонам. Дохляк Кута валялся у ограждения там же, где и раньше, пуская кровавые пузыри. Выбыл из боя в самом начале, сразу же нарвавшись на мой коронный "прямой в челюсть" с добивающим "локтем в висок". Еще повезло уроду, что я сдержаться успел, а то бы точно на всю жизнь слюнявым дауном остался. Или еще чего похуже...

Так, Ган в ближайшие минут десять пока не боец. Значит, остался только бычара Маки, как раз поднимавшийся на ноги и вытиравший окровавленную юшку. Этот противник не из простых. Мало того, что ростом здоровяк побольше Гана, за метр восемьдесят, а каждая рука в толщину как моя нога, так это чудовище ко всему прочему не понаслышке знает, что такое дзюдзюцу. Не, хватит играть и тянуть, надо уже заканчивать с этим!

Друг другу навстречу мы с Маки шагнули почти одновременно, и для удара замахнулись синхронно. Без всяких изысков и хитрых телодвижений. Кулак в кулак! Со всей нехилой дури, подаренной нам природой! От треска костей с ветвей деревьев в приютском парке взлетела стая пегих голубей.

Завывая сквозь зубы, Маки невольно отшатнулся назад,

прижимая к груди окровавленный кулак. Понимаю, больно, когда все четыре пальца разом оказываются раздроблены, а на костяшках не остается даже лоскутка от кожи. Но кто ж тебе виноват болезный?! Сами пришли. От удара ногой под дыхло, здоровяк исполнил в воздухе неполный кульбит через себя и покатился по парковке.

Вот, значит, и все. Картина маслом. Невысокий пятнадцатилетний подросток с коротким "ежиком" жестких волос на голове почти играючи раскидал трех здоровых учеников выпускного класса. Ну, ладно, двух здоровых и одного обычного. По три-четыре года все ж таки разницы. Второгодники со стажем, нах. А с другой стороны даже удивительно, как эта троица дотерпела до самого последнего семестра. Такие обычно еще за год или за два подавались на "вольные хлеба" или к кому-то под мохнатое крылышко. Оттого-то и был в выпускных классах старшей школы Изясо вечный "недобор".

Хрипя, попытался подняться Ган. Я несильно пнул его в бок, отправив обратно на землю.

- Лежи уже, вояка толсторожий...

Подойдя к Маки, я уселся к нему на грудину и, скрестив руки, дождался, пока бугай откроет глаза, уже заплывающие от свежих фингалов.

- Ну что, отморозки? Хватит на сегодня? Или продолжим?

- Хватит, - прохрипел верзила, сплевывая в сторону тягучей красной слюной.

Поднявшись обратно на ноги, я отряхнул от пыли черную школьную форму и вразвалочку вернулся на свою "сторону поля". Мои оппоненты, более-менее, очухавшись, поползли в сторону жилого корпуса.

- Эй! Ничего не забыли?! - окликнул я их.

Ган, взваливший к себе на плечо Куту, все еще неспособного идти самостоятельно, и Маки обернулись с непонимающим видом.

- Извинения, сучата, - пришлось снизойти до пояснений.

- А! - хмуро кивнул самый крупный. - Конечно. Мы приносим свои из...

- Да не мне, придурки тупые! - оборвал я Маки, уже начавшего склоняться в кривоватом поклоне. - Перед Юми-тян извинитесь! Завтра! И не украдкой, а при всех! На большой перемене подойдете к нашей старосте, все подойдете(!), и извинитесь!

- Да-да-да, конечно, Авара, - часто закивал толстяк Ган, являвшейся, кстати, тем самым "инициатором конфликта".

- Чё?! Я не понял?!

- Все сделаем в лучшем виде, Одавара-сама! - тут же еще больше залебезил мордатый.

И правильно! Не хрен в моем присутствии к девушкам так нагло приставать, особенно если они против! И младше тебя! Насмотрелись хентая с лолями всякими, извращенцы. А главное, получил по морде, и нет, чтобы тихо свалить. "Стрелку" он мне забил, своих привел. Как будто я вас всех не бил до этого ни разу. Бил. И каждого по отдельности, и всех вместе, и когда вас вдвое больше было. Я вообще, даже в таком месте как Изясо, одним из лучших считаюсь в плане быстро и качественно настучать по репе. Есть у меня правда по этому поводу один секрет, кроме регулярных и утомительных тренировок в единственном местном додзё, но знать его не стоит никому. Почти...

- Авара-семпай! Как вы их! Одного - раз, другому в тыкву - два! - размахивая руками, ко мне подскочил единственный зритель произошедшего здесь побоища. - А потом еще так!

Подвижный малец был лет десяти на вид и одет в такую же черную форму учащегося, как и я, только с темно-зеленой каймой, говорившей о его принадлежности к младшей школе, находившейся с другой стороны от здания приюта. В средней школе, что располагалась за небольшим парков, ученики таскали гакураны с красной окантовкой. У нас - старшаков - такой каймы не было уже вообще.

- Ну, ничего новенького они, Кодзи-кун, мне сегодня точно не показали, - усмехнулся я, потрепав мальчишку по непослушным огненно-рыжим волосам.

Натуральные, кстати. Скорее всего, ирландские американского разлива. Метисов у нас тут немало, что поделать. Тоже специфика заведения.

- Но все равно классно!

Задор паренька вызывал у меня улыбку. Да, в свое время, с этим маленьким ожившим реактивным двигателем просто нельзя было не подружиться. Я и так ни секунды не жалею о том, что сблизился с мальчишкой, и тот теперь почти все время вне учебы бегал вместе со мной. Некоторые вещи надо просто делать, в любом случае, а там... А там поглядим, куда безымянные предки вынесут.

- Так, помнится, я обещал угостить кого-то мороженным, если буду в состоянии ходить после драки? - протянул я, задумчиво глядя куда-то вдаль.

На лице у мелкого тут же расцвела улыбка от уха до уха.

- Обещали, Авара-семпай!

- Ну, раз так, то пошли, - согласился я, тоже широко ухмыляясь.

* * *

Сидя в открытом летнем кафе, выходившим на небольшой уютный сквер, я рассматривал оранжевую полосу закатного неба и думал о своем. Рядом с упоением, обжигая язык о холодный пломбир, чавкал мороженым Коджима. Очень хотелось курить, но я недавно предпринял очередную попытку бросить, хотя и прекрасно осознавал, что при первой возможности снова сорвусь, как бывало уже не раз. Страсть к никотину из той прежней жизни, до того момента, как все окончательно переменилось, была и оставалась моей единственной непобедимой слабостью, регулярно одерживавшей маленькие триумфы в сражении с моей силой воли. Буду потом опять смолить месяц или два, в наглую - в школе, и тайком - на тренировках. Харада-сенсей, наверняка, снова меня застукает и даст по шее, после чего настанет очередь новой попытки завязать. Хорошо, хоть в этом кафе не курят, меньше шансов поддаться желанию...

Посетители заведения, а в этот час их было немало, с некоторой опаской косились на нашу форму. Все-таки в Изясо ничего хорошего от "приютских крыс" не ждали, а ученики из местных жителей сменяли свой гардероб после окончания занятий так быстро, как только могли. Но мы наведывались в это местечко далеко не впервой, так что хозяйка и симпатичные девчонки-официантки уже привыкли к нашей необычной парочке и знали, что ничего плохого лично от меня им ждать не стоит. Хотя один раз ко мне все-таки прицепились двое из выпускного класса, ползли откуда-то из города навеселе, и дернуло их чего-то до меня докопаться. Пришлось по-быстрому их отоварить и, извинившись за один сломанный стул, поспешно делать ноги до приезда полиции. Кстати, владелица кафе меня так и не сдала легавым, после чего вариантов у меня, где бы еще посидеть вечерком и потратить остатки своего тощего пособия, попросту не оставалось.

В подобные моменты короткого отдыха, расслабленно сидя за этим столиком, на парковой лавке или на бетонных ступенях котельной у общежития, я слушал веселую трескотню своего рыжего "подопечного", любившего пересказать мне в деталях все события своего минувшего дня, и думал о своем, изредка вставляя комментарии или посмеиваясь над забавными эпизодами. Раньше эти раздумья не приходили ко мне так часто. То ли дело было в изменившемся возрасте, то ли раньше рядом просто не было такого вот Коджимы, а вместе с ним и времени на отдых.

И думал я почти всегда об одном и том же. О той необычной и иногда пугающей Силе, что, как оказывается, всегда была у меня с собой...

Странные вещи вокруг я видел с самого детства и очень удивлялся тому, что их не видят другие. Но взрослые редко обращают внимания на рассказы ребенка о призраках, духах и йокаях, даже если живут в такой суеверной стране, как Япония. А с годами я просто привык к тому, что многое, попадающее в мое поле зрения, никто другой вообще, как правило, не замечает. Привычка - великая вещь. И я привык, привык не обращать внимания, привык делать вид, что не замечаю того же, что не замечают все, и лишь очень-очень редко давал волю своему детскому любопытству и пытался повлиять на этот странный мир, живущий параллельно с обыденной реальностью.

А потом произошла та встреча, что все переменила. Этот дух... Он был странный, будто бы вырванный из другой реальности, слишком цветастый, слишком яркий, слишком дерганный и слишком шумный. Больше всего я запомнил его один-единственный глаз на половину лица и тошнотворный запах, неожиданно сильно разивший от призрачной сущности. Желания общаться с таким йокаем у меня не было никакого, но первый шаг в этом направлении неожиданно сделал он сам. Не знаю, как и почему, однако жуткий дух вдруг узнал меня и обратился ко мне, и это отчего-то оказалось по-настоящему страшным. Его манера поведения и слова серьезно врезались мне в память, равно как и непонятная и безграничная злоба этого призрака. А что такое искренняя неприкрытая злоба я, благодаря своему окружению, прекрасно знал еще лет с девяти. В общем, тот тип мне совершенно не понравился...

- Думаешь, повезло тебе? Думаешь, раз живой, то будет все хорошо?! - надрывался этот непонятный аляповатый визгун. Каким-то образом, он догадался, что у меня получается его видеть, хотя я стоически старался не обращать внимания на эту крикливую тень. - Зря, мелкое дерьмо! Ох, зря! Я все вижу! Все знаю! Мне видно многое из-за грани! А хочешь, я покажу тебе, как ты сдохнешь?! Хочешь?! Узнаешь, когда и где это будет?! Хочешь, а?! Нет, не хочешь?! А придется увидеть, сопляк! Придется!!!

Я до сих пор не совсем понимаю, что он пытался сделать. Влезть в мою физическую оболочку, забраться в мое сознание или вообще как-то высосать меня изнутри? Наверное, он и сам до конца не представлял, что и как следует делать. Меня же его бесцеремонность окончательно разозлила, и в какой-то момент я понял, что дух, вознамерившийся пролезть в мой разум, сам

оказался добычей. Ну, так, а чего он ждал, когда стал так нагло и грубо вламываться в чужое тело? Что я послушным овощем дам ему это сделать? Просто так, без всякого сопротивления?! У него, может быть, что-то и получилось бы, конечно, но для этого ему точно нужно было больше воли, жажды к жизни и животной злости. Побольше, чем было у одного малолетнего хулигана, сына подстреленного якудзы и главной грозы всей младшей школы Изясо.

Пару часов я провалялся в бреду на траве в приютском парке, пока процесс окончательно не завершился. И придя в себя, я четко понял, странного призрака больше нет. Но он не ушел куда-нибудь. Просто я поглотил этого поганца и сделал частью себя. А наградой за это стало то, что мне проще всего было именовать предчувствием будущего. Нет, ничего конкретного я не узнал и не увидел, но были обрывки каких-то эмоций, воспоминаний, непонятные слова и образы, проявлявшие во сне. И было знание, напрямую связанное со мной, и это знание мне жутко не нравилось. Опять же ничего конкретного или ясного, но я будто чувствовал, как сложится моя судьба, и это отдавало чем-то весьма неприятным. Быть может тому было виной легкое презрение, оставшееся от того странного духа, презрение, связанное как раз с тем мной из возможного будущего. И тогда я понял, что не хочу того, что согласно моим ощущениям "может быть". А ответ, как изменить был чертовски непрост, хотя и лежал на поверхности. Это было решением прямолинейным и невероятно сложным одновременно. Нужно было лишь очень постараться и использовать одну вещь, о которой я теперь знал совершенно точно. У меня была СИЛА. Какая-то совершенно жалкая капля, но в разы больше, чем у других обычных людей...

С этой странной внутренней Силой мои отношения складывались неоднозначно. Да, мне было известно, что она у меня есть. Я знал, что могу ее использовать. Но больше я не знал о ней ни черта. В попытках достучаться до Силы, понять ее суть и научиться применять прошли следующие шесть лет моей сознательной жизни. И без того совсем недетский мир вокруг девятилетнего пацаненка преобразился после той встречи куда разительнее.

Моей новой манией стали знания и тренировки. Удалось отыскать единственный в городе додзё и уговорить его мастера, Хараду-сенсея, начать со мной заниматься, хотя платить за обучения мне было не из чего. Согласившись взять меня на испытательный срок, Харада вскоре заинтересовался моим упорством и стал учить меня уже бесплатно. Позднее мастер признался, что у него давно не было столь юного и столь

целеустремленного ученика. Из школы Изясо к нему в основном приходили "подучиться" здоровые лбы, которых больше интересовали "приемчики покруче и поболезнее", а вот со мной все вышло по-иному. Я действительно старался познать себя, разобраться в том, что Харада называл духовной составляющей человека, и работал, работал, работал... И только тогда, обливаясь потом и падая на подкашивающихся от усталости ногах, я начинал по-настоящему верить, что могу все-таки изменить неизбежное. Изменить будущее и поспорить с предначертанием.

Потихоньку, по малюсенькому шажочку, с каждым новым днем, моя Сила все-таки начала откликаться на непрекращающиеся попытки до нее достучаться. К двенадцати годам я оказался способен раздробить силикатный кирпич в мелкое крошево ударом кулака без защитной накладки, и даже не поцарапав при этом кожу на костяшках. Еще через год в какой-то очередной разборке, я на автомате закрылся блоком от удара прутом арматуры, уже готовясь к знакомому ощущению перелома. Но витой железный прут согнулся о мое предплечье, будто алюминиевая трубка, а противник, совершенно обалдевший от этого зрелищ, отправился в глубокий нокаут после подачи в челюсть.

Сила росла, и мне все проще было ее контролировать. Пробираясь по ночам на стройки, подальше от любопытных глаз, я прыгал по бетонным перекрытиям, таскал мешки с цементом, отрабатывал до полного изнеможения захваты и броски из кэнсэцу, а также ударные серии ката. Бардак после меня на площадке всегда оставался первостатейный. Однажды я даже остался на стройке утром, чтобы послушать, что будут говорить строители. Узнал много нового и кое-что до сих пор довольно часто использовал в свое лексиконе во время драк.

Но Сила не только давала, но и брала. Каждое ее применение, каждое использование оборачивалось жестокой многочасовой слабостью, неизменно следовавшей позже. Кроме того, я заметил, что моя Сила проявлялась не только в физическом совершенстве, но и прочно была связанна с понятиями "знание" и "вероятность". А ведь такая вещь, как вероятность положительного исхода любого действия вроде, того же "ударить кирпич и разбить его" или "спрыгнуть с третьего этажа и не сломать ноги", она всегда ненулевая. Порой микроскопическая, но всегда есть шанс. И моя скрытая Сила давала возможность использовать эту крохотную возможность. Причем, чем точнее я мог бы сформулировать "постановку задачи", зачастую даже не осознавая это осмысленно, и чем

больше понимал о деталях, тем больше возрастал мой шанс.

Например, нанося удар в корпус, я мог бы просто пытаться сломать своему противнику ребро, а мог вполне конкретно сформулировать какое ребро - третье по правой стороне. И не то, чтобы ребро не ломалось в первом случае, но во втором на это уходило куда меньше того, что я условно окрестил "энергией". А сами запасы моей энергии, как уже говорилось, были отнюдь не безграничны, и чем чаще я пускал свою Силу в дело, тем больше была отдача за это, тем ниже падали мои шансы на удачный исход нового действа в дальнейшем и тем дольше приходились восстанавливаться после.

Все это я держал в своей голове, сформулировав на чистом практическом опыте. У меня не было для этого методик, расчетов и таблиц, да и попыток обобщить и хоть как-то это систематизировать я не делал. У меня была Сила, и я пытался ей овладеть так, как привык делать все в этой жизни - прямо и без затей. Не скрою, что поначалу просто боялся начать хитрить и искать лазейки потому, что именно от этого меня предостерегало то неясное ощущение грядущего. А потом, я просто отвык делать что-либо иначе...

Необходимость "знать больше" сделала моими любимыми предметами, конечно, физику, химию и анатомию, которыми я занимался куда углубленнее, чем предписывала школьная программа. Тренировки под руководством Харады-сенсея (не оставлявшего надежд отправить своего ученика на настоящие соревнования, впервые за десять лет!), занятия, книги из библиотеки. Друзей у меня, как таковых, не было никогда, только знакомые, и все больше из городских, считавших меня "отморозком с понятиями". Среди учащихся я считался одиночкой, и потому вдоволь хватало драк с другими учениками. Редко стычки бывали случайные, чаще для "поддержания авторитета" или для наведения на "моей" территории порядка, как я и другие его понимали. Моя жизнь стремительно сузилась до этого небольшого кружка интересов и, наверное, только осознание того, что я уже не тот "каким мог быть" и с каждым годом отдаляюсь от этого все дальше, позволяло мне и дальше существовать в этом непрекращающемся ритме.

Но все снова переменилось когда, спустя аж целых шесть лет после встречи с памятным духом, я вдруг познакомился с Коджимой.

Тот теплый вечер в самом начале осени не задался с самого начала. В корпусе общежития на лестничной площадке между третьим и четвертым этажами меня поджидал Сатоми с

компанией своих дружков-прихлебателей.

Летом его банда и еще три поменьше скооперировались в "Союз Четырех" и с самого начала учебного года принялись наводить новый порядок. Под раздачу попали даже отморозки-кендошники одноглазого Тори, всегда раньше державшие в школе "первую марку", и другие любители потягать железо в качалке. Там, где не хватало умения или сил, "союзнички" брали числом, тупо заваливая оппонентов "мясом". А потом один из "младших партнеров" этой коалиции, видать от охватившей его эйфории, закусив удила, попытался наехать и на меня. Наверное, ублюдку очень хотелось заполучить статус того самого, кто сам в одиночку отделал Угрюмого Авару. А в результате этому недоноску пришлось срочно учиться есть без рук. Пока не сняли гипс. Хотя левую он сам умудрился сломать, когда, убегая, навернулся со ступенек...

Но прецедент был создан, и Сатоми не мог спустить его на тормозах. Хотя стоит признать, у этого бугая хватило мозгов, чтобы сначала прийти ко мне лично и попытаться решить вопрос "по-хорошему". Правда, в представлении Сатоми "по-хорошему" означало лишь предоставить мне следующий выбор - вступить в их "союз" или уехать в больничку на полгодика. Я предложил ему в ответ "разойтись бортами". Не прокатило.

В течение следующей недели после встреч со мной половина сил "коалиции" выбыла из активных действий, а после этого сразу начали поднимать голову остальные компании. В принципе, всем уже было понятно, что дело идет к развалу "союза", но Сатоми хотел сохранить хотя бы лицо. Вот и пришел поквитаться, урод.

Последние драки не прошли для меня даром, несмотря на всю мою выносливость, уроки Харады-сенсея и редкое использование Силы. Лишний раз практиковать в настоящем бою свои скрытые способности я решался нечасто. Слишком памятен был тот раз, когда промахнувшись мимо рожи одного великовозрастного ублюдка, мой кулак впечатался в бетонный забор... и оставил там сквозную дыру. Плюс сеть трещин, разбежавшихся по плите во все стороны на манер карты токийского метрополитена. Не то чтобы я боялся серьезно покалечить кого-то из своих противников или прибить ненароком, но наживать проблемы с руководством приюта, школы и местной полицией мне совсем не улыбалось. В общем, по итогам недели я имел выбитое плечо, проникающее от заточки в левом бедре и кучу неприятных гематом помельче. Сила исправно восстанавливало мой организм от травм невероятно быстрыми темпами, но на мгновенное излечение рассчитывать не

приходилось. Поэтому-то у Сатоми и семи его выводней были реальные шансы уложить меня мордой в землю, впервые за два последних года. Хорошо бы только этим дело и ограничилось, но не тот характер был у лидера рушащегося "альянса"...

В тот раз я впервые использовал Силу по полной, не озираясь на последствия. Первый же мой удар играючи пробил блок Шино, главного мордоворота Сатоми из числа русских метисов с Хоккайдо. Несмотря на то, что разграничительный периметр по-прежнему, как и почти что век назад, проходил по линии Румои-Хироо, после того как "красный колосс" развалился, для жителей острова было введено свободное перемещение через границу. И ублюдков от смешанных браков за эти двадцать с лишним лет развелось на севере изрядно, а особенно в среде якудза и обычных бандитов. Вот решил тогда кто-то из местных набольших, что "русская жена" - это круто, престижно и экзотично, так до сих пор очень многие подобного мнения и придерживались. А результатом этого всего были такие вот "быки", как Шино.

Мой кулак с громким хрустом сломал запястье противнику, и, продолжаясь, раздробил шестифутовому великану челюсть. Зрелище "Шино, улетающий в нокаут с одной-единственной подачи под треск костей" на пару мгновений парализовало всех остальных, и я успел добраться до главного. Прямой в "солнышко" заставил Сатоми сложиться пополам, а колено, прилетевшее тут же в лицо, сломало ублюдку нос. Толкнув главаря на двух подельников, я уже подумал о том, что в этот раз удастся отделаться малой кровью, но тут со спины на меня налетели те трое, что прятались на третьем этаже. Ощущение бейсбольной биты, раскалывающейся о твою собственную голову, знаете ли, совсем не из приятных. К тому моменту, когда я очухался, меня уже успели повалить и принялись обрабатывать ногами. Узкий лестничный пролет мешал им действовать всей бандой, только поэтому засранец со второй битой не добрался до меня сразу. Пришлось ломать лодыжки и голени, но свою порцию люлей я в итоге выкушал тогда до дна...

Стоя уже в сумерках на балконе и затягиваясь дешевой сигаретой, "подстреленной" в соседней комнате, я морщился от неприятного рассечения на губе. Кроме того, эти уроды сумели сорвать мне мост, от чего во рту язык все время цеплялся за торчащий металл. Даже странно как-то, и чего я постоянно получаю по верхней челюсти слева? Мне уже раз пять ломали этот несчастный протез с того момента, как я лишился настоящих коренных зубов. А до этого в том же самом месте повыбивали все молочные. При этом на нижней и на другой половине верхней все

зубки свои родные, даже расшатанных не было никогда. Вот ведь парадокс!

Выкинув окурок, я потянулся за новой порцией никотиновой отравы, но мое внимание привлек шум внизу на аллее, тянувшейся с этой стороны общаги. Мальчишка лет десяти с огненно-красной шевелюрой, в полутьме казавшейся цвета темной меди, выпрыгнув из окна, шустро пошуровал вдоль здания в ту сторону, где находился выход с территории приюта, ближе всех располагавшийся к автобусной остановке. В принципе, до полуночи транспорт еще будет ходить... Отсутствие повседневной форме на пареньке и небольшой рюкзак, закинутый на тощие плечи, явственно свидетельствовали о том, что передо мной очередной "беглец". В начале года такое явление было в нашем заведении более чем распространенным, особенно среди мелких. Я и сам помню, как "бегал" несколько раз в схожем же возрасте. Один раз "синепузые" отловили и вернули, второй раз - сам пришел. Как говорится, убедился на собственном опыте, что мир за пределами школы и всего остального Изясо может и получше, но ждет таких, как мы, с неизменной прохладцей. Впрочем, учителя, воспитатели и охранники приюта следили только за малолетками и немного за середняками. Если же решался уйти кто-то из старших или, тем более, из выпускного класса - не препятствовали. А вот с контингентов помладше, сволочи, не церемонились. Толи комплексы отыгрывали, то ли страх перед старшими учениками. Три раза мне даже пришлось объяснять зарвавшимся надзирателям, насколько же они не правы. И делалось это мною без особой радости или садизма. Одного только козла дал малькам его же собственным шокером потом потыкать, очень уж просили. А вот в другой ситуации в прошлом году, уже без моего участия, четверо выпускников забили охранника насмерть, когда застали за попыткой изнасилования совсем еще мелкой девчонки. И не скажу, что не сделал бы того же самого на их месте... Дело тогда замяли быстро, легавые записали в своих бумажках, что покойник сам по пьяни свалился с моста и шею сломал. А тело потом в крематории сожгли еще до того, как родственники успели приехать.

Добравшись до кустов, ограждавших дорожку, рыжик высунулся, чтобы оглядеться.

- Десять минут как обход был, - крикнул я ему сверху, раскуривая папиросу. - Теперь час в караулке чаи гонять будут.

От моего внезапного оклика мальчишка забавно дернулся, едва не вывалившись из куста, но, обернувшись, уже справился с собой и, отыскав меня взглядом, состроил серьезную моську,

после чего ответил:

- Спасибо, буду должен...

Я усмехнулся в ответ. А потом меня как прострелило. "Чувство грядущего" отчетливо засвербело в моей заклеенной пластырем голове. Этот парень... Он был не просто случайным прохожим, с ним было что-то связанно... Наверное, именно поэтому, вопреки своему обыкновению, я продолжил нашу беседу.

- Что совсем достали?

Мелкий лишь скорчил рожу и выругался совсем не по-детски.

- Думаешь, там лучше? - кивнул я в сторону метафорического "мира за забором".

- А тут-то что ловить? - презрительно скривил губы рыжий.

- Везде есть чему поучиться, - пожал я плечами.

- И чему же можно научиться здесь? Как по углам прятаться?

Вслед за "предчувствием" к первым звоночкам в моем подсознании добавились сигналы от Силы. Она тоже определенно, ощущала в этом пацаненке что-то такое... Что-то близкое и довольно родственное... И я сделал выбор, о котором впоследствии ни разу не пожалел.

- Да мало ли чему...

Опершись левой рукой о перила, я легко перемахнул через них и мягко приземлился прямо в траву перед остолбеневшим мальчишкой. Спрыгнув с четвертого этажа.

- А... - от удивления глаза у рыжика стали просто огромными.

- Например, вот такому, - улыбнулся я и небрежно так затянулся, слегка красуясь перед единственным зрителем, хотя раньше мнение о том, как я выгляжу в глазах кого-либо, меня интересовало всегда в самую последнюю очередь.

- Круто! Охренеть! - прорвало мальчишку. - А я так могу научиться?!

- Ты ж уходишь? - подцепил я его и тут же получил надутые щеки в ответ.

- А может я передумал!

- Ну, тогда может и научу. Тебя как звать-то?

- Коджима, - буркнул рыжий. - А вас я знаю, вы Одавара Моэясу. Вас старшие меж собой Угрюмым кличут. А еще Чугунным Кулаком.

- Нда? - о последнем прозвище я и вправду не знал.

- Ага, - кивнул пацан. - Только никто не знает, что вы так умеете!

- И лучше будет, если и дальше никто не узнает. А за это кто-то чему-то научиться. Верно, Кодзи-кун? - я заговорщицки

прищурился, а рыжик тут же широко оскалился в ответ от уха до уха.

- Конечно, Одавара-сан!

Вот так мы и познакомились. И, как впоследствии выяснилось, своя необычная Сила у Коджимы, действительно, была. К тому же, жизнерадостный, заводной и еще местами по-детски наивный характер моего нового приятеля с лихвой окупал все неожиданные затраты по времени. Кроме того, только из-за него у меня снова образовалось что-то вроде свободных часов отдыха, вроде таких вот посиделок в кафе или бесцельных шастаний по городу в выходные дни.

Умяв три порции пломбира, рыжий начал поклевывать носом, и мы потащились обратно в общагу. На входе уже стояла "ночная вахта", поэтому Коджима пролез к себе через лаз на первом этаже. О том, что решетка на этом коридорном окне вынимается, знали, наверное, все, вплоть до директора приюта, но делать ничего не делали. А, по сути, зачем? Все равно воспитанники просто выломают окошко снова или еще в каком-нибудь месте. А вообще, живи Коджима у меня, мы бы и через вахту прошли без особых препятствий. Но места проживания учеников были разграничены по возрастным группам, и лишних неприятностей (не себе, так Кодзи) мне с руководством иметь не хотелось. А так, мы бы легко разместились в моих "апартаментах", рассчитанных на четверых. Из-за "скверного" характера я захапал всю комнату в единоличное пользование еще год назад, а комендант не слишком упорствовал в попытках кого-то ко мне подселить. Свободных мест в нашем клоповнике хватало, приют строился с большим запасом. Собственно, я бы и так завел рыжика внутрь, но мне еще нужно было пройтись по ночному парку перед сном. И решить одно последнее дело...

Кумо, прозванный Вяленым, ждал в условленном месте у ограждения мелкой речушки, отсекавшей территорию приюта от города с этой стороны. Свою кличку Кумо, как и большинство метисов, получил за выделяющую его особенность, в данном случае - цвет кожи. Отвалившись от поребрика, шестнадцатилетний здоровяк вышел на край желтого пятна, что давал свет единственного фонаря, работавшего в этой части аллеи. За его спиной в темноте хлопал оторванным краем прошлогодний выцветший от солнца плакат, призывавший юношей и девушек вступать в "славные Силы Самообороны Тихоокеанской Коалиции". Ага, наши выпускники только об этом прямо и мечтают. Каждый год бегут записываться пачками к этим мордатым хомякам в мундирах...

- А я уж боялся, что не придешь, - сплюнул сквозь зубы верзила.

- Как можно, сам Копченый позвал, - слегка издеваясь, хмыкнул я в ответ.

Взаимная вендетта с Кумо у нас длилась уже года три. Причем, если мне было, в общем-то, похрен, то мой оппонент относился к делу очень "ответственно". Если коротко, то парень просто хотел набить мне морду. Сам. И только сам. Хотя бы раз...

Со знакомым шелестом в руке у метиса раскрылась "бабочка". Полированное лезвие ножа тускло сверкнуло в приглушенном свете. Не по "правилам", конечно, но Кумо хотя бы всегда один приходит, да и у меня при себе похожая "заточка" всегда имеется. Вот только пользуюсь я ею ой как редко.

- Кого ждем? - боднул я взглядом метиса, и тот не раздумывая, сорвался вперед.

Два раза я просто увернулся, а потом бросился навстречу. Обманный замах в лицо и резкий вход "в клинч". Нож успел распороть мне школьный гакуран на боку, но рука здоровяка к тому моменту уже попала в захват. Харада-сенсей называл этот прием "крыло орла" - одна рука фиксирует запястье врага, вторая - его плечо, и уже вместе они выворачивают конечность противника вверх под углом в сорок пять градусов, не давая согнуться в локте. Подсечка, и Кумо грузно рухнул на колени, завывая от боли. Выпавшая "бабочка" зазвенела по асфальту.

- Ну вот, форму мне пропорол, - хмуро сообщил я метису, и чтобы тот не пытался больше вырываться вывернул руку еще сильнее, вынуждая его или приложиться физиономией о землю или упереться в нее единственной свободной ладонью.

- Теперь зашивать придется, новую-то я у интенданта хрен выпрошу, и так одну лишнюю в этом полугодии брал. Ну да ладно, - оглядевшись по сторонам, я прикинул, что делать с противником дальше. - Кумо, ты больше с ножом не приходи, а то я его в другой раз тебе в задницу засуну, понял?

Чуть надавив на вывернутое плечо, я дождался "утвердительного" мычания сквозь зубы.

- Вот и молодец... А теперь, бесплатный урок полетов...

Резко вздернув метиса вверх, я буквально заставил его вскочить на ноги, и, продолжая контролировать этого бычару за счет "крыла", разогнал парня в сторону ограждения. С матерным воплем, здоровяк запнулся о перила и полетел кувырком в неглубокий речной поток. Понаблюдав за тем, как он выгребает в сторону противоположного берега, я отыскал оброненный нож и сунул лезвие в щель на поребрике, возникшую на стыке двух плохо подогнанных сегментов. Удар ребром ладони по торчащей

рукоятке, и "бабочка" легко сломалась пополам. Что ж, похоже, все на сегодня...

Слушая трели проснувшихся в парке цикад, я засунул руки в карманы брюк и поплелся в сторону бетонного корпуса общежития.

* * *

Четверг. Ненавижу четверги в этом семестре. Первым уроком химия, пятым - сразу после обеда два часа физики. То есть торчать приходится весь день - ни с утра отоспаться, ни пораньше свалить. Так между нужными мне предметами еще и чертова литература с "мировой" историей влезают. И то, и другое я терпеть ненавидел. А все потому, что более "отциклеванных" школьных предметов в японской учебной программе, наверное, не существует. А нет, еще есть спорт с его дебильным бейсболом. Но, что меня всегда бесило больше всего - подавляющее большинство моих сверстников и людей гораздо более старшего возраста абсолютно нормально воспринимали то, от чего мои кулаки сжимались сами собой, и очень хотелось вмазать кому-нибудь по роже. Например, адмиралу Нагумо! За то, что остановил тогда третьею авиационную атаку на Пёрл-Харбор. Или, хотя бы уж, Ямамото на худой конец. За то, что не настоял на своем плане до конца и не выбил себе место командующего...

Но ничего не поделаешь. В культурном, да и в моральном плане дранные янки поимели нашу страну во все щели. И продолжают иметь до сих пор, навязывая свои стандарты и понятия о "правильном" и "идеальном". Даже якудза, на что организация патриархально-традиционная, а и та, еще с шестидесятых начала косить под американских гангстеров. И на многие старые табу, считавшиеся нерушимыми, Кланы давно положили с прибором. Те же наркотики, например. В былые века опиумные курильни и подобные им притоны были уделом китайцев, работавших под гайдзинами. Член якудза, попавшийся на продаже или употреблении наркоты, покрывал себе несмываемым позором. Но пожалуйста, и века не прошло, как занятие этим дерьмом стало чуть ли не основным бизнесом даже самых старых и уважаемых Семей. Мой папаша, кстати, как раз при перевозке большого груза этой дряни и наелся свинца от беспородных катаги[2]. Да и хрен с ним, было бы о ком, что хорошее вспоминать.

В общем, настроение у меня с самого утра было паршивое. Химию я еще отсидел, почти пол-урока общавшись один на один с учителем, что для моих одноклассников уже было нормой, но вот

дальше... А дальше я не выдержал и до середины первого часа. В задницу вашего янки Драйзера с его романами о раннем американском индустриализме! Не в силах дожидаться конца занятия, и понимая, что под монотонный бубнеж старой грымзы заснуть у меня не выйдет, я тупо поднялся с места и поперся к дверям кабинета. Окликать и останавливать меня преподша не стала. Хотя бы иногда, но моя репутация работала на меня. К тому же, по литературе у меня стабильно выше "полусотни", а к тем, кто хоть как-то учится в нашей "спецшколе" вязаться не принято. Тем более к приютским отморозкам из числа самых отъявленных.

Охранник, встретившийся мне по пути в коридоре, лишь отвел глаза в сторону, даже не пытаясь что-либо спросить. Ну, так мою угрюмую физиономию даже новым надзирателям на первый-второй день показывают, чтоб запомнили. Вместе с еще тремя десятками особо выдающихся "коллег" по цеху прикладного мордобоя. Целью моего недолго путешествия стал мужской туалет для преподавателей на третьем. Учениками школы это место уже давно использовалось по совсем иному назначению. Хотя вконец безгранично борзеть могли позволить себе немногие.

Открыв дверь пинком, так чтоб она громко хлопнула о стену, я как бы ознаменовал свой вход, оповестив об этом всех, кто мог здесь присутствовать. В крайней кабинке раздался и тут же стих быстрый шорох.

- Э, хороняки, есть кто на палубе?! - рявкнул я, снова громко захлопнув дверь.

- Авара, ты? - донеслось из угла.

- Нет, нах, призрак твоего папаши, Кип, - узнал я по голосу вопрошавшего.

Дверь кабинки немного приоткрылась, и наружу высунулась слегка помятая физия Кипа. "Высветленный" блондин красовался сегодня со свежей ссадиной на скуле и сигаретным "бычком" в зубах.

- Чёй-то ты не в духе сегодня? - заметил парень, учившийся на потоке годом старше.

- Да с утра лажа какая-то, - отмахнулся я и остановился у рукомойников, оценивая свою рожу в зеркале с отбитым углом. - Ну и харя. Заделали ж безымянные предки урода.

- Что есть, то есть, - зазубоскалил Кип, но тут же "потух", когда я обернулся.

- А чё, может мне за твой счет настройку поправить, поддакло?

- Э, Авара-кун, не заводись, - замахал на меня старшеклассник и полез к себе за пазуху. - На вот, курни, и

нервишки на место встанут.

- Я в завязке, - буркнуть-то я буркнул, но взгляд от протянутой пачки крепких забористых папирос отвести было непросто.

- Вот от того и дергаешься, - подцепил меня Кип.

- А, хер с тобой, давай!

Цапнув сразу три "сишки", я прикурил от зажигалки Кипа и устроился на подоконнике с видом на пустую спортивную площадку. Она у нас на все три школы одна-единственная. Кип пару раз попытался завести со мной какую-то беседу, но, поняв что "тереть за жизнь" я не намерен, быстро добил свой окурок и вымелся прочь. Я же продолжил сидеть и дымить, все пытаясь понять, что за паршивое предчувствие меня колотит с того момента, как я открыл утром глаза под ненавистные вопли будильника.

А потом я увидел ЕГО. Раньше мне уже приходилось видеть подобных йокаев, но только издали. У них были монструозные тела различной формы, как у каких-нибудь тварей в дешевых ужастиках, но обязательными атрибутами каждого являлись серая плоть, почти прозрачная, похожая на загустевший гель, и желтые кости, просвечивающиеся сквозь эту массу. А еще эти твари были опасны. Чувство ненасытного голода буквально разливалось волнами от каждого из них, и даже обычные люди начинали чувствовать себя неуютно рядом с подобной скотиной, хотя и не могли увидеть ее, как я. На моих глазах эти чудовища трижды нападали на людей, похоже, питаясь их душами или что-то такое. Два раза объявлявшихся йокаев останавливали какие-то люди в странной одежде, отдаленно напоминавшей старинные одеяния ушедших эпох. Не знаю, кто они были, да и мелкий я был тогда совсем. Но два года назад случай в самом центре Изясо запомнился мне гораздо сильнее, чем все пережитое раньше.

Монстр, которого я увидел, не был похож по поведению на других. Он будто хищник притаился под карнизом офисного здания и терпеливо дожидался чего-то. Не могу даже точно сказать, какой он был формы, да и заметил я его (со всем своим обостренным восприятием!) только тогда, когда этот гад выбрал себе жертву. Быстрый рывок, удар зазубренного костяного когтя на тонкой лапе и клацанье челюстей. Народ зашумел и стал сбегаться к пожилому мужчине, вышедшему секунду назад из здания, и вдруг рухнувшего на асфальт, схватившись за сердце. Кто-то вызвал "неотложку", откуда-то сразу же прибежала пара "синепузов", а я стоял и не мог отвести свой взгляд от матовой кляксы под карнизом. А тварь смотрела на меня своими пылающими дырами на месте глаз. Пока, наконец, вдруг не

растворилась окончательно в каком-то чернильном провале, отчетливо подмигнув мне напоследок. Вот так я и узнал, что эти непонятные йокаи, пожиравшие души, могут быть не только тупыми громилами, но и очень хитрыми мразями.

Но тот здоровенный человекообразный урод с длинными лапами и медвежьими когтями, что появился на стадионе, к "умным" явно не относился. Он тупо топал по площадке, издавая гнусавое звериное рычание и гоня перед собой свою жертву. И в тот момент, когда я увидел, кто именно убегает от этого жуткого монстра, меня пробрало резко и по-настоящему. Не признать огненно-рыжую шевелюру Коджимы было нельзя.

"Дерьмо! У мелкого ж первой физ-ра была! - зачем-то пронеслось в моей голове. - Какого долбанного во все щели легавого он всё еще там остался?!!"

Судя по спортивной форме, Кодзима задержался на стадионе или рядом намеренно. Но мне об этих подробностях в тот момент уже не думалось. Отшвырнув недокуренную сигарету, я ногой вышиб оконную раму и без раздумий сиганул наружу в направлении сетчатой решетки, ограждавшей беговые дорожки и поле для ненавистного мне бейсбола.

Ломанувшись на всех парах в сторону Коджимы и монстра, я даже примерно не представлял себе в тот момент, что и как буду делать. Никакого дохлого наброска плана в моей голове попросту не было. Но действовать на чистых инстинктах, ориентируясь исключительно "по ситуации", мне было не привыкать. К тому же в этот раз я без всяких раздумий потянулся к Силе, щедро зачерпывая из незримого источника столько, сколько вообще мог ухватить за раз. Эффект от такого действа сказался сразу.

Выпрыгнув из окна, я пролетел метров тридцать, не меньше, приземлившись почти у самой ограды. Несмотря на то, что ноги мои были обуты в черные теннисные туфли на тонкой подошве, коснувшись асфальта, она оставили на нем пару отчетливых вмятин и небольшую сеть трещин, разбежавшихся по сторонам. При этом никакой резкой боли от подобного приземления я не ощутил совершенно. Более того, у меня даже колени не дрогнули, как при обычных прыжках с высоты. Но останавливаться и восхищаться собой любимым времени не было. Тварь выгнала мелкого почти на центр площадки и вскинула узловатые лапы, украшенные длинными серповидными когтями.

Еще один прыжок с места, с выкладкой без оглядки на последствия, и я перемахнул сетчатый забор, едва коснувшись рукой верхней трубы-перекладины. Убегающий Кодзи в этот момент заметил мое появление, но отвлекшись, запнулся и упал на песок. Не теряя времени, паренек перевернулся лицом к

чудовищу и стал отползать назад. Несмотря на испуг и растерянность на детской моське, силы духа малёк не терял совершенно. Его зубы были плотно стиснуты, а в глазах наряду со страхом пылал огонь неприкрытой ярости, какой бывает у загнанной в угол крысы. Молодец, мелкий, моя школа!

Тем временем, громадный серый ублюдок с некоторым удивлением обратил внимание на внезапное появление нового участника всей этой фантастической сценки. Желейное тело, покрытое склизкой лоснящейся пленкой (назвать это кожей было трудно), развернулось в мою сторону, а вдоль хребта у твари поднялся гребень из костяных иголок. Распахнув пасть с двумя рядами зубов, монстр взревел и ринулся на меня. При этом он совершенно позабыл о мелком, чего я, собственно, и добивался.

Думать, гадать и планировать было уже как-то некогда, и я не стал изобретать велосипед, просто кинувшись на монстра "лоб в лоб", как на здорового быка в уличной драке. При этом свой источник Силы, мне по-прежнему никто не мешал "раскочегарить" по полной программе. Первое - увернуться. Лапища с вытянутыми когтями свистнула над моей головой, а я, уйдя в прыжок за полсекунды до этого, перекатился вперед, оказавшись у этого гада почти в ногах. Вторая "грабля" пропахала в песке за моей спиной глубокие борозды. Морда твари начала наклоняться, то ли пытаясь ухватить меня зубами, то ли просто увидеть. Однако свою попытку достать меня ублюдок уже упустил, и настал мой черед. А формулировку при этом ударе я вложил в свое действие самую элементарную - "убить урода нахрен!"

Мой кулак врезался в нижнюю челюсть монстра в район условного подбородка. "Кожа" в этом месте тут же "лопнула" с отчетливым треском, а серая плоть с багровыми брызгами разорвалась на множество лоскутов. Челюсть йокая разломилась пополам, и ее обломки вывернулись наружу, превращаясь в какое-то кривоватое подобие жвал. В том месте, где кость вывернуло из сустава, по морде йокая щедро побежали потеки темной холодной крови. Но к моему немалому изумлению для того, чтобы прикончить подобную мразь, этого оказалось мало.

Свист хвоста, усеянного плоскими костяными наростами-лезвиями, я успел услышать вовремя. Удар, нацеленный мне спину, пролетел мимо, хотя для этого и пришлось немного покувыркаться назад через себя и упасть на желтый песок. Неистово взревев от боли и гнева, монстр навис надо мной, замахиваясь правой лапой для новой атаки.

- Ааа!!!

"Боевой клич", издаваемый Коджимой, неожиданно резанул мне по ушам, не вызывая при этом ни одной положительной

мысли. Только лишь матерные! Какого дьявола мелкий полез в эту разборку, а не улепетывает сейчас со всех ног куда подальше?! Вот только отчитывать рыжика мне было некогда, тем более что он уже добрался до монстра.

В воздухе мелькнула субтильная фигура с огненным "факелом" на голове, и на вскинутую лапу чудовища обрушился удар тяжелого прута арматуры. Таких выбитых кусков железа всегда до черта валялось под зрительскими трибунами стадиона. Вот только в руках у Коджимы главное оружие ночных разборок между учениками старшей школы Изясо оказалось отнюдь не просто обрезком металла. Толстый витой прут, объятый зеленоватым свечением, врезался с замахом "обеими руками из-за головы" точно по растопыренным когтям чудовища. И они, один за другим, стали обламываться, расплескивая вокруг все ту же зловонную жижу, заменявшую твари кровь. Какое-то мгновение и один-единственный удар рыжего оставил монстра без "пальцев" на правой руке.

Да, своя Сила у Кодзи тоже была, и я по мере своих скромных знаний об этом явлении пытался ее в нем развивать. Но раньше подобных "активных" всплесков у паренька никогда не наблюдалось. Видать сказывалась неординарность всей ситуации и выброс адреналина. К тому же, судя по обалдевшей физиономии самого Коджимы, подобного эффекта от своей банзай-атаки он точно никак не ожидал. Лишив белесого урода пальцев, кусок арматуры в руках у малька продолжил свое движение и глубоко ушел в землю, взметнув над площадкой небольшой султан из желтой пыли.

Пожиратель душ заголосил еще утробнее, чем после моей подачи, и завертелся в поисках своего обидчика. Облако песка не дало ему сразу сориентироваться, а когда ублюдок все-таки заметил обомлевшего рыжика и потянул к нему уцелевшую лапу, то времени к тому моменту прошло предостаточно, чтобы я успел поднять на ноги. И не только подняться!

Прыгая вверх, я уже слегка остудил свой разум, вернув ему привычную холодность и расчетливость, которая не раз пригождалась мне в драках с численно превосходящим противником, когда лишние телодвижения совершать не рекомендуется. Поскольку грубой силы для убийства этого хмыря мне не хватило, хотя в тот удар я вложился без всяких ограничений, то следовало чуть-чуть поправить тактику. И бить не просто сильно, а сильно и точно. Росту в гаде было метра три, не больше, поэтому взмыть над ним в небо и приложить подачей сверху, было несложно. Не зря же я столько лет усердно прыгал по недостройкам в предместьях. Три с небольшим метра - не так

уж и много, в последнее время мне удавалось брать высоту почти в пять.

Мой кулак врезался чудовищу в висок, легко пробив шкуру и достигнув нечеловеческого черепа, превращая его поверхность в труху. На этот раз целью моего удара было "выбить проклятому йокаю глаз", до которого мой прямой удар точно должен был достать с этого "ракурса". На какое-то мгновение мои стесанные костяшки погрузились в мягкое "мясо", тут же начавшее рваться и лопаться грубыми волокнами. Йокай как-то надсадно рыкнул, и стал заваливаться на бок. Но не успела его падающая туша коснуться земли, когда я уже нагнал его в падении и приложил еще раз с левой, для полной гарантии, так сказать.

Узловатые лапы и длинный хвост чудовища судорожно дернулись несколько раз в явной агонии. Отскочив назад, я замер разглядывая поверженного противника. А тело твари меж тем начало медленно распадаться черной тающей пылью.

- Авара-семпай!!! - Коджима чуть не снес меня с ног, буквально повиснув на боку.

- Ну, ты, мелкий, и дал, а! - я в ответ ободрительно улыбнулся и взлохматил волосы на голове у мальчишки. - Теперь, спецом по маникюру можешь идти подрабатывать.

Рыжий поднял на меня свою моську, на которой еще старый страх мешался с новой радостью, а в глазах застыли не пролившиеся слезы, и, видя, что я говорю на полном серьезе, тут же расплылся от похвалы в улыбке.

- Вот только нахрена ты влез-то, а?! - тут же вернул я парня на грешную землю.

- Авара-семпай, я... - замялся Коджима. - Я увидел, что он на вас... И я... Испугался, что он может... А вы еще упали, и...

- Понятно все с тобой, - я снова потрепал "спасителя" по голове. - И кстати, что тут вообще забыл в такое время?

- Ну, - поняв, что его героизм засчитан, рыжий окончательно успокоился. - Я в город хотел удрать. Задержался после первого урока в раздевалке, пока все не ушли. Вышел посмотреть, нет ли кого из вертухаев, а тут эта гнида со стороны парка вылезает. Я думал - примерещилось, но потом вспомнил ваши рассказы. Затаился, думал пересидеть, а она точно на меня прет, и никак ее не сбросить...

Трескотня Коджимы зазвучала уже как обычно, с легким задором и местами "взахлеб", а я сумел наконец составить полную картину произошедшего. Чудовище напало на рыжика не случайно. И тот дядька, который погиб на моих глазах, был не так прост. У него тоже были какие-то Силы, крохотные и неразвитые, о существовании которых он, вероятно, вообще не знал. Но в

момент его смерти я сумел ощутить короткую вспышку тепла, какой не бывает от обычных людей. А обычные люди на моих глазах умирали не так уж редко, стоит заметить.

И вывод из всего этого был неутешительный. Твари охотятся на людей с Силой, чуют их и способны отыскать в любом месте. А что это значит? Да то, что если я хочу спокойной жизни для себя и мелкого, причем не только в привычной реальности, но и в призрачном мире, который виден немногим, то нужно либо учится прятать этот "запах", либо стать достаточно сильным, чтобы при случае навалять не только такому тупому громиле, но и куда более умным и вертким мразотам.

Оглядев стадион, на котором единственными следами, свидетельствовавшими о недавней схватке, были борозды, оставшиеся на песке, да прут арматуры загнанный в землю на три четверти своей длины, я тяжело вздохнул. Интересно, не видел ли кто наши здесь непонятные "танцы", и меня, активно летающим "под куполом цирка". Посторонних поблизости нет, охрана до обеда по территории ползает редко. С этой стороны школы, благодаря архитектуре здания, выходили только окна разных "технических" помещений и лестничных пролетов. А учитывая, что второй урок все еще продолжается, то вряд ли мои художества в компании с рыжиком кто-то приметил. Но потом все же надо будет как-нибудь невзначай поспрашивать.

- Кодзи-кун, - обратился я к пареньку, прервав его рассказ, еще только подбиравшийся к моменту драки. - Ты вроде в город собирался? Или уже на занятия теперь пойдешь, сам смотри. Только о том, что было - никому!

- Я что, не понимаю что ли, - насупился мелкий. - У меня в дурдом прокатиться, спасибо, нет никакого желания.

- Вот и правильно, - кивнул я ему. - Ладно, день-то еще только начинается. Так что давай, после уроков встретимся.

- К Хараде-сенсею сегодня, да? - вспомнил мальчишка, скривив мордашку.

Тренировки в додзё Коджима не слишком любил, хотя бы за то, что учитель гонял его без продыху, как только замечал, что малёк начинает лениться или где-то халтурить.

- Вот только не говори, после сегодняшнего, что это - бесполезная трата времени.

Глянув по сторонам и вспомнив все, что случилось, Коджима вынужден был согласиться. Но свои "три капли" все-таки, не удержавшись, плеснул.

- Жаль только Харада-сенсей кендо не учит, с чем-нибудь таким у меня получше выходит. Сами ведь видели, Авара-семпай.

- Без проблем, могу тебя в секцию к отморозкам Тори

пристроить.

Секция кендо при старшей школе Изясо всегда считалась одной из самых старых и авторитетных группировок. Одной из немногих с "традициями" и богатым "послужным списком", заделанным не одним поколением своих членов. Вот только соваться в "клуб" без приглашения рискнули бы немногие. Хотя меня пару раз сам одноглазый Тори звал на занятия, но понятно, что не по доброте душевной.

Покосившись на меня, и приметив небольшую ухмылку, Коджима хмыкнул в ответ.

- Нет уж, Авара-семпай, лучше за свое спасение мороженого мне еще раз купите.

- О, ками, с кем я связался? - ничего другого сказать мне просто не оставалось. - Как же громко будет выть и стенать старшая школа лет через пять под железной пятой у одного наглого рыжего вымогателя.

- Вам-то чего переживать, Авара-семпай, вы уже выпуск справите к тому времени, да и трогать вас по старой дружбе я не стану, - тут же нашелся Кодзи.

Над его последними словами мы рассмеялись уже вдвоем. Все остатки нервного стресса после драки с чудовищем эта короткая шуточная перепалка сняла уже окончательно. Но мои мышцы и суставы уже начали наливаться свинцовой тяжестью приближающегося "отката", неизбежно следовавшего за чрезмерным использованием Силы. За все хорошее надо платить, ничего не поделать. Теперь, как минимум, до конца сегодняшних занятий буду чувствовать себя, как вареная рыба.

* * *

Оставшийся день прошел без каких-либо экстраординарных происшествий в привычной тоске бесцветных школьных будней. Забавный момент выдался только в обед, когда в наш кабинет с покаянным видом заглянула депутация из старшеклассников, отделанных мной накануне. Процесс принесения извинений прошел быстро, но в полном соответствии со всеми принятыми в такой ситуации нормами. После чего остаток большой перемены пришлось потратить на то, чтобы убедить Юми-тян, что я здесь со всем не при делах, что на меня Ган и компания все время косились чисто случайно, и, вообще, она мне ничем не обязана. Хотя, врать не буду, внимание со стороны симпатичной старосты мне очень даже льстило. Равно как и остальные взгляды, бросаемые на меня одноклассницами до конца занятий. Впрочем, этот случай уже не первый за этот год, а подойти все равно никто

не решится. В нашем классе по большей части примерные девочки из городских, не то, что в параллельном. Так что, скорее небо упадет на землю, чем кто-то из них рискнет первой забросить удочку в мою сторону. Другое дело, если бы я на кого-то глаз положил и начал активно действовать, но... Простите, девчонки, как это ни грустно, нет среди вас ни одной такой, ради которой я плюнул бы на свои невразумительные планы о "лучшем будущем" и сопутствующие им вырвижильные тренировки.

Кстати, на одну из них мы с Кодзи и отправились сразу после уроков. Старенькое додзё Харады-сенсея находилось в квартале частных домов на другом конце небольшого Изясо. Когда-то, еще до войны, этот район и был тем поселком, что дал название городу. Нынче здесь обитали только те, кто унаследовал дом от многих поколений предков, да самые зажиточные толстосумы, которые могли позволить себе приобрести земельный участок, что стоил баснословную цену, как и любой другой клочок пригодной для проживания суши в нашей перенаселенной Японии. Хозяин тренировочного зала, куда мы с мелким ходили по четыре раза в неделю, относился к первой категории.

Сидя на дощатом помосте у входа в додзё, сенсей поприветствовал нас коротким кивком издалека, и продолжил распитие чая, которым всегда занимался в подобное время. В зале к этому моменту не было еще никого. Как-то так уж давно сложилось, что я всегда приходил на занятия в числе самых первых. В дощатом здании раздевалки, пристроенном к душевым, тоже было безлюдно и тихо. Переодевшись в тренировочную форму, по нынешней погоде состоявшей лишь из свободных штанов, я уже собирался идти наружу и начинать разогреваться, когда меня окликнул голос учителя.

- Моэ-кун, - Харада миновал дверной проем своей обычной прихрамывающей походкой. - А кулаки мне свои покажи-ка.

Коджима, ставший свидетелем этой сцены, тихонько хихикнул. А я обреченно вздохнул. И в этот раз сенсей все подметил, хотя даже и близко не подходил. Отпираться, как и всегда, было бессмысленно, и я во всей красе продемонстрировал седовласому наставнику свои напрочь сбитые костяшки.

- Опять ты дрался перед самой тренировкой, - грустно вздохнул Харада, без осуждения, просто констатируя факт. - Сколько же раз я просил тебя не делать этого?

- У меня не всегда есть выбор, - буркнул я, ожидая какого-нибудь умного "размышлизма" от мастера, что непременно должен был последовать на мой ответ.

Как опытный тренер по рукопашному бою, Харада был

мужиком бесподобным. Но годы углубленного погружения в философию воинов и прочих мудреных учений не прошли для него бесследно. Кое-что из этого мне действительно пригодилось при работе с Силой, но большая часть того, что говорил наставник на тренировках (и что непосредственно не касалось развития тела и освоения различных боевых техник) оставалось для меня бесполезным бредом давно почивших старцев.

- Ну, видать уже ничего с тобой не поделаешь, - к некоторому моему удивлению заключил в итоге сенсей и хитро прищурился. - За дело хоть бил?

- За дело, - уверенно кивнул я в ответ.

- Это правильно, - поджал губы мастер. - Поднимать кулак просто так, ради собственной гордыни и славы - недостойно настоящего бойца. А не поднимать его, когда есть повод, еще недостойней. Ладно, давай на пробежку. И накладки одень перед кумитэ!

В отличие от большинства учеников Харады я уже давно занимался по специальной "усиленной" программе. И разница между моим "стандартным" комплексом тренировок и тем, чем обычно занимались другие посетители додзё, проявлялась буквально с самого начала занятий. В качестве легкого разогрева я пробегал тридцать кругов вокруг здания, поддерживая достаточно быстрый темп. Затем шла сотня отжиманий с хлопками. Каждый пятый хлопок делался за спиной. Потом снова десять кругов и полсотни подтягиваний на перекладине. И еще десять кругов.

Брусья, пресс, приседания, скакалка, растяжка, вращение рук, головы и корпуса. Все это чередовалось одно за другим в строгой последовательности, периодически повторяясь и перемежаясь новыми пробежками или прихлопами-отжиманиями. Силовой нагрузкой с гирями я баловался только по пятницам вместо привычных упражнений в дзюдзюцу. И все это, разумеется, без использования Силы. Кто-нибудь мог бы сказать, что для парня моего возраста нагрузки слишком большие, но мне уже давно так не казалось. Говорят, что к хорошему человек привыкает быстро, и, наверное, это так, ведь каждый день, проведенный под присмотром сенсея, давал мне дополнительную песчинку в основание "башни-надежды на лучшее", что я возводил у себя в подсознании. Да и чувствовать себя сильным, само по себе, тоже неплохо.

Спустя часок, когда все мышцы моего тела размялись достаточно хорошо, знаменуя это легким гудением, я перешел к отработке ударов и их комбинаций. Сначала шел полный

комплекс движений в свободном пространстве, затем - продолжительный "спарринг" в углу с толстым столбом, обтянутым пеньковым канатом. Додзё, тем временем, постепенно наполнялось народом. А я все ждал появления Гендо и Шуто.

Эти двое парней числились клерками в какой-то конторе в центре и занимались у Харады-сенсея без малого лет по десять. Но не ради каких-то спортивных достижений, а просто так, для себя. Из всех учеников только эта парочка занималась в додзё так долго. И вот уже почти полтора года никого другого в поединок со мной учитель не ставил. Причем, тот факт, что Шуто уже двадцать два, а Гендо перевалило за середину третьего десятка, никого из нас уже не смущал. Хотя поначалу предложение учителя попробовать свои силы в драке с "зубастым" отморозком из приюта, оба парня восприняли как не очень хорошую шутку. Но уже наши первые схватки на татами стремительно изменили позицию их обоих по данному вопросу.

Правда, Шуто в последнее время не всегда появлялся на занятиях по заведенному в додзё графику. Но сегодня мне повезло, явились оба. Пока мои спарринг-партнеры разминались, на пороге зала появился помятый Маки, но Харада-сенсей был, как всегда, "на страже". Быстро оценив состояние верзилы как не самое удовлетворительное, мастер завернул его еще в дверях, громко пояснив свое решение для всех присутствовавших на площадке.

- За то, что ты инвалид по уму, я не в ответе, - резко отрезал учитель, едва старшеклассник (и мой недавний противник) попытался "качать права". - Но если ты, из-за сочетания вышеназванного порока и своей нынешней физической формы, станешь еще и инвалидом по здоровью то, будь любезен, где угодно, но только не в моем зале! Понял?

Здоровяк угрюмо кивнул, понимая, что спорить с Харадой бессмысленно. Старик всегда очень трепетно подходил к такому условию своих занятий как "не навреди", и железные нотки в голосе мастера не оставляли места для компромисса.

- Даю тебе две недели, чтобы зализать царапины и привести себя в норму. После этого - приходи, сунешься раньше - больше вообще на порог не пущу.

Кисло поблагодарив сенсея за совет, Маки поплелся прочь, подволакивая ногу. А Харада уже переключился на Коджиму, который опять попытался схалтурить, пока учитель вроде был отвлечен чем-то другим. Шуто уже закончил свою разминку и кивнул мне, приглашая на размеченную площадку. Утерев полотенцем пот, струившийся по лицу и шее, я без разговоров последовал за ним.

Несмотря на то, что мой противник был "белым воротничком", десять лет занятий у такого мастера, как Харада, не шутка. К тому же, бой на татами - это не уличная разборка, где все дозволено и запрещенных приемов попросту нет. К тому же там, я всегда мог прибегнуть к Силе, но здесь не позволял себе подобного никогда. Здесь я был только самим собой. Насколько это, конечно, возможно, после всего того, что уже безвозвратно изменилось во мне под воздействием безымянной "энергии".

В принципе, у драки со "старым знакомым" есть как свои плюсы, так и минусы. Главный минус - вы оба знаете друг друга. Стиль, повадки, характер ведения поединка. На этом каждый может строить свою стратегию и продумывать заранее гораздо больше, чем во время спонтанного столкновения с неизвестным бойцом. Но с другой стороны, по моему скромному мнению, в этом заключается также и главный плюс подобной драки. Чтобы выиграть, недостаточно тупо молотить кулаками по воздуху, а чтобы удивить своего условного врага - надо действительно выдумать что-то новое и неожиданное.

Харада-сенсей, заметив наше движение, сам переместился к краю площадки, а многие из учеников откровенно стали бросать в нашу сторону любопытные взоры. Все-таки славу "маленького бешеного бульдога" я себе за эти четыре года среди посетителей зала сумел заработать, а Шуто считался одним из лучших еще до моего прихода. Догнав нас уже на площадке, Гендо коротко бросил "Победителя - мне" и зашагал в оставленный мною угол к многострадальному столбику.

Дождавшись сигнала со стороны сенсея, я, не задерживаясь на "дальних рубежах", полез к противнику сразу в ближнюю зону. Поначалу счет был за Шуто. В круговерти ударов и блоков, я умудрился пропустить два удара в голову и один в плечо, но и клерк получил от меня хорошенько ногой по ребрам. На очередном ударе, Шуто попытался поймать меня на захват, но я вывернулся "нижним юзом" и, оказавшись на четвереньках, сбил его на татами подсечкой. Решив чуть-чуть покуражиться, Шуто вскочил на ноги в прыжке из положения "лежа", и поплатился за это отсушенной левой рукой. Все-таки мой боковой с разворота, когда в силу удара вкладывается все движение корпуса, страшен и сам по себе, без всякой Силы и прочего. Пока офисный работник пытался вернуть своей конечности былую подвижность, я не стал терять времени даром и принялся дожимать противника. Всего дюжина секунд непрекращающейся атаки, и, купившись на ложный замах ногой, мой невезучий соперник словил с двух руку троечку "солнышко - левая скула - печень". В этот момент можно было поднырнуть под выставленную руку и

завершить поединок красивым апперкотом, уложив дезориентированного Шуто на пол, но я не стал этого делать. Мы оба были достаточно опытными бойцами, чтобы понять - бой окончен. А Харада-сенсей всегда приучал своих учеников сдерживаться и не расходовать понапрасну силы. Обменявшись поклонами, мы разошлись в разные стороны под удовлетворенным взором мастера, и место напротив меня тут же занял верткий подвижный Гендо.

Хотя разница в возрасте межу нами была едва ли не двукратная, по комплекции с этим парнем мы были схожи гораздо больше, чем с плечистым, массивным и ширококостным Шуто. И прежде всего, это означало, что бой с Гендо надо вести совсем по-иному. Может быть, вступать в драку со свежим врагом сразу после первого поединка не очень "по-честному", но жизнь такая штука, что по правилам в ней играют лишь редкие идеалисты. Это я тоже давно заучил на собственном опыте, так что не имел ничего против такого сценария, повторявшегося во время наших взаимных кумитэ в додзё уже не раз. Иногда вместо Шуто первым со мной сходился Гендо, иногда мне доставался победитель из поединка двух клерков, и частенько меня вообще "выбивали" еще в первом круге. В общем, все как всегда.

В отличие от более молодого Шуто, мой нынешний противник дрался всегда аккуратно, расчетливо, по минимуму расходуя силу, и нередко умудряясь попросту вымотать своего соперника к концу последнего раунда. Но со мной этот трюк сработал лишь пару раз, и больше на него попадаться я не был намерен. И поэтому на сей раз Гендо пришлось крутиться ужом на раскаленной сковороде, без всяких поблажек. Что, впрочем, ничуть не облегчало участь, доставшуюся в этом сражении мне. Четыре раза противник умудрился пробить мне в голову увесистые "плюхи", используя свое преимущество в росте и длине ног, соответственно. Что поделать, но в этом пока мое единственное явное слабое место. Я, конечно, теоретически еще вырасту и все такое, но мой неполный метр шестьдесят, при нынешнем засилье акселератов, которыми так изобиловали последние поколения жителей Страны Восходящего Солнца, пока что играл исключительно в чужие ворота. Вот и приходилось все время рваться в бой на "сверх-ближней" дистанции, едва не переводя все к схватке "в партере", как говорят борцы, и постоянно рискуя нарваться на болевой захват или бросок. Впрочем, в последних фокусах я и сам был неплох.

Несмотря на легкое головокружение, появившееся еще после третьей подачи Гендо, к концу десятиминутной драки я все же сумел вытянуть победу по очкам, хотя противник все еще

смотрелся довольно бодро. Остановив нас, Харада-сенсей сказал, что на сегодня более чем достаточно, и спорить с учителем мы не стали.

Немного дыхательной гимнастики и прямиком в душ, чтобы окончательно остудить разгоряченное тело. Что ж, я вымотался, как и всегда, но по праву могу гордиться. После утренних приключений и битвы с жутким йокаем, я показал себя на тренировке очень даже неплохо. А уже к вечеру, когда небо скроется в сумерках, и усталость пройдет окончательно, вкус к жизни вернется вместе со всеми прежними ощущениями.

Раздумывая над тем, не свалить ли сегодня на ночной сеанс в кино (деньги на кармане еще имелись, а до нового пособия всего неделя), я вышел из раздевалки и остановился, чтобы дождаться Коджиму, все еще возившегося у шкафа с одеждой.

- Моэ-кун, подойди, пожалуйста, - вдруг неожиданно обратился ко мне Харада-сенсей, оказавшийся рядом, и, предложив жестом следовать за ним, вывел меня через боковую дверь на помост, ограждавший додзё со всех сторон.

Что оказалось для меня неожиданным, так это присутствие здесь Гендо и Шуто.

- Моэ-кун, я хочу поговорить с тобой об одном серьезном деле, - начал учитель, глядя на меня из-под кустистых бровей внимательными глазами, которые, казалось, подмечают вокруг буквально каждую мелкую деталь. - Ты, возможно, не знаешь, но на следующей неделе в Йокогаме пройдет юношеский чемпионат страны. Пять категорий, младшая от десяти до двенадцати...

В принципе, я догадывался, что рано или поздно Харада-сенсей заговорит со мной о чем-то подобном. Слишком много было намеков на это. Да и откровения, брошенные вскользь Гендо, относительно того, что мастер давно хочет представить свою маленькую школу на больших соревнованиях, я запомнил накрепко.

- Там жестокий отборочный ценз, но небольшим провинциальным школам дают места без особых проверок, так сказать, "социальное пособие", - усмехнулся учитель. - И как-то так получилось, что распределением этих мест занимается мой старый друг, который по моей личной просьбе придержал один пропуск на право выступления в первом круге.

- Это неплохой шанс, Моэ, - подключился к беседе Шуто.

- Может быть, даже настоящий шанс для тебя, - добавил Гендо.

Понять парней и их заботу о моем будущем было нетрудно. Для них мое нынешнее существование и дальнейшие перспективы выглядели не слишком радужно. И я искренне был им благодарен

за такую заботу. Однако участвовать в турнирах по рукопашному бою и тому подобных мероприятиях мне никогда не хотелось. Нет, определенно не с этим я связывал свою будущую жизнь...

- Если ты захочешь, то твое участие в чемпионате будет несложно устроить, - подвел итог Харада-сенсей.

Честно говоря, я хотел вежливо отказаться сразу, но надежда, сиявшая в глубине глаз седого учителя, заставила меня проглотить слова, уже почти сорвавшиеся с языка. Все-таки, Харада-сенсей дал мне немало за эти несколько лет. В том числе, это благодаря его усилиям и тренировкам я стал таким, как сейчас. Так почему бы и не помочь мастеру в осуществлении его заветной мечты? К тому же, турнир станет отличной проверкой моих реальных навыков, пусть и в "очищенном" виде. Ведь там будут бойцы со всей Японии, пускай против меня и не выйдет никто старше шестнадцати лет. Но все же, прекрасный способ оценить себя с нового ракурса, а не только с уже привычной позиции "буйного отморозка из старшей школы Изясо".

- Для меня будет честью представлять вашу школу, - ответил я мастеру, склонив вперед голову. - Надеюсь, вы в своем выборе тоже не разочаруетесь.

- Спасибо, Моэ-кун, - буквально расцвел на глазах Харада. - Спасибо тебе.

* * *

По дороге обратно в общагу, Кодзи "взял низкий старт" и умчался куда-то по своим очень важным делам, нетерпящим отлагательств, а я, никуда не торопясь, завернул в знакомый продуктовый магазинчик. К разносолам мое финансовое положение не располагало, но по совету Харады мне пришлось отказаться от дешевой лапши быстрого приготовления и прочих "сухих пайков", как презрительно называл их мастер. Прикупив кусок твердого сыра, пару банок консервов и пачку "охлажденного" риса, я расплатился на кассе и, сунув все в свой спортивный баул, вышел на улицу. Продавец, он же хозяин лавки, как и всегда, еще долго сверлил мне спину подозревающим взглядом. Видать пытался угадать, что этот приютский крысеныш сумел незаметно спереть у него в этот раз. Не буду скрывать, еще пару лет назад я не брезговал иногда взять в магазинах что-то "в бессрочный кредит", если подворачивалась такая возможность, но постепенно мои повседневные запросы настолько точно подстроились под размеры пособия, что мне это перестало быть нужным. Причем речь шла не только о еде и о самом необходимом. А что? Форма казенная, крыша над головой

постоянная, обед в столовой для всех каждый день бесплатный, ужин там тоже дают. Такой же хреновый, как и обед, конечно, но зато дешевый.

Свернув в переулок, чтобы срезать дорогу, я прошел через широкий двор, зажатый между нескольких безликих многоэтажек из серого бетона. Это у нас называлось социальным жильем, в подобные клоповники власти любого города прятали всех неимущих, чтобы потом гордо заявлять всяким гайдзинам, что в Японии нет бедности и бездомных. Но если вдуматься, почти все честно, а то, что в таких сараях нет отопления, и электрический ток подают по три часа утром и вечером - так это мелочи. Впрочем, в Изясо эти дома никогда не наполнялись больше, чем на треть. Зато, примечательным самым примечательным местом, в том числе и для учащихся нашей прекрасной школы, здесь была баскетбольная площадка. Но не из-за массового увлечения баскетболом, а из-за удобных бетонных трибун, огораживавших поле с двух сторон. Из-за размеров двора какая-то часть ступеней всегда была в тени - идеальное место для "посиделок" за пределами территории, где пусть и изредка, но все же шляется приютская охрана.

Перекинувшись короткими кивками-приветствиями с парой старшеклассников, куривших на верхнем ряду, я пошел к противоположному выходу со двора, когда меня остановил парень в знакомой школьной форме, выскочивший со стороны поля.

- Авара!

- Чего тебе, Чонси?

- Дело есть...

Я попытался "объехать" этого типа, двинувшись дальше, но тот снова встал у меня на пути. Видать, и вправду что-то важное, если его так понесло. Видит ведь, что у меня нет никакого настроения разговаривать, пусть и удачный денек сегодня выдался. А все из-за личности Чонси. Бледная кожа, мешки под глазами, осунувшееся лицо, воспаленные глаза - не надо семь лет учиться на врача-нарколога, чтобы поставить диагноз. Но Чонси сам выбрал такую жизнь, а я никогда не считал себя благотворительным фондом, чтобы спасать людей от их собственной глупости. Все-таки факт не изменишь - теории Дарвина работают на практике, и генофонд очищается сам собой с каждым новым поколением. И нет, я не считаю, что наркомания это болезнь. Болезнь - это клинический идиотизм тех, кто сел на иглу. А сами по себе наркотики лишь опасная и вредная привычка, не более чем табак или обжирание на ночь. А умереть человек может и, будучи, совершенно здоровым. В этом случае

даже обидно, наверное, будет. Самому умершему.

- Авара, правда, дело есть.

- Я слушаю, - ответил я, хмуро косясь на собеседника исподлобья.

- А ты сегодня, я смотрю, как всегда, просто светишься радостью и весельем, - хмыкнул, скривившись, наркот.

- Чонси, я ни секунды не сомневаюсь, что тебя, за твою внешность возьмут клоуном в любой бродячий цирк. Но когда начнешь карьеру балаганного шута, будь так любезен, ограничивайся пантомимой. Словесные шутки - это не твое, - выложил я собеседнику, не повышая голоса, и махнул свободной рукой. - Я пошел.

- Авара, да ладно тебе, не злись, - залебезил тут же этот прилипала. - Вот лучше, глянь.

- Что там?

- Купи часы, а?

Наркоман выудил из внутреннего кармана гакурана свою находку.

- Китайская электроника, снятая утром с загулявшего клерка? - я презрительно сплюнул, но на находку Чонси все же взглянул.

- Почему сразу... - надулся "делец", и получил ответ, так и не задав вопрос до конца.

- Потому, что другое тебе взять неоткуда. Гэнки и его подпевалы, при которых ты у нас обычно шакалишь, после позавчерашней "беседы" с Тори, его приятелями-кендошниками и их деревяшками еще неделю будут отсиживаться по лёжкам. Из восьми сегодня только двое на занятия вышли, и то выглядели и хромали, при этом, как квантунские дезертиры после пешего перехода через Монголию. Сам же ты отжать у кого-то нормальную вещь точно не сможешь. Вариантов нет - пьяницы или такие же как ты, обдолбавшиеся...

- Вот сразу так все ворчат, а вещь хорошая, - забурчал недовольно Чонси.

На этот раз я его даже прерывать не стал, потому, как окончательно рассмотрел добычу этого уличного падальщика. Часы, и вправду, были хорошие. Стальной корпус, стальной браслет, все хромированное. Механические - уже редкость по нашим временам, а на этих еще и значки какие-то. "Глубина", "давление", "противоударные". Действительно, очень крутая штука. Были бы деньги, может тогда бы, а так...

Хотя, была в этой ситуации одна серьезная непонятка, сразу засверкавшая у меня в голове крошечным маячком. Откуда у Чонси такая вещь? Ведь взяться ей определенно неоткуда, а уж в

том, что часы ворованные можно не сомневаться. А от сочетания "ворованное и дорогое" серьезно несло "возможными неприятностями". Не, на кой черт оно нужно, с подобным связываться? Еще боком выйдет.

- Дорогая игрушка, - я поднял взгляд обратно на Чонси, смотревшего на меня с надеждой. Видать сильно парня ломает, очень деньги нужны. - С таким не по улице шлятся, а сразу в лавку к Зарасу идти надо было, - добавил я с легким намеком.

Горуи Зарасу был владельцем единственного частного ломбарда на весь Изясо. Лавка этого странного мужика находилась в той же старой части города, что и додзё Харады-сенсея. Примечательно его заведение было тем, что в нем принимали под залог любые ценные вещи и никогда не интересовались их происхождением. Никто не знал, какие именно у хозяина ломбарда есть связи в криминальных структурах и городских верхах, но скупать краденное почти в открытую Зарасу не стеснялся. И многие, начиная от мелкой шпаны типа нас и заканчивая солидными дядьками в костюмах, пользовались услугами ломбарда Горуи без всякого стеснения.

Но упоминание имени скупщика, прозвучавшее из моих уст, вызвало у Чонси довольно странную реакцию. Наркоман скривился, как будто разжевал пару "горошин" сушеного перца, и выдохнул сквозь зубы в сторону сдавленное ругательство.

- А он не может к нему пойти, - раздался сверху голос одного из курильщиков.

Я вопросительно покосился на дымящего парня и тот с готовностью пояснил.

- Горуи его пинком под зад вышвырнул на прошлой неделе. Этот дебил пришел к нему с товаром, а потом попытался по-тихому в кассу залезть!

Чонси скривился еще сильнее, чем раньше, а оба старшеклассника, сидевшие наверху, тут же громко расхохотались, демонстрируя свое отношение к выходке наркомана. А ведь и вправду, ну очень тупой поступок. Зарасу - мужик серьезный, такого не спустит, и как минимум больше на порог своей лавки Чонси уже не пустит. Пытаться "подстричь" йен у единственного человека в округе, который является источником сбыта для мелкого ворья и подобных наркотов, это надо очень сильно головой удариться. Зато, сразу становится все понятно - и нервозность Чонси, и его желание сбыхать вещь хоть кому-то...

- Звиняй, я с кретинами дел не веду, - и, сделав шаг в сторону, чтобы обойти собеседника, я снова двинулся в проулок между домами. Чонси, хлопая глазами, так и остался у меня за спиной лишь бессильно скрипеть зубами.

Чтобы выйти к автобусной остановке, находившейся напротив приютского общежития, требовалось миновать полдесятка небольших закоулков, куда выходили двери всяческих технических пристроек многоэтажных сараев. Шаги преследователя нагнали меня точно на середине пути. Аккуратно бросив сумку на землю, я обернулся. В принципе вопросы были излишни, но почему бы не дать парню шанс.

- Совсем крышу сорвало?

Кривоватая улыбка Чонси, видимо, должна была означать дикий оскал.

- Прости, Авара-кун, но лучше давай по-хорошему...

Наркоман сунул правую руку в карман. Свинцовый кастет, самодельный, у нас подобные часто льют еще по малолетке. Потом обычно все уже ножами обзаводятся.

- Ты смотрел на них, приценивался, - облизнув губы, забормотал наркот. - Значит, деньги у тебя с собой есть. Так что, лучше просто сам отдай...

Трясущиеся руки и тот бред, который казался самому Чонси связным и логичным, ясно указывали на то, что придурок почти на грани. Выходит, я сильно недооценил, на какой стадии ломки он находится. Тут обычные разговоры уже не помогут.

- Не, придется по-плохому, - я отрицательно мотнул головой.

Начинающий разбойник двинулся в мою сторону рваным шагом, стиснув зубы и крепко сжимая в руке свое оружие. Я молчаливо дожидался его приближения.

Единственная проблема с наркоманами в драке - они гораздо меньше чувствительны к боли. Поэтому их сложнее "взять на испуг", но выход из этой ситуации есть, и он очень простой. Их надо сразу вырубать. А потому, как только Чонси попытался нанести первый удар, я уклонился влево, поймал его руку за локоть и, дернув на себя, угостил прямым в глаз, добивающим в висок, а затем еще одним прямым в нос "накоротке". Тощее тело свалилось на пыльный асфальт как марионетка, которой обрезали разом все нити. Звякнул упавший рядом кастет. Всего дел-то...

Но взять и уйти просто так я не смог. Тот факт, что Чонси при всех своих шакальих инстинктах, которые прекрасно помогали ему выживать все эти годы, одурел настолько, что полез на меня, прекрасно зная мою репутацию, четко говорил об одном - этот дебил у самого края, и куда сдвинется дальше его сознание, жестоко искореженное от нехватки метамфетамина, одним лишь безымянным предкам известно. Оставлять его здесь было нельзя. Очнется, прочухается и поползет дальше искать себе "добычу". Нарвется на кого-то как я или на патруль "синепузых" -

нестрашно. А если девчонка или из мелких кто-то ему подвернется? Мозга-то в голове у Чонси больше нет, и оставлять на своей совести то паскудство, которое он может сотворить в дальнейшем, мне не хотелось.

Варианты были, конечно, возможны, но я выбрал самый простой. Наступив наркоту на правое колено своей ногой, взялся за его голень обеими руками и потянул с силой вверх. Хрустнуло громко и смачно. Очнувшийся от боли Чонси попытался сесть и заорать, но мой кулак вбил ему вопль обратно в глотку, отправив снова в глубокий нокаут. Подняв сумку и ухватив незадачливого грабителя за шиворот гакурана, я зашагал дальше, волоча этот мешок с экскрементами следом за собой.

Прохожих на улице оказалось немного, да и были они все далеко. Мне пришлось чуть отклониться, чтобы не выйти к остановке, но пройти лишнюю сотню шагов мне было не тяжело. Сунув бледного уродца в прозрачную телефонную будку, я набрал на клавиатуре бесплатный номер "скорой помощи" и, не дожидаясь ответа, оставил трубку автомата болтаться навесу. Звонок пройдет на пульт, там засекут, откуда он сделан. По инструкции, если никто не отвечает, оператор будет обязан выслать на место дежурный наряд, чтобы все точно проверить. Чонси к тому времени вряд ли очухается, а значит, на ближайшее время отправиться отдохнуть в больничку. Там его, глядишь, еще и по линии наркологии прогонят, прокапают и мозг тренингами отформатируют. Все ж лучше, чем, если бы он попался в лапы к легавым. А сдать его самому "синепузым" мысль была, но боюсь, меня в этом случае очень многие бы не поняли. За такое, пускай "жертвой" и стал никому не нужный ублюдок-наркоман, большие группировки вполне могли сговориться и устроить мне "темную" с летальным исходом. Стукачей и прочих "дятлов" я и сам недолюбливал, что уж тут говорить про тех, кто видел свою дальнейшую жизнь в прямой связи с разными Кланами и их неписаными законами.

Наклонившись, я вытащил из-за пазухи у Чонси часы, послужившие катализатором нашей короткой схватки. Такую вещь надо забрать. Доктора - не идиоты, найдут такую вещицу у приютского "крысеныша" и точно вызовут легавых, как минимум, чтобы проверить все. Наркоман, искалеченный, дорогая вещь - явно украл у кого-то, за что и поплатился. Этого нам не нужно. Вот только теперь открытым оставался вопрос, что с этими проклятыми часами мне самому делать прикажете?

* * *

Вторая половина рабочего дня в полицейском опорном пункте номер восемь, как правило, было временем унылым и довольно скучным. Даже, несмотря на близость известного во всем городе приюта. Все-таки в дневные часы малолетнее хулиганье было не столь активно, как по ночам, и вообще предпочитало не мозолить глаза стражам порядка.

Дежурный офицер Моригаса, полицейский с двенадцатилетним стажем, еще годы назад мастерски освоил мелкие житейские хитрости своей работы, а главное блестяще овладел искусством несения своих обязанностей за стойкой для обращения посетителей. Главным правилом службы офицера было "не напрягайся". "Само собой рассосется" и "не лезь, куда не просят" следовали за ним в жестком кильватере. В общем-то, жизнью своей и судьбой Моригаса был очень доволен. Правда, иногда все же случались непредвиденные происшествия, заставлявшие сотрудника полиции города Изясо слегка понервничать.

Отворив стеклянную дверь, в помещение опорного пункта вошел подросток. На вид ему было лет пятнадцать-шестнадцать. Короткая стрижка, серые не слишком выразительные глаза, мятая, явно не глаженная школьная форма ученика старшей школы. Последнее сразу заставило Моригасу подобраться. Занятия давно закончились, а дети городских жителей носить подобное одеяния после уроков не слишком любили. У приютских же воспитанников большого выбора в одежде, как правило, не было. Да и лицо у посетителя было такое мрачное и скуластое, что ни дать, ни взять, а вылитый будущий уголовник. Взгляд офицера профессионально мазнул по рукам паренька. Так и есть, костяшки снесены начисто, два пальца в фиксирующем пластыре. Первые догадки полностью подтверждались. Во только что этот фрукт забыл в таком месте?

Школьник, тем временем, не тратя ни мгновения, чтобы осмотреться, уверенно двинулся к стойке. Похоже, с "картой" помещения он был прекрасно знаком и чувствовал себя здесь вполне уверенно. И это было уже довольно необычно. Пройдя к боковой стойке, и даже не взглянув на дежурного (каков наглец!), подросток вынул из стеллаже пластиковый контейнер с герметичной крышкой и стандартный бланк "для находок" из закрепленной рядом папки. Достав из-за пазухи часы со стальным браслетом, школьник бросил их в коробку и припечатал крышку ладонью. Отставив контейнер в сторону, посетитель вытащил гелиевую ручку из держателя на стойке и принялся с безучастным видом заполнять бланк.

Сказать, что происходящее лишь немного удивило

Моригасу, значит, не сказать ничего. С другой стороны, чего-то экстраординарного тоже не происходило. Из-за полупрозрачной перегородки высунулся молодой офицер Акасу, сегодняшний напарник Моригасы, бросив на старшего коллегу вопросительный взгляд. Тот в ответ лишь пожал плечами. Подросток меж тем закончил писать.

- Проверь, - сухо (и с грубостью на самой грани) потребовал парень, переместившись с бланком и контейнером прямо к дежурному.

Моригаса негромко хмыкнул с легкой укоризной, но принялся за исполнение своих непосредственных служебных обязанностей. "Находкой" действительно оказались часы, механические и, судя по всему, весьма дорогие. Вот так дела... Формуляр был заполнен малолетним хулиганом с безукоризненной правильностью.

- Все верно? - если бы не жесткий тон подростка, офицер не преминул бы натянуть на лицо свою казенную улыбку.

- Верно, - кивнул полицейский.

- Распишись, - палец школьника ткнул в строчку в конце.

Конечно, по-хорошему стоило бы получить малолетнего хама учтивости, хотя бы на словах, но Моригаса вовремя вспомнил свой главный жизненный принцип. И поэтому, молча, поставил в последней графе свои фамилию, имя, звание, должность и время, когда была сдана "находка". Пока офицер делал соответствующую запись в отчетном журнале, школьник без лишних слов оторвал себе нижний бланк-копию и, подвинув основную бумагу с контейнером на сторону дежурного, двинулся обратно на улицу. Тихо хлопнула, закрываясь, входная дверь.

- И что это было? - выждав секунду, уточнил молодой напарник.

- Спроси, что попроще, - хмыкнул Моригаса и, открыв плотную крышку, еще раз проверил содержимое ящичка.

- Хм, а еще говорили мне, что в школьной форме в такое время ходят только приютские, и все они сплошь бандитские выкормыши, - заметил Акасу с широкой улыбкой. - Приврали малость выходит...

Парня перевели в их небольшой городок после окончания академии префектуры совсем недавно, но обо всех местных "раскладах" более опытные коллеги успели прожужжать ему уши. Акасу, как всякий начинающий полицейский, информацию к сведению принял, но во все слухи до конца так и не верил.

- Не надо грешить на коллег, молодой человек, - иронично хмыкнул Моригаса, вспоминая, наконец, где он видел зашедшего к ним подростка. - Посмотри лучше туда.

Напарник, проследив жест дежурного, обернулся к боковой стене, которую не было видно из общего зала, и ойкнул, заметив в центре большого информационного стенда среди множества фото физиономию недавнего посетителя.

- Этот как раз из таких, - для полной уверенности офицер взглянул на роспись в бланке. - Одавара Моэясу, сынок того самого Канагавского Ястреба...

- И что он сдал?

Подойдя к стойке, Акасу удивленно присвистнул.

- Откуда у него такие часы? Ведь точно краденные!

- Неважно уже, - отмахнулся Моригаса. - Находка оформлена, в журнале зафиксировано. Мне вот куда интересней, с чего это он вдруг вообще решил сдать подобную вещь... Хм, выходи не врал Сэмуси...

- О чем? - тут же полюбопытствовал молодой коллега.

- Да, рассказывал, что где-то полгода назад к нему этот самый Одавара пришел и точно вот также сдал бумажник, который нашел на улице. А там ведь деньги были, документы, - дежурный задумчиво провел рукой по лицу, будто бы приглаживая несуществующую бороду. - Мы ему тогда не поверили еще, смеялись... А выходит зря.

* * *

На занятия в пятницу я не пошел, решив попросту забить на это дело. Ничего интересного для меня в этот день все равно не велось, а на следующей неделе я планировал вообще не появляться в стенах родной школы. Харада-сенсей даже пообещал озаботиться тем, чтобы мое отсутствие на занятиях имело под собой "официальную почву", и лично переговорить на эту тему с директором. Даже не сомневаюсь, что выбить мне "разрешение на прогулы" у него получится без проблем. Руководитель нашего учебного заведения только рад будет на время сплавить одного из самых "трудных" учащихся куда подальше.

И хотя чемпионат начинался только в следующий четверг, а на скоростном поезде по современной железной дороге до Йокогамы было добираться не больше суток, Харада намеревался посвятить все выходные и пару дней после моей дополнительной подготовке. Все-таки, на таком большом и официальном турнире предполагались соревнования в "спортивной" версии дзюдзюцу. Хвала ками, что дзюдо шло вообще в другой категории, также как айкидо и вариации карате. Однако моя проблема, по мнению сенсея, заключалась в том, что от классической версии того единоборства, которому я вроде как обучался, моя техника

отличалась явным переизбытком атакующих движений и нехваткой бросков. В общем, по вопросам кэнсэцу мои навыки немного не дотягивали до принятого в бойцовских кругах понятия "мягкой силы", концепция которой издревле лежала в самой основе дзюдзюцу.

К наработке необходимого минимума мы намеревались приступить, начиная с субботнего утра, а сегодня я еще должен был почтить своим вниманием стены родного учебного заведения, но... У меня были дела поважнее. Все-таки, отъезд в Йокогаму планировался на несколько дней, и как минимум одной проблемой в свое отсутствие мне требовалось озаботиться в обязательном порядке.

Недавняя драка с чудовищем на спортивной площадке по-прежнему не шла у меня из головы. Но куда более важным мне виделся тот момент, что напала эта тварь именно на Коджиму. Версия о том, что йокай приперся не просто так, а на специфический "запах растревоженной Силы", исходивший от рыжика, была до сих пор самой правдоподобной. И кто знает, что произойдет, если еще одна такая паскуда заявится в гости к мелкому в мое отсутствие? Мне и в тот раз удалось уберечь его лишь чудом. Просто повезло, что вышел покурить именно в этот момент.

Для решения этого вопроса я отправился с утра пораньше на рейсовую станцию и сел на автобус до Нагаоки. Всего час езды, и ты совсем в другом мире, почти не похожем на наш развеселый городишко. Я, правда, вышел за одну остановку до того, как автобус въехал в пределы городской черты, и углубился по мощенной камнем тропинке в густой еловый лес, еще сырой и прохладный от утренней росы. Вскоре деревья окончательно скрыли за собой панораму, являвшую собой живописный вид на пестрое одеяло разноцветных крыш пригорода Нагаоки с далекими многоэтажными зданиями в деловом центре. Вокруг было тихо и спокойно, а петляющая тропинка привела меня, наконец, к широкой каменной лестнице, предварявшей ворота в небольшой синтоистский храм, прячущийся в этой глуши от посторонних глаз.

На это место я наткнулся во время одного из своих школьных побегов, и прожил здесь почти неделю, прежде чем вернулся в приют. Собственно, именно после этих событий в моей жизни и появился тогда первый человек, которого я мог бы назвать своим хорошим знакомым. Пять лет почти прошло, а кажется, только вчера я плелся вверх по этим ступеням, шмыгая носом и слушая урчание в брюхе.

- Одавара-сан, неужели вы опять прогуливаете? - вопрос,

прозвучавший сверху, заставил меня поднять лицо, оторвавшись от собственных мыслей, и искренне улыбнуться.

- Конечно, Сагами-гонэги, а как же иначе-то?

Невысокий полноватый жрец-каннуси, облаченный в свои привычные одежды служителя храма и темно-синее хаори, наброшенное поверх, поправил очки с круглыми линзами и шутливо погрозил мне пальцем.

- Ах, как это нехорошо с вашей стороны... Но я все равно рад тебя видеть!

- Взаимно, Сагами-сан.

- И хотя я знаю, что ты явился, наверняка, по делу, а не просто, чтобы проведать старого знакомого, - вздохнул священник, - но все равно буду счастлив угостить тебя свежим чаем и насладиться долгой беседой.

- Перекусить - это точно бы не помешало, - согласиться мне было нетрудно, тем более что в плане завтрака этим утром я слегка сэкономил.

Обменявшись общими фразами на извечные "предварительные" темы, вроде здоровья и погоды, мы миновали ворота-тории, и прошли на огороженную территорию святилища. Главное здание храма находилось в дальнем конце широкой аллеи, засаженной все теми же елями, а наш путь лежал чуть в сторону, туда, где прятался среди деревьев дом самого Сагами. Краем глаза, я успел заметить, что на помосте у входа в храм перед большой статуей Бисямона, сидит троица в старинных одеждах. До моего слуха долетели обрывки звуков, состоявшие из стука красных бусин на жреческих четках и невнятного речитатива мантры, но разобрать слов я так и не смог. Да в принципе, и не старался.

- Сегодня что-то мало, - заметил я, косясь краем глаза в сторону троицы, уже пропавшей за развесистыми еловыми лапами.

- Обычный обход, никаких серьезных ритуалов, - отозвался Сагами.

Присутствуй при нашей беседе кто-нибудь третий, и точно бы покрутил пальцем у виска. Ведь обычный человек не увидел бы никого на пороге храма. В этом и заключалась маленькая тайна, спрятанного в лесу святилища, что задержала меня тогда здесь гораздо дольше, чем я планировал. Что именно скрыто в храме, Сагами открытым текстом мне никогда не говорил, но намеки жреца отчетливо указывали на что-то очень опасное. И это что-то лучше было держать подальше от простых обывателей. Ведь не зря же призраки бывших каннуси, как объяснил мне нынешний жрец, регулярно появлялись на территории храма,

чтобы провести все необходимые обряды и ритуалы, которые и дальше позволят держаться таинственным скрепам, наложенным на это место. Однажды число визитеров при мне превысило половину сотни, а кроме того, жрецов сопровождали не меньше двух дюжин странных духов в ярких одеждах, в доспехах и при оружии, совсем как древние буси на старинных гравюрах. Кстати, эти "странные" были очень похожи на тех, кого я смутно помнил по своим первым встречам с йокаями, пожиравшими души. Так что, наверное, эти призраки были каким-то аналогом духовной стражи. Собственно, поэтому я и пришел к Сагами за советом и просьбой о помощи.

Выпечка у жреца была, как и всегда, свежей, а чай душистым, но слегка передержанным. Однако вкусы мои формировались в весьма "спартанских" условиях, и поэтому я не привык отказываться от того, что мне дают безвозмездно. Или, не доведите предки, еще и критиковать при этом дающего. Особенно, когда речь шла о халявной еде или полезных знаниях. После небольшого, но очень профессионального "допроса", учиненного Сагами на тему школы и моих занятий в додзё Харады-сенсея, о которых священник давно был в курсе, мы неспешно перешли к главной теме моего внезапного визита. Скрывать что-либо от полноватого служителя культа у меня смысла не было никакого. То, что я могу видеть духов, Сагами знал и так, и наличию у меня Силы не удивился бы, хотя открыто о ней я ему не рассказывал. Вкратце описав события встречи с монстром и пояснив, что нам с Коджимой удалось "забить эту тварь на чистом фарте", я поделился своими опасениями насчет того, не явится ли в школу очередное чудовище, когда меня не будет поблизости.

Сагами выслушал меня с предельно серьезным лицом, сразу догадавшись, к чему я клоню, и почему пришел за помощью именно в это место.

- Возможно, мне удастся обратить внимание определенных лиц на Изясо, - заключил, наконец, священник, хрустя печеньем, - так, чтобы в ближайшее время для школьников и остальных простых жителей подобной опасности не возникло. Все это, конечно, далеко вне моей текущей... компетенции, которая, по большому-то счету, сводится лишь к поддержанию порядка в этом комплексе, но, по крайней мере, я могу пообещать, что меня точно выслушают.

- Если хотите, Сагами-сан, могу составить вам компанию? - предложил я, прекрасно понимая, что если это хоть как-то увеличит благоприятный исход для решения этого вопроса, то будет глупо - не попробовать вовсе.

- Спасибо, Одавара-сан, но нет, - покачал головой священник. - С этими силами я знаком давно, и знаю, как будет лучше себя повести и к чему апеллировать при беседе, а твое участие ничего не изменит. Уж поверь мне на слово.

- Это вам спасибо, что соглашаетесь мне помочь.

- Ну, я все-таки служитель древней веры, - шутливо обиделся Сагами, манерно вскидывая подбородок и поджимая губы. - Это мой долг - заботиться о прихожанах и их интересах. Пусть в число тех, кого я отношу к упомянутой категории, входит всего один молодой и очень задиристый школьник.

- На это и был мой расчет, - рассмеялся я, подливая себе еще чаю. - А за услугой с моей стороны дело не встанет. Только скажите, кому начистить физиономию, и все будет сделано в тот же день. Можно даже двоих!

- Не перехваливайте себя, Одавара-сан! Хвастовство, оно, знаешь, еще никого и никогда не доводило до добра.

- Вот выиграю чемпионат, Сагами-сан, тогда и посмотрим - хвастун я или нет.

* * *

Тихо работавший кондиционер создавал в помещении приятную прохладу.

- День добрый, уважаемый офицер.

- Добрый день, - казенно улыбнулся дежурный.

Глаза офицера Моригасы профессионально-изучающим взглядом "ощупали" посетителя, по вине которого доблестному стражу порядка пришлось минуту назад оторваться от своего регулярного послеобеденного разгадывания судоку-тудоку.

Гость был мужчиной средних лет и достаточно высокого роста для своей возрастной группы, где-то не менее метра восьмидесяти. Его некогда иссиня-черные волосы сейчас обильно покрывало благородное серебро седины, но выглядел неизвестный подтянуто и бодро. На загорелом скуластом лице заметно выделялся нос - довольно длинный, острый и с широкими крыльями. Разобрать точный оттенок темных слегка прищуренных глаз при таком освещении было трудно. Одеждой мужчине служил слегка помятый, но, несмотря на это, сидевший на нем просто отлично деловой костюм-тройка темно-серого цвета. На жилете была заметна вышивка золотой нитью. Рубашка казалась белее первого снега, а из-под штанин выглядывали носы черных лакированных ботинок. Галстук, подобранный в тон, украшала заколка с зеленым камнем, возможно драгоценным. Дополняли этот наряд шляпа с узкими полями, легкий летний

плащ из новомодного синтетического волокна, солнцезащитные очки, которые посетитель снял при входе, и полированная трость с загнутым костяным набалдашником. Причем, судя по походке мужчины, которую видел Моригаса, последний элемент образа был сугубо "декоративным".

- Видите ли, офицер, я недавно потерял свои часы в вашем районе. Возможно, кто-нибудь возвращал их на ваш опорный пункт? - произнес посетитель своим чуть хрипловатым, но в целом приятным голосом.

- Вполне вероятно, - кивнул Моригаса. - Но если бы вы описали их мне...

- Конечно-конечно, - заулыбался неизвестный. - Механические, марка "Orient", стальной корпус матового цвета, браслет в комплекте, на втором и третьем звене от замка глубокая косая переходящая царапина.

- Похоже, что у нас есть нечто подобное для вас, ... - Моригаса чуть задержал конец своей фразы на вопросительной ноте.

- Ах да, - демонстративно смутился посетитель. - Где же мои манеры? Приношу свои самые глубочайшие извинения, офицер. Моя фамилия Горуи, - на стойку легла карточка удостоверения личности, запаянная в пластик. - Горуи Зарасу.

- Горуи Зарасу? - в голове полицейского щелкнул какой-то незримый тумблер. - Не вы ли случайно будете...

- Да, я владелец ломбарда в Старом районе, - не дослушав вопроса, ответил Зарасу, все также вежливо улыбаясь. Но вот во взгляде этого человека проскочило вдруг что-то, от чего Моригаса невольно поежился.

- Одну минутку, Горуи-сан.

Вернувшись с нужным контейнером из хранилища, полицейский предъявил содержимое коробки посетителю.

- Да, это они, - кивнул Зарасу.

- Что ж, в таком случае, мне лишь остается попросить у вас подтверждения, что эта вещь действительно принадлежит лично вам, - прекрасно изображая извиняющийся тон, развел руками дежурный. - Учитывая, как точно вы ее описали, я не сомневаюсь, но правила...

- Не волнуйтесь, уважаемый офицер, я знаю правила, - улыбка хозяина ломбарда почему-то все больше не нравилась Моригасе.

На стойку легла небольшая кипа документов, скрепленных канцелярской скобой.

- Магазинный паспорт часов, где указан их индивидуальный номер, выбитый на шестерне внутри механизма. Чек на оплату за

данный товар. Инструкция и купон страховой фирмы, работающей с этим магазином. Все выписано на мое имя, но в случае необходимости тут указаны координаты, по которым можно связаться с людьми, которые мне их продали, - отрывной листок блокнота, заполненный мелкими иероглифами и арабскими цифрами, лежал в самом низу. - Конечно, прошло уже семь лет, но я почему-то уверен, что мы сможем их отыскать, и они с удовольствием подтвердят мое право собственности.

- Благодарю, Горуи-сан, но это излишне, - снова натянуто улыбнулся Моригаса. - Для нас вполне хватило бы паспорта и чека. Возвращаю вам ваше имущество.

Пока дежурный возился с оформлением протокола "о возврате находки", Зарасу извлек часы из коробки и внимательно оглядел со всех сторон, будто бы ища что-то, известное только ему одному.

- Офицер, могу я узнать, кто именно вернул вам мою вещь?

- Да, это не секретная информация, - отозвался Моригаса, указывая на протокол "о сдаче". - Учащийся второго года старшей школы Одавара Моэясу.

- Одавара? - похоже, прозвучавшее имя слегка удивило владельца ломбарда, как если бы он ожидал услышать нечто иное. - Значит, просто пришел и отдал?

- Да, бывает у нас еще такое, - по-своему истолковал удивление посетителя офицер.

- Занятно, очень занятно, - Горуи поднес часы к глазам, разглядывая бегущую секундную стрелку. - Вот так вот просто взял и отдал... Занятно...

* * *

Центральный железнодорожный вокзал "восточной столицы", носящий неоригинальное название "Станция Токио", встретил нас шумом и гулом многоярусного муравейника, даже, несмотря на то, что огромные электронные часы, развешенные то там, то здесь, показывали лишь пять часов утра. Сверхскоростной синкайсен[3], доставивший нас в самый загруженный железнодорожный узел Японии, шустро уполз за закрытые двери депо, едва на перрон выгрузились последние пассажиры, а контролеры и дежурные "синепузы" закончили общий обход. Однако времени стоять и глазеть по сторонам, у нас совершенно не было. К восьми часам следовало уже заселиться в гостиницу главного спортивного комплекса Йокогамы, а до побережья еще надо было добраться. Впрочем, не скажу, что я сильно переживал из-за того, что не смог в полной мере насладиться

урбанистическими пейзажами перерожденного Эдо.

Без лишней суеты, но и не прогулочным шагом, я, Харада-сенсей и Гендо направились к пересадочной станции, чтобы сесть на монорельс, идущий в нужную сторону. Четыре баула с одеждой, снаряжением и прочими вещами, включая "походную аптеку" и запас "дорожных" полуфабрикатов ("Отрави себя сам!"), мы с клерком волокли на себе, потому как прихрамывающий наставник и так поспевал за нами еле-еле. В общем-то, то, почему Гендо вообще решил поехать с нами, мне было ясно сразу. Ведь как бы сенсей не строил из себя на тренировках сурового учителя и бодрого живчика, седьмой десяток - это не шутка, а мне одному заниматься всеми делами, одновременно при этом, еще и участвуя в соревнованиях, было бы не с руки.

После еще одной часовой поездки утренняя Йокогама показалась нам такой же шумной и разноцветной, как и токийский вокзал. И насколько я знал, дело здесь было даже не в предстоящем чемпионате. Подобное творилось в этом занятном местечке, с тех самых пор как полтора века назад добренький американский дядя по фамилии Перри, носящий звание командора флота, вошел со своей пароходной эскадрой в токийский залив. После чего пригрозил сжечь "к чертям собачьим" весь гордый Эдо, если "сёгун, император или кто там еще командует у этих желтых макак" не подпишет соглашение об открытии всех японских портов для свободной и беспошлинной торговли с заокеанским соседом. Стоит ли говорить, что после этого гордые самураи тут же задрали лапки кверху и сочинили, буквально на коленке, тот самый "важный и послуживший поворотным для Японии" Канагавский договор? Короче, очередная блистательная победа американской дипломатии в историческом контексте. Ну и хрен с ней. Продолжающаяся на тот момент "изоляция Токугава" тоже была той еще придурью.

Зато Йокогама после всех этих бурных событий стала по праву первенства главной портовой "витриной" для всех иностранцев, прибывавших в Империю. Город контрастов, в котором смешались Восток и Запад, как любили пафосно писать в учебниках истории и вещать все местные гиды. Вот только они почему-то всегда забывали, что кроме всего хорошего от двух культур, здесь с легкостью объединилось еще и все плохое, низкое и мерзкое, что они в себе несли. И потому-то именно Йокогама на сегодняшний день уже больше века как оставалась неофициальной столицей Кланов, нейтральной территорией, подчиненной вроде как напрямую Совету Старших Драконов. А развлечений, с которых можно было поиметь солидную прибыль, в этом раю для гедонистов, извращенцев и вполне нормальных

любителей "громко и славно гульнуть" хватало с избытком. Причем говорить о незаконности чего-либо в Йокогаме считалось верным признаком дурного тона. А откуда я все это знаю, сидя в своем приюте в такой глуши, как Изясо? Ну, так, здравствуй дом родной! Лет восемь, как не виделись...

Двенадцатиэтажное здание роскошного отеля располагалось прямо напротив сверкающей полусферы спортивного комплекса. На флагштоках вокруг развивались все возможные знамена и вымпелы японских и международных спортивных ассоциаций рукопашного боя, а народу вокруг было столько, что начинало рябить в глазах. От входа в комплекс и от еще закрытой кассы уже протянулось по длинной очереди, кроме того, сотни зрителей просто разгуливали по площади перед ареной, заполонили все ближайшие кафе и сидели в примыкающих скверах. В толпе, то там, то тут, мелькали группы корреспондентов разных телеканалов, снимавших свои репортажи. А такого скопления легавых я не видел даже, когда два года назад в нашей школе случился массовый бунт, для устранения последствий которого властям пришлось стянуть в Изясо полицию почти со всего района префектуры.

Потолкавшись у регистратуры, мы, наконец-таки, получили ключ-карту от трехместного номера и смогли подняться наверх, чтобы распаковаться и помыться с дороги. А шум за окнами все продолжал нарастать, да и в гостинице обстановка была явно далека от понятий "тишина" и "покой". Если честно, то подобного я не ожидал. И судя по лицам Гендо и Харады-сенсея, не только я один. Почему-то этот чемпионат не казался мне таким значительным, пока я не увидел все своими глазами. А ведь следовало догадаться, что будет нечто подобное, хотя бы просматривая цветную брошюру будущих соревнований, что подкинул мне перед поездкой наставник.

Семь разных видов спортивных единоборств. Пять возрастных категорий в каждом. По восемьдесят участников в группе, пополам парней и девчонок. Получалось, что только бойцов и людей, что будут их сопровождать, здесь соберется больше пяти тысяч. И конкуренция будет жестокой, ведь это - лучшие из лучших со всей страны. Даже немного интересно, как на самом деле Харада сумел раздобыть для меня путевку на такой "премьерный" чемпионат? Не иначе, кто-то в самых верхах был моему седому наставнику обязан очень многим. В ту версию с социально-благотворительным распределением я не поверил ни на секунду.

Когда я вышел из душа, меня поджидал внезапный сюрприз. До этого момента я думал, что буду выступать в своей обычной

тренировочной форме. Был у меня для такого случая один нормальный комплект со всем полагающимся. Но на кровати передо мной оказался расстелено другое, совершенно новое "кимоно" темно-серых оттенков. Покосившись на молчаливо стоящих Хараду и Гендо, я подошел поближе и взял в руки кособэ, перевернув легкую куртку спиной к себе. Как мною и ожидалось, на плотной материи были вышиты иероглифы, указывающую мою принадлежность к "любительскому" спортивному клубу города Изясо. Темно-красные и золотые стяжки лежали местами не слишком ровно. Никак сенсей сам своими руками ваял этот "шедевр". Но не понять старика было нельзя.

Снова посмотрев на Хараду, я склонил голову в низком поклоне.

- Благодарю вас, сенсей. Я буду носить эту форму с гордостью, и обещаю, что приложу все усилия, чтобы не опозорить ее.

Судя по радостной улыбке мастера, и благодарно-довольному кивку, адресованном мне со стороны Гендо, мои слова были именно тем, что так хотел услышать наставник. И было в этом что-то такое правильное. Что ж, сегодняшний "праздник" для вас сенсей. Невеликая плата с моей стороны за все то, что вы дали мне за эти годы.

* * *

- В этот раз сделали всего семь категорий, - прихрамывая, объяснял мне Харада, пока мы шагали по коридорам спорткомплекса. - Из них четыре под разные виды каратэ...

- Я помню, сенсей, вы уже говорили об этом мне дома, - неприязнь учителя к упомянутой школе единоборств была мне хорошо известна, хотя причин ее я не знал. - В нашу группу в итоге попали все, кто может хоть как-то выдать свои боевые навыки за дзюдзюцу. А значит, будут совершенно разные школы, стили и прочие фокусы.

- А еще они смягчили правила спортивной категории, а потому, фактически, запрещены будут лишь только самые откровенно грязные приемы, - добавил Гендо, идущий с другой стороны от Харады. - После того, как судьи огласят списки распределения, я попытаюсь походить и разузнать хотя бы немного о твоих соперниках. Ну и за боями с их участием послежу, конечно.

Сегодня мне предстоял первый и самый тяжелый день - отборочные. Моей группой была "вторая по дзюдзюцу", то есть

для участников в возрасте от пятнадцати до шестнадцати лет. Пол - мужской. Вес в этой категории, как и во всех "юношеских", не учитывался. Как и у всех остальных - сорок человек участников. Время поединка - три минуты. Разобьют на восемь подгрупп, драться придется со всеми по кругу. В одну четвертую соревнований в итоге выйдет только один из всех. Идеальный вариант - положить каждого соперника. Иначе будут смотреть на всякие суммы набранных очков. Для больших коллективов, выставлявших по несколько участников, велись еще какие-то командные зачеты, которые давали право претендовать на всякие особые звания лично для школы, но нас это все никак не касалось.

- Спасибо вам, Гендо-семпай.

- Да, ладно тебе, Моэ-кун. Я ведь, в конце концов, гожусь не только на то, чтобы мешки за вами таскать, - с улыбкой ответил мне клерк, демонстративно махнув спортивной сумкой, что нес в правой руке.

Организаторы собрали всех бойцов в самом огромном зале, уже разбитом на три десятка отдельных площадок-татами, и построили нас перед гомонящими трибунами, разделив на женскую и мужскую половины. Рассматривая людей, что попадались в толпе вокруг, я заметил немало корейцев, китайцев и даже гайдзинов. А чего еще было ждать? Чемпионат был открытый, и клубы прислали сюда самых лучших, из тех, кто у них имелся. Глупо отрицать, что физические данные у тех же европейцев изначальные будут получше, чем у японцев. Так что, ничего удивительного, а как раз даже наоборот. И это, кстати, делало данные соревнования для меня еще более интересными.

Президент какой-то там всеобщей ассоциации толкнул перед нами длинную речь, видимо, полагая, что наставляет подрастающую молодежь на истинный путь. После этого мы еще немного послушали гимн, но на этом вся эта тягомотина, наконец-то, закончилась. Затем судейская комиссия перешла к своей главной и первоочередной задаче - формированию групп лотерейным методом. Каждому зарегистрированному участнику уже была выдана индивидуальная карта, так что оставалось только пройти к одному из терминалов, установленных на судейских столах и провести магнитной полосой по считывателю информации. Получив на руки распечатку с именами моих противников по подгруппе, я узнал, что мой первый бой пройдет на двадцать первой площадке в десять часов восемнадцать минут. Как раз оставалось еще полчаса, чтобы размяться. А вот некоторым не повезло, их бои начинались прямо сейчас.

Разминочный зал, в котором выделили место мне и еще девяти участникам, находился в правом крыле спорткомплекса. Разумеется, ни один из "соседей" не принадлежал к моей подгруппе, да и вообще к возрастной категории. На входе в зал стояла пара охранников, которые пропускали только участников и их сопровождающих. В общем, к поддержанию в сохранности от вероятных противников тайны о навыках и умениях, дававшихся различными школами и их учителями, на чемпионате относились всерьез. Не то, чтобы, кто-то там практиковал какие-то древние магические ритуалы или уникальный "путь третьего Будды", но традиция есть традиция. Кроме того, в каждом зале находилось по три врача из фармацевтической компании, заключившей договор с судейской комиссией. Задачей этих ребят было следить за спортсменами на предмет всяких допингов и брать после поединков анализы.

Время, отведенное на разминку, прошло как-то быстро и незаметно. Я даже и толком задуматься ни о чем не успел, и вот мы все втроем уже снова возвращаемся в главный зал. Признаюсь, никакого предбоевого мандража или внутренней неуверенности я в этот момент не испытывал. В конце концов, мне ведь предстояло не что-то необычное, а всего лишь "драка по правилам". А уж от драки я не бегал нигде и никогда. Прибитый мною недавно "костлявый" йокай, если что, подтвердит!

Схватки шли одна за другой четко по графику, а потому неявка точно и вовремя грозила дисквалификацией и присуждением победы противнику. Наверное, из-за этого в зале все время толпилась такая уйма народа - многие участники, попросту, ждали своей очереди выйти на татами. Судья в длиннополом облачении, стилизованном под древние одежды, поприветствовал меня и моего соперника, громко огласил имена и школы, после чего сделал два шага назад и взмахнул овальным веером, разрешая начать поединок.

Поклонившись судье в ответ на приветствие, я дождался сигнала и аккуратно двинулся навстречу невысокому коротко стриженому парнишке сходной со мной комплекции и, похоже, того же возраста. И так, что мы имеем? Юго Таро, какая-то там школа Нагасаки. Далеко летел, паря. Движения четкие, экономные, но взгляд... Нет, это взгляд далеко не бойца. Человек с такими овечьими глазами не привык драться, пока не начнут неметь руки, а боль из раздражающей помехи не превратиться в обыденное состояние. Ну да, ладно, чего гадать? Сейчас проверим тебя в деле, Таро-кун! И для начала посмотрим на твою реакцию и боевые рефлексы...

Резко метнувшись вперед и вправо, я за мгновение сократил

разделявшую нас дистанцию, нанося пробный удар ногой в корпус. Это действительно не было моей настоящей атакой, лишь первоначальная попытка прощупать оборону противника. Но к моему удивлению, развитие боя приняло совсем не тот оборот, что я запланировал. Еще пока я сближался с бойцом из Нагасаки, то мне сразу бросилось в глаза, что он двигается как-то не слишком быстро. Ну, это если сравнивать с Гендо или Шуто. Если с обычными школьными быками - то, как раз нормально, даже заметно выше среднего. Но я-то собирался драться по полной! Мой "проверочный" удар пришелся противнику точно в живот. Таро начал было опускать локти, чтобы блокировать атаку, но попросту не успел. Учитывая, что я к этому времени успел сместиться вправо от него, моего соперника на пару мгновений буквально оторвало от земли и подбросило в воздух. После чего он грузно рухнул ничком на татами, прямо там, где стоял. Не собираясь рефлексировать, я тут же опустился рядом на колено, обозначая добивающий удар в затылок.

Взмах судейского веера, и я послушно вернулся на свое изначальное место. Ха! Сразу четыре очка, как с куста! Неплохо пошло! Тем временем, мой оппонент поднялся на ноги, хотя и с заметным трудом. Команда "поддержки" из Нагасаки почему-то наблюдала за ним с молчаливым и встревоженным видом, периодически косясь в мою сторону. Та часть трибуны, которой выпало наблюдать вблизи за нашим поединком, тоже притихла. Громко кашлянув, Таро сделал знак судье, что готов продолжать.

В этот раз первым в атаку ринулся уже нагасакский боец. Но, черт возьми, его движения были по-прежнему какими-то заторможенными. Поймав на блок его первый удар, не такой уж и мощный, как ожидалось, я "нырнул" вниз и нанес прямой в лицо на максимальной дистанции, что позволяли мне мои не слишком длинные руки. Если бы Таро перехватил эту атаку, то у меня открывалась отличная возможность для захвата с броском, на который мною и делалась ставка. Но соперник снова, как и в прошлый раз, просто не успел уклониться. Он дернул головой назад, будто пытаясь отшатнуться, и мой кулак врезался ему в подбородок. Я сразу сменил позицию, отходя чуть назад и влево. Таро же, в это время, смотрел на меня широко распахнутыми глазами, после чего, заметно шатаясь, сделал несколько неуверенных шагов назад и грузно плюхнулся на задницу. Я замер в некоторой нерешительности, не понимая, что происходит, но и, на всякий случай, не убирая рук из обычной защитной стойки.

О том, что грамотный апперкот или хорошая подача в челюсть под определенным углом способны на некоторое время полностью вывести из строя мозжечок человека, я как бы и раньше знал. Сам бывало, не раз ощущал на себе воздействие подобных занятных фокусов человеческой анатомии. Но я ведь вроде зацепил Таро еле-еле? Да и удар был проходной, так сказать, без "души". Так какого бешеного покемона сейчас происходит?

Тем временем, Юго несколько раз попытался встать, но ноги упорно не желали держать его на себе, и боец постоянно опрокидывался обратно в сидячее положение. Наконец, не выдержав этого зрелища, к парню двинулся высокий усатый темноволосый мужчина из команды сопровождения. В руке у усача была зажата аптечка. Опустившись, на колено рядом с моим противником, врач принялся осматривать Юго, разглядывая его зрачки, показывая пальцы и что-то спрашивая. Спустя пару секунд вокруг паренька сгрудилась уже вся остальная группа из Нагасаки. На трибуне встревожено зашумели. Судья и несколько типов в темных костюмах из числа членов судебной коллегии

подошли к образовавшейся на татами толкучке и тоже о чем-то заговорили с собравшимися. Мне же не оставалось ничего другого, как снова встать на разметку и ждать.

Наконец, мелко покивав чему-то сказанному сенсеем Юго, судья зашагал на свое законное место. Зал снова затих, а веер в руке рефери взметнулся сначала вертикально вверх, а затем указал на меня.

- Юго Таро, школа Онкан, Нагасаки, продолжать поединок не сможет. Призовая победа за Одавара Моэясу, спортивный клуб Изясо, - огласил судья.

Призовая победа?! Ох, ёк! Двадцать пять очков в копилку! Это же, фактически, считается как победа нокаутом в боксе. Вот это знатно дело пошло! Но все-таки... КАК?

Со смесью радости и недоумения я обернулся к ожидавшим меня Хараде и Гендо. И тут увидел такое, что это мигом ответило на все мои непонятки. Сенсей смотрел на меня и улыбался. Нет, он не просто улыбался. Он был на грани вселенского счастья, и был крайне доволен. Доволен мною. Как можно быть довольным только тем человеком, который полностью оправдал твои ожидания, и который доказывает своим существованием то, что ты сам еще способен на многое. Похоже, этот чемпионат и вправду должен был стать знаковым для Харады-сенсея, ведь он выставил на него своего самого лучшего ученика за все эти годы. Это не Таро был слаб и медлителен. Это я оказался необычайно быстр и силен для того уровня соревнований и для той категории, в которую меня определили. И хитрый старик понимал это все с самого начала!

Впрочем, не думаю, что все будет так просто и дальше. К тому же пользоваться Силой на этом чемпионате я по-прежнему не собирался. А пока... Пока у меня двадцать пять очков и первая победа! Еще три поединка прямо по курсу. Следующий - уже через два часа.

* * *

Как только мы вернулись обратно в разминочный зал, Харада-сенсей, чтобы я попусту не расслаблялся и не начал себе чего-то там воображать, сразу поставил меня носом в угол отрабатывать ката и поддерживать боевой тонус. Гендо, убедившись, что я обошелся в своем первом бою не то, что без травм, а даже без синяков, ушел заниматься "спортивным шпионажем". В общем, конечно, пока мной была пройдена только лишь первая ступенька к выходу из подгруппы. Но, тем не менее, наслаждаться новым и неожиданно приятным чувством победы,

мне это всё никак не мешало. Разумеется, победа в уличной драке или на тренировке тоже вызывает эмоции положительные. Но в первом случае, победа - это не столько успех, сколько элементарная необходимость. К тому же, я по собственному опыту знал, что бывают победные схватки, после которых гораздо больше хочется сдохнуть, чем порадоваться своей удаче. Тренировки же я до сих пор воспринимал как некий полезный труд, и победа при таком раскладе была результатом "хорошо проделанной работы", не более. Да, приятно. Но только так, в любом случае, и нужно! И нужно всегда!

Наверное, именно этим и объяснялась та легкая эйфория вкупе с чувством собственного превосходства, что охватили меня сразу же после первого в жизни успеха на спортивной стезе. Если так дело и дальше пойдет, то я и без всякой Силы смогу пробить себе хорошее место в жизни. Сколько там за один показательно-рекламный выход на ринг получают чемпионы по боям без правил? А что? Хороший вариант ведь? И почему я раньше его не рассматривал? Эх, еще шесть лет потерпеть осталось, и смогу заняться спокойно всем, чем захочу. Главное только, чтобы "чувства грядущего" мою паранойю за это время не слишком сильно раздули.

Ближе к полудню, незадолго до нового выхода на татами, вернулся Гендо, причем с таким хмурым видом, что я сразу напрягся, выкинув из головы всякую чушь.

- Значит так, - сообщил нам с мастером старший ученик, усаживаясь на раскладном табурете спиной к остальному залу и говоря предельно тихо, чтобы никто другой, кроме нас троих, ничего не услышал. - Видел бой между двумя из нашей группы. Гоцзе Товаки и Сакугава Карата. Первый из местных, токийских. Ничего примечательного, на уровне того же Таро, которого ты, Моэ-кун, уже сделал. Но следующий бой у тебя со вторым, и тут есть интрига...

Гендо посмотрел на Хараду, и тот кивнул ему, чтобы выкладывал.

- У него очень плохо поставлено дело с ногами, да и вообще работа на "нижнем ярусе". А вот удары руками, броски, захваты и прочее кансэцу - просто отменные. А сам паренек из школы в префектуре Кансай.

- Киото? - хмыкнул я.

- Нет, какой-то маленький городок по соседству. Но это в любом случае не случайность. Кансайская подготовка, змеиная реакция, мастерская работа руками. В общем, сенсей, я сложил два и два, и получается не очень...

- Похоже на то, - тоже вдруг помрачнев, выдал Харада.

- А меня просветить никто не хочет? - приподняв левую бровь, я с прищуром посмотрел на своих собеседников.

- Этот Сакугава - не боец дзюдзюцу, у него просто есть обычный наработанный минимум, чтобы попасть в данную категорию, - ответил мне Гендо.

- Если это и вправду кансайская выучка, то, скорее всего, он тренирован во владении юби-дзюцу, - добавил Харада. - Это искусство учит поражать противника в уязвимые точки на теле ударами рук. И в нынешней редакции правил, такая техника уже не будет считаться нарушением, за исключением удара в кадык.

- Хм, если это что-то типа обычного атэ-вадза, то я без проблем с ним справляюсь, - с чего вдруг сенсей и Гендо начали демонстрировать "похоронный" вид, я так и не понял.

Атэ-вадза назывались различные комплексы тычковых ударов, допускавшихся даже в спортивной версии дзюдо, не говоря уж о других направлениях. Задачей таких атак было в большей степени "разбалансировать" соперника, чтобы потом поймать на бросок, но я подобного давно не боялся. Упасть пару раз - не страшно, страшно - упасть и не встать.

- Нет, Моэ-кун, юби-дзюцу будет куда похуже, чем атэ-вадза, - вздохнул Харада и сложил свою левую ладонь "лодочкой", демонстрируя мне. - Основа этой школы - кан-сю, "рука-копье". Удары наносятся в нервные центры и болевые точки, причем очень быстро...

Для пущей наглядности сенсей, не глядя, ткнул мне пальцами в район поджелудочной, угодив точно между мышц пресса. Ощущение было не из приятных, а ведь это даже не в полную силу. Все равно, что нож тебе засаживают под ребра... Так, стоп!

- И все? - заметив мою хитрую ухмылку, Харада и Гендо переглянулись. - Только тычки пальцами и никаких больше хитрых фокусов?

- Не должно бы, - протянул сенсей.

- Тогда не дергайтесь, мастер, разберемся мы с этой "рукой-заточкой".

- Уверен, Моэ-кун? - хмыкнул заметно повеселевший Гендо, похоже, слегка заразившись моей демонстративной бесшабашностью.

- Идемте, Гендо-семпай, сами посмотрите!

Кансаец оказался высок, сухощав, черноволос и старше меня почти на два года. Поджарая фигура бойца было затянута в синее спортивное кимоно, явно более узкое, чем у многих других участников чемпионата, и подогнанное в районе торса буквально

под каждый изгиб его тела. Это, наверное, было сделано, чтобы ему на любой дистанции было удобнее орудовать своими граблями. А руки-то у Караты и вправду были приметные - крепкие, жилистые, с большими широкими ладонями-"лопатами" и длинными тонкими пальцами. Заглянув Сакугаве в глаза, я сразу понял, что это не тот бесхребетный птенчик Таро, что достался мне в качестве первого блюда. Этот парниша, наверняка, будет лягаться со мной до последнего.

Обмен поклонами, оглашение имен и знакомый взмах веера. Поехали!

Не теряя ни единой секунды, Карата ринулся на меня, обходя по левому краю. Я плавно двинулся в обратную сторону, против часовой стрелки, аккуратно переступая голыми стопами по холодной рифленой поверхности татами. Первый обмен ударами на средней дистанции не дал никому из нас ни одного очка, с другой стороны - большую часть этой короткой стычки я исключительно защищался. Скорость у Сакугавы, и вправду, была на высоте. Я успевал за ним, но еле-еле.

Предприняв резкую контратаку, когда мой противник решил, что стоит на пару секунд разорвать дистанцию, мне удалось зацепить его носком под колено. Достать запнувшегося соперника посерьезней, я не успел, тот быстро ретировался на безопасное расстояние, но слова Гендо о слабости Караты на "первом этаже" подтвердились. А раз так, то пора переходить к активным действиям.

Подорвавшись с места, я закрутил с противником карусель, равномерно работая всеми четырьмя конечностями. Руки были заняты исключительно тем, чтобы отвлекать на себя внимание Сакугавы и связывать его собственные в обороне. Зато ноги в это время раз за разом пытались попасть в колено соперника или опрокинуть его подсечкой. Метнувшись от края площадки, куда я его загнал, Карата снова запнулся и пропустил двоечку в грудь, не успев прикрыть себя блоком. Я снова сменил позицию, заходя с другой стороны, и опять начал прижимать своего оппонента к линии разметки, заступ за которую грозил ему штрафными очками. Внезапно дернувшись на меня, кансаец перехватил меня за правый рукав и потащил за собой. Прежде чем он сумел провести бросок, я вместо того, чтобы тупо лететь по инерции вслед за его рывком, успел сделать еще два контролируемых шага вперед и влево, заступив к нему за спину. Моя стопа захватила в "перехлест" опорную ногу Караты, и в следующую секунду на татами вместо меня полетел он сам. Классика для дзюдзюцу - неожиданность для Сакугавы. Со стороны трибуны послышалось несколько удивленных восклицаний, а я уже быстренько

обозначил "добивающий" и, повинуясь команде судьи, отошел на свою половину.

По старой традиции начисление очков во время поединка, в открытую, не велось, так что участники были избавлены от соблазна все время коситься на горящие цифры какого-нибудь электронного табло. Но вести подсчет мысленно никто не запрещал. И по моим наблюдениям, последний эпизод принес мне не меньше шести очков. Хотя, тот двойной удар вполне могли засчитать за один.

Тем временем, Сакугава, поднявшись с татами, поджал тонкие губы и резко встряхнулся, разминая мышцы плечевого пояса. Идя к своему месту на разметке, кансаец посмотрел в сторону сопровождавшей его команды и получил молчаливый кивок от пожилого деда, который, по-видимому, и являлся его наставником. Хм, ладно, понятны мне твои с ним "переглядками", Кара-кун. Решили "секретным оружием" меня придавить? Так я этого от вас и добивался, специально продемонстрировав, что неплохо умею работать ногами и готов их активно использовать. А потому, если Сакугава и его сенсей сразу поняли, что до моего уровня Карата не дотягивает по этому показателю (а он явно не дотягивает!), то другого решения они принять и не могли. Что ж, все правильно, а теперь давайте все-таки поглядим на это ваше читерское юби-дзюцу.

В целом, поведение кансайца в бою практически не изменилось, хотя он и стал держаться от меня подальше, больше не рискуя лезть в ближний бой, и пытаясь реализовать свое преимущество более длинных рук. Вот только он не учел того, что при своих данных я в семи случаях из десяти, вынужден был сталкиваться именно с такими противниками. Причем, как в додзё, так и в школьных коридорах с темными подворотнями. А значит, чтобы запинать меня на дистанции, нужно было очень и очень постараться. И драться при этом, как минимум, "не по правилам".

Свою тактику я специально менять не стал, продолжая демонстративные попытки достать соперника резкими ударами ног по коленям или лодыжкам. И едва Сакугава уверился, что мой стиль не претерпел изменений, как тут же ринулся в расставленную ловушку. Карата атаковал стремительно и даже, пожалуй, немного быстрее, чем раньше. Его серию якобы беспорядочных ударов, включавших в себя классические "подачи" правой по типу кири-коми и некую грубую кальку с хлестких боксерских джебов левой, я встретил четкой отработанной защитой. Последней приманкой в капкане стала моя попытка пойти на захват, что открывало мой торс для вероятного удара,

но в перспективе давало возможность провести "двухочковый" бросок. И Карата снова меня не подвел, сразу же попытавшись воспользоваться распахнувшимся перед ним "окошком". Раскрывшийся кулак Сакугавы мелькнул размытым пятном, метя мне точнехонько в "солнышко"... После чего вдруг раздался болезненный сип, группа сопровождения из Кансая в полном составе подскочила к самой разметке, а голоса на трибуне заголосили заметно громче, чем в прошлый раз.

В принципе, увернуться от этой "руки-копья" было не сложнее, чем от удара ножом. А в этом практика у меня была не хуже, чем и во всем остальном. Тем более что иногда мне попадались не такие увальни, как Вяленый, а ребята, считавшиеся мастерами в обращении с разными "бабочками" и другими заточками. Так что, "меры противодействия" были у меня заготовлены и на практике отработаны. "Качающийся" шаг вперед со скольжением навстречу атаке, уклонение корпусом, и ладонь Сакугавы прошла вскользь, почти касаясь материи кособэ. После чего мои собственные руки, к этому моменту уже "выведенные на позиции", привычно перехватили конечность соперника за запястье и чуть выше локтя. От так вот, паря! "Крыло орла"! И подсечка сзади!

Повалившись на колени, боец кансайской школы громко зашипел сквозь зубы от боли в вывернутой конечности, но я жестко и плотно прижал его к полу, не давая вырваться и высвободить вторую руку. Подскочивший поближе судья склонился рядом с Каратой, но тот упорно отказывался признать "болевой". Пришлось дополнительно его придавить, и, замычав еще злее, Сакугава забил лбом о татами. Замахав на нас своим дурацким веером, рефери засчитал мой успех и велел разойтись. Возвращаясь к разметке, я поймал краем глаза довольные улыбки Гендо и Харады-сенсея, настроение которого, похоже, заметно улучшилось. Но бой еще не окончен, поэтому - не расслабляться!

Больше соваться ко мне с юби-дзюцу Карата не рисковал, а в чистом дзюдзюцу держался на уровне только, пока дело касалось ударов руками. Заработав еще три-четыре очка на обычных "плюхах", я понял, что Сакугава окончательно сдулся. Было похоже на то, что он просто уже тянет время, не думая о том, как выиграть поединок, а лишь размышляя, как бы ему не подставиться и не проиграть в сухую, возможно, вырвав напоследок пару очков. И это меня чего-то вдруг сильно взбесило.

Да, может быть, это и спорт, а не драка и не битва насмерть! Но это же все-таки бой! Так какого же дьявола ты не готов сражаться в нем до конца?! И хотя мои суждения могли выглядеть предвзято, особенно если учесть, что в моих обычных боях конец,

как правило, наступал только после того, как одна из сторон уже не могла подняться, но сути это никак не меняло. Сакугава Карата, поздравляю! Тебе удалось меня разозлить!

Мне уже давно хотелось опробовать в деле один прием, показанный мне недавно сенсеем, но для этого все как-то не представлялось подходящего случая. Для уличных разборок он был слишком вычурным, но вот для спортивного поединка годился вполне. Обозначив очередную атакующую серию, я подался назад, давая Сакугаве возможность и место для контратаки, а сам занял "шаговую" стойку и максимально жестко уперся ногами в пол. Карата сунулся вперед, совсем не так напористо и борзо, как делал это еще две минуты назад в начале нашего спарринга, но вполне достаточно для меня. Перекинув весь вес на носок левой стопы, я выбросил правую ногу, стоявшую сзади, вперед и вверх, мысленно порадовавшись тому, что с растяжкой у меня тоже, хвала всем ками, полный порядок. Совокупная мощь разворота всем телом объединилась с широким замахом по дуге почти в сто восемьдесят градусов и превратилась для Сакугавы, наносящего боковой удар рукой и уже не могущего остановиться, в мою сбитую пятку, прилетевшую кансайцу точно под левый глаз.

Смачный звук жестокого удара потонул в удивленном вздохе трибун. "Длинное копье". Прием совсем не из классического дзюдзюцу, но раз наставник мне его показал, значит, вполне сгодится. К тому же, почему бы мне лишний раз не порадовать мастера тем, что его ученик хорошо вызубрил и этот урок. Сакугаве, кстати, похоже, тоже понравилось. Кансаец отлетел от меня на добрый метр и безвольно упал на татами, перевернувшись в падении через бок, и прокатившись после этого еще несколько шагов. Неплохо, тут и без "добивающего" можно обойтись, чистый нокдаун.

Только вернувшись вновь на свою линию разметки и повернувшись обратно лицом к арене, я увидел, что Карата так до сих пор и не встал. И более того, над ним уже активно суетился его сенсей, а также друзья и медики из команды. Надо же... Что-то вид у них слишком встревоженный, как бы я там не перестарался... Но нет, Сакугава, вопреки моим страхам, был еще жив и практически цел, просто пребывал без сознания. Повезло, а то я ведь мог парню и шею сломать по злобе, с меня бы сталось.

Судья, исполнив свои фирменные манипуляции с куском картона, коротко огласил.

- Сакугава Карата, спортивная школа Ямоути, Киото, продолжать поединок не сможет. Призовая победа за Одавара Моэясу, спортивный клуб Изясо!

К моему удивлению в ответ на это сообщение с трибун и из толпы, собравшейся вокруг, раздались негромкие, но отчетливые аплодисменты, кто-то даже издал резкий свист. Хм, да что здесь вообще происходит? И откуда, кстати, взялась эта куча народа, сгрудившаяся у нашей площадки? Состояла она в основном из участников соревнований и их ближнего сопровождения. Когда мы с Каратой только начинали, такого столпотворения тут точно не было... Наверное, недавно на одной из соседних арен проходил поединок какой-нибудь титулованной спортивной "звезды". А когда он закончился, люди попросту задержались, чтобы досмотреть мою разборку с Сакугавой. Но все равно приятно, не скрою.

Особенно, когда на тебя из первых рядов смотрят такие девчонки. Некоторые говорят, что им спортсменки не нравятся, но я в этом деле являюсь полным космополитом. К тому же, довольно живописная группа барышень, стоявших как раз рядом с сенсеем и Гендо, имела в своем составе весьма симпатичных особ. Кареглазые брюнетки, эх. И ничего с собой не поделаешь, гормоны-то играют в крови по-взрослому. Попробуй тут не заглядываться... Ладно, все равно на это пока времени нет! Уж сегодня, как минимум...

- Моэ, ты ведь вел со счетом четырнадцать - ноль, - сообщил Харада, стоило мне только приблизиться. - Хватило бы и одного обычного удара, чтоб тебе засчитали победу.

- Простите, Харада-сенсей, - я опустил "покаянно" голову, не пряча при этом улыбки. - В следующий раз, буду более сдержан и не стану расходовать понапрасну силы.

- Уж постарайся, - серьезным голосом, но тоже улыбаясь, ответил наставник и, глянув по сторонам, захромал к выходу из зала.

Гендо подал мне полотенце и бутылку с соленой минералкой.

- А что это тут была за движуха большая? - спросил я у клерка.

Толпа к этому времени уже основательно рассосалась, но понять, о чем я, было несложно.

- Дрался кто-то из чемпионов, что ли?

- Ага, дрался, - с хитрой перекошенной улыбкой ответил Гендо. - Серебряный призер открытого юношеского чемпионата Хонсю этого года, - и, продолжив ухмыляться, дернул подбородком, указывая мне за спину туда, где как раз уже собирались грузить на носилки бесчувственного Сакугаву. - Вон. Валяется.

* * *

- Вы хоть в следующий раз меня о подобных мелочах предупреждайте!

- А зачем? - продолжил меня подначивать Гендо. - Справился ты, вроде, и так неплохо. А расскажи я тебе о Сакугаве все сразу, еще бы задергался с перепугу...

- Гендо-семпай, вы ведь помните, что я и вам могу репу начистить, если мне вдруг очень захочется? - поинтересовался я в ответ вкрадчивым тоном.

Клерк усмехнулся, но демонстративно отсел на полшага в сторону.

- Не надо таких жестоких намеков, Моэ-кун.

- Намек, не намек, а ведь именно этим вам и придется сейчас заняться, - сообщил Харада-сенсей, подошедший к последней части нашего разговора. - По расписанию следующий бой у Моэ в четвертом часу, потом сразу последний ровно в пять. Правильно?

- Да, - кивнул Гендо. - Как раз успеем перекусить, - из сумки старшего ученика появилось несколько алюминиевых коробок-футляров с обедом. - А потом и размяться сможем. Те, с кем тебе, Моэ-кун, предстоит иметь дело дальше, тоже начнут выходить на площадку не раньше трех.

- Надеюсь, Гендо-семпай, это обед настоящего чемпиона? - хмыкнул я, принимая свой коробок и усаживаясь на скамейку рядом с будущим спарринг-партнером.

- Можешь сказать, что это не показатель, но пока от моей стряпни никто еще не умирал.

Опустившийся рядом со мной на лавку, сенсей остановил мою руку, уже потянувшуюся с палочками к обжаренному мясу под соусом.

- Похоже, придется с обедом слегка погодить...

Взгляд Харады был направлен на вход в разминочный зал, откуда в нашу сторону, уже переговорив со штатными медиками, направлялась группа из трех человек. В первом из них я узнал одного из членов судейской коллегии, что присутствовали на моем последнем поединке, двое других были облачены в белые халаты.

- Харада-сама, - приветственно обратился к учителю "стильный костюм" и, повернувшись в мою сторону, добавил, - Одавара-сан. Нам хотелось бы, при всем уважении, но в рамках, установленных на турнире, правил...

- Анализы? - дожидаться, когда этот тип перейдет к сути дела самостоятельно, я не стал.

- Именно, - натянуто улыбнулся судейский.

- Анализы, так анализы, - пожал я плечами в ответ.

Врачебная братия промурурыжила меня дольше часа, причем наибольший их интерес вызвало не столько само взятие анализов, сколько моя медицинская школьная карта, предоставленная докторам Харадой-сенсеем. Не только, значит, за разрешением на мой "академический отпуск" он наведывался в администрацию моего родного и трепетно любимого учебного заведения. Впрочем, в той карте было, от силы, две трети от полного списка полученных мною травм. Хотя и этого костоправам хватило для обсуждения и кучи уточняющих вопросов.

Зато после этого я наконец-то сумел нормально пожрать, а потом слегка подразмяться с Гендо, после чего тот ушел заниматься своею "шпионской" деятельностью. Полностью удовлетворившись увиденным, наставник велел мне немного передохнуть и заняться, как это он сам называл, "успокоением духа". Обычно от таких медитаций я не отказывался, поскольку они действительно помогали наладить еще лучшее взаимодействие с Силой, но сегодня мне было не до того. Однако ослушаться учителя было бы глупо и самонадеянно, так что я решил, в самом деле, дать отдых натруженным мышцам, а сам оставшееся время занимался тем, что прокручивал в голове всевозможные кэнсэцу и связки приемов.

К назначенному часу вновь появился Гендо.

- Яра Сокон, - выдал "разведчик", не откладывая в долгий ящик. - Как ясно из имени, уроженец Окинавы, школа оттуда же. Ударный силовой боец, тяжелой и скоростной.

- Тодэ? - я покосился на учителя, видимо, снова предугадавшего заранее выводы Гендо.

- Без сомнений, классический стиль "континентальной руки", я думаю.

- Тодэ - хорошее дзюцу, хотя и полагается во многом на физические показатели бойца куда больше, чем другие школы, - сказал наставник, заметив, что я дожидаюсь более развернутого объяснения.

- Я видел этого Сокона в бою, сенсей, - Гендо поджал на секунду губы. - В физическом плане его форма великолепна. Шестнадцать лет, но не уступит и старшей категории...

- И какое место он занял на чемпионате Окинавы? - повисшая мрачная атмосфера мне совершенно не нравилась, и я решил ее разрядить.

- Никакого, - улыбнулся "шпион". - Честное слово, без

всяких. Вот только он взял призовые победы над Юго и Гоцзе из нашей подгруппы. А Карата после встречи с тобой, Моэ-кун, снялся с соревнований. Сотрясение мозга. Так что, вместо поединка с ним Сокон получил лишь десять "технических" очков. И драка с тобой у него последняя...

- А учитывая, что я, исходя из ваших наблюдений, Гендо-семпай, без труда справлюсь и с Гоцзе, то, - хрустнув костяшками пальцев сначала на левой руке, а потом на правой, я снова посмотрел на учители и его старшего ученика. - Победив Гоцзе нокаутом, я получу семьдесят пять очков. У Сокона уже шестьдесят, и набрать новые он может только во время нашего поединка. Это его последний шанс. Причем, даже ничья его не устроит.

- Верно, а характер у этого рюкюсца такой, что он, наверняка, будет либо пытаться вырубить тебя всеми силами, либо...

- Либо сделать так, чтобы я не смог нормально участвовать в своем последнем спарринге, - закончил за Гендо я сам.

- Все еще не боишься, Моэ? - тут же спросил у меня сенсей с насмешливым прищуром, но легкий страх в его взгляде я тоже подметил.

- Бояться?! Какого-то быка, который даже не занимался настоящим дзюдзюцу?! Сенсей, вы бы уже заканчивали издеваться, да еще и так откровенно!

Еще приближаясь к татами, я заметил вновь немалую толпу народа, столпившуюся вокруг площадки, номер которой был выведен рядом с моей фамилией на большом табло под потолком. Да и на трибунах стало сразу заметно оживленней, как только я вынырнул из коридора на открытое пространство зала. Но мне в тот момент, действительно, было не до этого. Ведь как оказалось, Гендо не наврал ни на грамм, а даже, как бы опять, сохранил при себе значительную часть "объективной истины".

Яра Сокон был не просто крупным. Он был здоровым, как шкаф в европейском стиле. Выше верзилы Маки, шире жирдяя Гана, с квадратной "чугунной" челюстью и широкими рысьими глазами. Ставлю драный носок против бутылки сингапурского "Тигра", папаша или дед этого бугая происходили из, известной по всей Японии, породы откормленных морских пехотинцев из славной страны звездно-матрасного флага. И в принципе, нечему тут удивляться или недоумевать. В конце концов, самая большая база оккупационных войск у нас до сих пор находиться именно на Окинаве. Говорят, как минимум, каждый десятый житель острова уже, так или иначе, имеет заокеанскую родню. Ассимиляция в

лучшем виде, нах. Впрочем, рюкюсцы против такого улучшения своего генофонда тоже не против, да и с нами, японцами, у них отношения еще со средних веков, мягко говоря, м-м-м... натянутые.

Тем не менее, продукт исторической ситуации, сложившейся в тихоокеанском регионе с момента завершения Второй Мировой Войны, молчаливо ожидал меня, угрюмо зыркая исподлобья и для большей внушительности, наверное, скрестив на груди, обнаженные по локоть, руки. Мощные лапы, кстати, все в черной шерсти. И кулаки внушительные. Не, на шестнадцать лет эта туша никак не тянет, натурально взрослый мужик. Не удивительно, что Таро и тот второй слили этому Мистеру Горилле. А по-другому его и не назовешь.

Окинув меня взглядом с головы до ног, как только я оказался на татами, Сокон лишь презрительно скривился и покосился на подбадривающих его ребят, по комплекции один в один с Ярой, и на возглавлявшего их могучего мужика. В чертах лица у всей компании прослеживалось отчетливое семейное сходство. Что ж, их присутствие для Сокона - лишний повод выкладываться по полной. С другой стороны, если рюкюсец вдруг захочет попонтоваться, и я сумею его на этом поймать...

Едва судья махнул веером, как всякие глупые надежды на случайное везение выветрились из моей головы за считанные мгновения. Сокон не только не оказался здоровым болваном, но и бойцом, как выяснилось, являлся отменным. Грубоватый, но функциональный стиль школы тодэ предстал передо мной во всей красе. Лишь малый рост на фоне соперника, а также скорость и ловкость помогали мне уходить от выпадов верзилы, огрызаясь редкими контратаками. Попытавшись остановить некоторые удары Яры своими "скользящими" блоками, я заработал пару хороших синяков на руках и понимание того, насколько же уроженец Рюкю силен в действительности. Три-четыре попадания в голову или под дых - и бой закончится для меня, несмотря на всю мою выносливость и подготовку. Захват с последующим "болевым" или броском, скорее всего, увенчается переломом, ведь шутить Яра точно не собирался. Правы были Гендо и Харада-сенсей. Сокон жаждал победы полной и безоговорочной. Да и отыграться на мне за потерянные пятнадцать очков из-за своего, не состоявшегося поединка с Карата, он тоже был явно не против.

Будь это ночная улица Изясо, в полумраке которой я бы чувствовал себя куда более уверенно, церемониться с такой громадиной мне не пришлось бы. Удачная возможность пробить противника в пах у меня появилась не меньше двух раз, но... Правила. Чертовы правила! Хотя, кто знает, как вел бы себя

Сокон, не сдерживай они сейчас и его?

Чем дольше я продолжал уворачиваться от тяжелых подач, не давая сопернику зажать себя в угол и выкручиваясь как-то из самых непростых ситуаций, тем больше лицо Яра искажалось сначала раздражением, а затем и откровенным гневом. Поддавшись эмоциям и потеряв на мгновение концентрацию, здоровяк пропустил мой фирменный правый в ухо. Жалко, но локоть, который должен был усугубить первый удар, врезался уже в поднятый блок рюкюсца.

Пропущенный удар на некоторое время остудил пыл Сокона, но я уже знал, на что теперь следует давить. И поэтому к моим прежде максимально собранными и четким движениям по уходам и уворотам добавилось немножко злорадного издевательства. Ехидная улыбка после того, как пудовый кулак в который раз бесполезно рассекает пространство в том месте, где еще недавно была моя голова. Легкий смешок в ответ на новую неудачную попытку сграбастать меня в захват. Разрыв дистанции и знаменитый "призыв" пальцами обеих рук, подразумевающий "ну давай, иди сюда, вот он я!". И умница Яра снова начал звереть, причем гораздо быстрее, чем раньше.

Поднырнув под очередной замах, мне удалось выдать целую серию быстрых, но точных ударов в грудину и по ребрам. Но чересчур увлекшись, я не уследил за второй рукою верзилы, и поплатился за это прямым в челюсть. Сокон издал какое-то радостное подобие рыка, уже явно настроившись на скорую победу, но я немало его разочаровал, легко увернувшись от последующих атак и снова вынырнув из угла в самый последний момент. На лице у Яры к гневу прибавилось еще и недоумение. Видимо, он чувствовал, что попал своим кулаком хорошо, не вскользь, и раньше, по-видимому, после подобной подачи такие как я продолжать бой не могли. Но мне, хоть в голове на некоторое время и загремели колокола, была не привыкать. Чувствуя, как нижняя часть левой щеки уже наливается тяжестью от будущей гематомы, причем, весьма солидных размеров, я ощупал языком свои зубы и лишь порадовался, что бугай не сорвал мне мной многострадальный зубной протез. Сейчас это было бы совсем не к месту.

Поединок затягивался, а мы по-прежнему кружили по площадке, почти не зарабатывая очков. Если так пойдет и дальше, то скоро попросту закончиться предельное время, что выделялось на схватку. И хотя с тактической точки зрения меня это более чем устраивало, вообще не попытаться одержать победу - я просто не мог.

На очередном витке, вместо привычного разрыва дистанции,

я бросился на Сокона в лоб. Мой удар открытой ладонью в лицо, он перехватил и сразу же стиснул руку в железных тисках, но инициативу и обзор верзила уже потерял. Крутанувшись вокруг себя, я стиснул зубы от боли в вывернутом плече, но зато оказался сбоку от соперника и без изысков врезал ему ногой по колену сбоку. Яра хэкнул со смесью злости и ярости, но его нога на пару секунд явно перестала играть роль опорной, а сам здоровяк покачнулся. Продолжая делать упор на скорость, я вывернулся обратно и буквально чудом избежал мощнейшей подачи в лицо, приняв ее по касательной бровью. Хорошо хоть без рассечения вышло. А дальше было все просто. Сделал вид, что я пытаюсь вырваться, отступая на шаг назад. Гора мяса с острова Окинава рванула следом за мной, не желая упускать удобной позиции и шанса быстро совсем покончить. То, что моя вторая рука, уже ухватила материю его кособэ на правом плече, Яра заметил только тогда, когда я рухнул на спину, увлекая его за собой, и успевая упереться своему противнику ступнею в живот. Максимальное напряжение мышц спины и ног, толчок, и пальцы Сокона лишь слегка обдирают мне кожу запястье, не в силах удерживать мою руку дальше. Бросок через себя с упором в живот - тоже классика для дзюдзюцу, причем в самой своей концентрированной форме.

С ревом раненого бизона Сокон прочертил дугу в воздухе и вылетел за пределы татами. Толпа еле успела расступиться в стороны, прежде чем Яра с грохотом приземлился на пластиковое покрытие зала всей своей немалой массой. Вся окинавская команда издала дружный вопль разочарования, а я неторопливо поднялся на ноги и попытался немного вправить на место плечевой сустав. Вывиха вроде нет, но растяжение я точно заработал.

Здоровенный рюкюсец с пылающими глазами вновь влетел на площадку, но был все-таки остановлен судьей. Несмотря на то, что Сокон был явно готов послать рефери в далекие дали, окрик собственного сенсея заставил его подчиниться. Но зыркать на меня все также злобно он от этого точно не перестал. Похоже, стоило готовиться к худшему.

Тянуть Яра не стал, сразу бросившись на меня, но вместо привычных атак попытался буквально смести меня своей многокилограммовой массой. Я уже хотел наказать соперника за такую глупую опрометчивость, но мой пинок в живот пришлось отложить, блокируя атаку разом с двух рук. Боковой на ближней дистанции почти без замаха, рано я списал Сокона в утиль, несколько козырей у великана в рукаве оставалось. Но и нас не пальцем делали, и потому, даже понимая, как будут потом болеть

руки, я ответил на это двойным блоком, разводя подачи Сокона в разные стороны. Главное было, не принять чистый удар на любую из рук, иначе мне было бы не отделаться чем-то меньшим, чем трещиной в кости. Но все в этот прошло как по нотам, два мощных "хука" так и не достигли моей головы, и я даже позволил себе слегка усмехнуться, когда... Когда вдруг заметил окончание того единого движения, что совершал Сокон. Голова рюкюсца уже неслась на крейсерской скорости в сторону моего собственного лица. Знакомый прием, сам не раз проделывав это с противником. И плевать на то, что на чемпионате он входит в число запрещенных. Когда лоб Яра сломает мне нос и вомнет лицевую кость в глубины черепа, мне будет как-то уже все равно. Можно было попробовать ударить навстречу, приняв удар на собственный лоб и слегка смягчив его этим. Но в тот момент мое тело сработало на чистом рефлексе.

"Ежик" коротко стриженных черных волос жестко тесанул меня по носу и подбородку. Голова Сокона прошла буквально в каком-то миллиметре от меня. Реальное везение? Или я неосознанно успел спроецировать ситуацию "Если..."? Не знаю. А вот Яра зато точно все знал в этот момент. Потому как видел мое колено, несущееся точно ему в лицо...

Над притихшим залом разлетелись отчетливый хруст переносицы и тяжелый неприятный звук от чудовищного "двустороннего" удара. Отлетев от моего колена, Сокон на секунду принял вертикальное положение, щедро окропив кровью татами у нас под ногами, и, по-прежнему не открывая глаз, рухнул подрубленным деревом навзничь. Еще несколько секунд прошли в тишине, а потом вся арена буквально взорвалась. Кричали все - зрители на трибунах, спортсмены вокруг, недовольные окинавцы, высыпавшие на площадку, Гендо и судьи, несущиеся им наперерез. В какой-то момент я даже испугался, что они не успеют, и приготовился встретить как следует сокомандников Яра, но обошлось.

Меня вместе с Гендо отвели к краю площадки и оставили под надзором нескольких "костюмов", пока судейские затеяли совещание, а над Яра принялись возиться медики. К членам комиссии сразу присоединился наставник Сокона, что-то активно доказывавший и бурно жестикулировавший. После приглашения к этой группе подошел также Харада-сенсей, но вел себя напротив предельно сдержанно, что-то негромко отвечая на вопросы и полностью игнорируя реплики окинавца в свой адрес. Из толпы, присоединяясь к этому собранию, проталкивались все новые и новые действующие лица, причем не только из числа турнирной администрации, но и, похоже, из тренерского состава.

- Смотри-ка, сам Отоёси Сунегехара из Сендая, - толкнул меня в бок Гендо, указывая на неприметного мужичка, занявшего место рядом с Харадой и начавшего втолковывать что-то судьям.

- Большой человек?

- Какой же ты недалекий, Моэ-кун, - хмыкнул семпай. - Да, очень большой. Что-то типа локального божества к северу от реки Могами, если быть точным.

- Мне уже жалко Сендай и прилегающие префектуры, - скептически ответил я на это, внутреннее все-таки удивившись не на шутку. Люди, о которых так говорят, и вправду, встречаются не часто в нынешнем мире.

Гендо лишь снова хмыкнул.

- Как думаешь, чего решат? - покосился я на старшего ученика.

- Сложно сказать, - громко выдохнул клерк. - С одной стороны, Яра явно нарвался сам, да и правила нарушил, это многие видели. Прибей он тебя - и дисквалификации с турнира, скорее всего, его школе было бы не избежать. Но и твой прием... Он ведь тоже из этого "грязного" списка. Хоть и ответный... Опять же, что там еще врачи решат...

Совещание продолжалось, народ на трибунах взволновано шумел, участники все больше косились в мою сторону, особенно после того, как Сокона унесли с татами в медпункт. Но вот, наконец, комиссия приняла какое-то решение. Из глубины сборища выбрался рефери и зашагал к центру площадки, делая мне знак занять свое место. По каменным лицам людей, стоявших у него за спиной, нельзя было ничего понять.

Вернув Гендо полотенце, я неторопливо двинулся навстречу судьбе. Даже если это будет дисквалификация, то и хер с ней! Я дрался предельно честно, не юлил и не мухлевал. Ни перед собой, ни перед сенсесем мне, если что, оправдываться не придется. И, думаю, мы оба это понимаем. А значит, гори оно все огнем! То, что Вселенная несправедлива, ни для кого из нас не будет огромной новостью.

Раскрашенный веер взметнулся вверх и опустился, указывая на меня.

- Яра Сокон, спортивный клуб Наха, продолжать поединок не сможет. Призовая победа Одавара Моэясу, спортивный клуб Изясо! Штраф - пятнадцать очков за неуместную жестокость! - огласил рефери.

Я облегченно выдохнул, но зал вокруг меня снова взорвался. И суть практически всех выкриков зрителей и участников сводилась к одному и тому же.

- Офонарели совсем! Глаза в гипсу что ли?! Какой еще

штраф, какая, нафиг, жестокость?! Отдайте парню нормальную победу! Судья, он ее заслужил! - надрывался громче всех Гендо, предварительно скрывшись за спинами первого ряда столпившихся людей.

Штраф после победы над Яра остался в силе, но мне уже было все равно. Последний поединок на сегодня должен был стать для меня десертом. Я почти прошел, почти сделал то, ради чего, Гендо и Харада-сенсей ехали сюда вместе со мной. То, на что так надеялся мой наставник - его ученик все-таки будет участвовать в четвертьфинале чемпионата страны и станет уже, как минимум, одни из восьми самых лучших. Но знаете, Харада-сенсей, что-то мне теперь не хочется останавливаться на этой ступеньке.

Гоцзе Товаки, вышедший следом за мной на площадку, выглядел совсем не внушительно. Особенно на фоне моего прошлого соперника. К тому же теперь я знал реальный уровень бойцов своей категории, в отличие от той ситуации, что была утром. Однако моя левая щека раздулась от внушительного синяка, болело плечо, пострадавшее в драке с Соконом, да и все остальные мелкие травмы и ушибы постепенно давали знать о себе, нагружая тело лишней тяжестью и скованностью. Завтра-то я буду заметно свежее, но сейчас...

Привычно поведя плечами и шей, я на мгновение мазнул глазами по Товаки и замер, буквально зацевшись за взгляд этого парня. Ха, а мне ведь было прекрасно знакомо это чувство, что отражалось сейчас в "зеркале" его души. Проклятье, ками, не ожидал такого подарка от вас! Или это награда за то, что мне уже удалось сегодня сделать?

Судья объявил начало боя, но с места из нас никто так и не сдвинулся. Я просто стоял и смотрел на своего соперника, сохраняя чуть собранную, но в целом, расслабленную позу. А вот Товаки... Сначала этого не было заметно, но где-то после второго недоуменного окрика рефери, стало видно, что парня бьет крупная дрожь. Он боялся. Боялся меня. И трудно было его не понять. Выход из подгруппы ему не светил. С Таро у него вышла почти ничья, с Соконом - поражением, Сакугава покинул турнир после встречи со мной. И выходить теперь на татами, чтобы драться с человеком, который отправил на лечение двух других сильнейших соперников в группе, ему совсем не хотелось. Несомненно, он видел, что случилось и с Яра, и с Карата. Так что мне оставалось лишь стоять, да давить его дальше своим спокойным, лишенным эмоций взглядом. В нашем поединке не было никакого смысла, и не только из-за расклада очков. Все

было намного проще. Я уже победил. Победил его дух, его волю, его желание себя показать. И если Сакугава, сдавшийся в самом конце, вызвал во мне неприкрытую ярость, то в отношении Товаки у меня не было вообще никак "душевных порывов". Даже жалости или презрения. Он просто перестал быть для меня чем-то осмысленным, переместился в разряд вещей, на которые никогда не обращаешь внимания, пока они тебе не понадобятся или ты не споткнешься об них.

Наставник Гоцзе понял все раньше, чем судьи. Выйдя на площадку, он положил ладонь на плечо пареньку, от чего тот заметно вздрогнул и повернулся к своему сенсею. Сказав что-то тихо, мастер Товаки развернулся и зашагал к судье. Под недоуменными взглядами всей арены, учитель токийской школы и рефери обменялись какими-то фразами, и снова вверх взметнулся картонный веер.

- Победа-фусэнсё за Одавара Моэясу, спортивный клуб Изясо!

Фусэнсё. Древний термин, означающий именно то, что здесь и случилось. Победа без боя. Победа духа и поражение воли. Как и техническая победа дает всего десять очков. Итого - семьдесят, на десять больше чем у Яра Сокона. И это значит, что я прошел отборочный тур, так или иначе, победив каждого из своих четырех соперников.

В тишине замолкших зрительских трибун, многие зрители на которых еще не понимали до конца произошедшее, я поклонился сначала судье, затем учителю Товаки, а затем, обернувшись, Хараде-сенсею. Мой третий поклон был намного глубже, чем первые два, и причина этого была достаточно очевидна. Криво улыбнувшись, я принял вертикальную позу и зашагал к Гендо и мастеру, поджидавших меня с точно такими же ухмылками. За моей спиной на большом цифровом табло ярко вспыхнула пятая строчка списка, куда входили участники, прошедшие в четвертьфинал по "второй категории дзюдзюцу". Несколько иероглифов гласили совсем короткую фразу: "Одавара Моэясу, Изясо".

* * *

Сидя на подоконнике и разглядывая за стеклом яркую ночную Йокогаму, я медленно, смакуя удовольствие, затянулся свистнутой у Гендо сигаретой и выпустил в направлении потолка идеально ровное колечко белесого дыма. Эх, маленькие радости жизни, всегда вдвойне приятнее после больших побед. Хотя, чтобы насладиться ими, порой приходится хорошенько побегать.

Эпопея моих последних похождений, вполне сравнимая с тем, что творилось днем на турнире, началась уже после того, как я раздобыл сигарету и сумел смыться из номера из-под пристального внимания Харады-сенсея. Главным моим врагом в проклятой гостинице стали детекторы дыма. Не знаю, что это за параноик заведовал местной противопожарной системой, но оторвался он реально по полной программе. Чертовы детекторы были в отеле повсюду! В номерах, в коридорах, в туалетах и даже в подсобных помещениях для персонала, куда я не постеснялся зайти. Мои надежды отыскать курительную комнату потерпели жестокий крах. Следуя новым веяньям моды, данная гостиница была не просто лишена подобных помещений для релаксации, а вообще, похоже, объявила курильщикам личную вендетту. В отеле не было даже отдельных номеров для курящих и специального зала, соответствующего назначения, в ресторане на первом этаже. Здесь даже в баре курить запрещалось! Притом, что касается алкоголя, то с двадцати одного года - прошу, пожалуйста, хоть залейся... Ых! Ненавижу гостиницы при спорткомплексах! А окна здесь сплошь единым пакетом, не открываются. И идти на улицу что-то не хочется...

В итоге мне просто надоело шляться по этому панельному муравейнику, и я пошел тем самым путем, который меня ни разу не подводил. Лестничный пролет в перспективе был местом наиболее удачным, потому как по обычным лестницам в наше время, а тем более в гостиницах, практически никто не ходит. Даже если постояльцы - все сплошь спортсмены да атлеты. На лифте-то все попроще. Так что единственным остававшимся препятствием был тот самый ненавистный детектор дыма, что располагался в выбранном мною пролете. Но на помощь мне пришел мой верный спутник - раскладной свинорез, и через какую-то минуту стараний я одержал победу еще и над этим противником.

Поэтому, теперь я просто сидел, жадно дымил, ощущал приятную тяжесть в натруженных мышцах и кайфовал, потихоньку проникаясь чувством своего полного и безоговорочного превосходства над окружавшей меня действительностью. Снизу на лестнице раздались отчетливые шаги, поднимавшегося человека... Нет, что за гадство?! Накаркал, болван. Но пытаться сбежать или прятаться я не стал. Так получилось, что реагировать на любую опасность подобным образом я уже как-то давно разучился. Впрочем, чем может закончиться излишняя самоуверенность, тоже не стоило забывать.

Прошло несколько неторопливых секунд, и площадкой ниже появилась девушка лет пятнадцати, одетая в спортивный костюм.

Это она что, решила себе устроить пробежку в помещении такую? На лестнице? Хотя, тоже вариант, и далеко не из самых плохих. Судя по удивленно расширившимся глазам брюнетки, встретить кого-то в таком месте в этот час она тоже не ожидала. Как говорится, чувство было взаимным. Оценив наметанным глазом подтянутую фигурку девчонки, я снова затянулся и отвернулся к окну. Надеюсь, сигнал будет понятным - я никому мешать не собираюсь, но и меня не трогайте.

Шаги зазвучали вновь, но остановились, добравшись до моего пролета. Похоже, что на сегодня лимит моего везения все-таки исчерпался. С другой стороны, его у меня и так сегодня было непозволительно много.

- Эй, ты в курсе, что здесь запрещено курить? - голос у брюнетки был грубоватый, но приятный. Если бы не смысл сказанного, слушал бы и слушал. Но пока, похоже, мне собираются прочитать очередную лекцию. Самое то, что нужно для поднятия настроения после тяжелого "трудового" дня! Женщины...

- Да ладно? - я скосил глаза на замершую рядом девчонку. - Правда, что ли? - стряхнул демонстративно пепел с сигареты на наклейку "no smoking" с общеизвестной эмблемой, оторванную и положенную на подоконник еще после уничтожения детектора, и затянулся снова. - Спасибо, что просветила, а то я и не догадывался.

Снова уставившись в окно, я ждал, когда же она уйдет, чтобы по-быстрому докурить и свалить самому. А то ведь еще приведет кого-нибудь из персонала, а к чему мне лишние проблемы Хараде-сенсею создавать? Но спортсменка снова меня удивила. Видать тут сказывался пробивной характер попавшейся мне персоны, закаленный еще сильнее после занятий рукопашным боем.

- А твой сенсей в курсе того, как ты гробишь свое здоровье?

- Конечно, он в курсе, - ответил я, по-прежнему, не оборачиваясь. - Он ведь все-таки мой сенсей, не просто какой-то тренер...

- И что он скажет на это?

- Что я - упрямый малолетний баран без грамма самоконтроля и дисциплины. Мне в ответ на это хватит наглости поинтересоваться - не кажется ли ему, что после всех сегодняшних побед мне удалось заслужить маленькую поблажку? Он, разумеется, скажет, что нет, а я в который раз повинюсь и снова совру, что больше такого не повториться.

- А ты забавный.

От этого заявления меня как током шарахнуло. Дела... Я-то

рассчитывал, что, пока я буду разглагольствовать, ей надоест, и она просто уйдет, а тут прям... В ответ на мой взгляд, снова скошенный на нее, брюнетка слегка улыбнулась.

- Меня зовут Курода Тацуэ, - сразу представилась девчонка. - Я выступаю по категории карате, версия сётокан, вторая возрастная группа.

- Приятно познакомиться. Наверное, - я слегка пожал плечами, как бы показывая, что не до конца понимаю, к чему все это сейчас происходит. - А я...

- Одавара Моэясу, "классическое" дзюдзюцу, - не дала договорить мне Тацуэ. - Мы с подругами видели сегодня твои бои с Сакугавой из Киото и тем окинавским громилой.

Кажется, что-то начало проясняться.

- Ты отлично выступил, и вообще сразу видно качественную подготовку и наработанный стиль. Думаю, на призовое место у тебя все шансы имеются точно.

- Благодарствую, - принимать похвалы от посторонних мне всегда было как-то немного странно, тем более за то, что я делал для себя и, в данном случае, для Харады-сенсея.

- Я на тебя сразу внимание обратила, ты ведь из Изясо? - я кивнул. - А я из Нагаоки, так что почти соседи.

Хм, опять совпадение? Хотя, посему бы и нет? Здесь люди со всей Японии собрались, так что тут такого? Это меня другие участники мало интересуют, кроме соперников, а другие и по сторонам успевают поглядывать.

- Так ты тоже прошла в четвертьфиналы? - все-таки только молчать и поддакивать было как-то не очень вежливо, пора было уже и поучаствовать в разговоре.

- Да, так что завтра оба будем участвовать. Поболеешь за меня?

У меня в ответ вырвалась невольная усмешка.

- Ну, только, если и ты за меня.

- Договорились! - Тацуэ гордо вскинула подбородок, будто бы объявила о заключении какой-то важной сделки. - Ладно, мне еще тренироваться надо. Так что давай, до завтра. И заканчивай уже побыстрее травить свои легкие.

- У меня одна была, и та закончилась, - бросил я вслед девушке, уже поднимавшейся по лестнице. - Увидимся!

Затушив тлеющий окурок, я до хруста размял свои пальцы и вновь посмотрел в окно. И что это, вообще, такое было? Неужели именно то, о чем я думаю? Хорошо, что никто из знакомых сейчас не видел меня с этой дурацкой улыбкой на роже. А то точно бы решили, что у Авары-куна уже окончательно съехала крышу. Нет, определенно чертовски удачный денек мне выпал!

Площадкой ниже отрылась дверь этажа.

- Судя по схеме, вот этот датчик из строя вышел, - донесся до меня хриплый стариковский голос. - Ты проводку глянь, а я пока...

Мда. А вот теперь мне точно пора валить на всех парах!

* * *

Интерлюдия.

Три человека в небольшом, но отлично декорированном кабинете, вполголоса обсуждали разложенные перед ними бумаги. Большая часть записей представляла собой турнирные таблицы и спортивные анкеты участников.

- Теперь же, что касается второй возвратной группы по дзюдзюцу, - произнес жилистый суховатый мужчина неприметной внешности в простом неброском костюме.

- Да, это важно! - резко акцентировал внимание солидный упитанный субъект, сидевший во главе стола. - Там у нас выступает Дото-кун, и я думаю, не нужно напоминать, кто и какие деньги поставил на его победу в финале.

Полные пальцы, унизанные золотыми перстнями, взметнулись в неком вопросительном жесте, как бы прося присутствующих подтвердить слова их хозяина.

- Да, Кобагути-сама, мы помним, - кивнул худой.

- И все уже подготовили, - добавил третий участник встречи.

Этого человека тоже можно было бы назвать неприметным, если бы на его лице не было этих холодных и безразличных глаз, смотрящих сквозь собеседников.

- Мы уже сформировали турнирную таблицу так, что противники господина Рёманмару в первых боях окажутся достаточно слабыми, чтобы он без труда смог дойти до финала.

- А в финале?

- Ну, во второй ветке мы собрали всех самых сильных оппонентов, и после схваток друг с другом, кто бы ни вышел победителем, он будет серьезно потрепан и устал.

- Но наверняка есть кто-то, кто нам более предпочтителен? - тот, к кому обращались как к "Кобагути-сама", поджал свою мясистую нижнюю губу.

- Разумеется, есть, - кивнул человек с глазами убийцы. - Его зовут Одавара Моэясу, - и, видя вопросительно изогнутую бровь "большого начальника", пояснил. - Он из закрытого приюта в Изясо, из того самого.

Несколько секунд Кобагути обдумывал услышанное.

- Да, определенно, это очень удачно для нас. А что у него с допингом?

- Совершенно чист, - заверил сухопарый.

- Правда? Даже странно как-то. Но, впрочем, это не важно. С парнем из такого места, как этот крысятник, мы точно сумеем договориться. А значит, давайте, будем надеяться на его непременный успех.

* * *

Утро нового дня началось для меня с контрастного душа и десятиминутной разминки прямо в гостиничном номере. Вывихнутое накануне плечо за ночь пришло более-менее в норму, то ли из-за моей "феноменальной" способности к восстановлению, то ли из-за той непонятной и довольно пахучей мази, которой Гендо-семпай извел на меня целую банку. Отеки на лице заметно спали, хотя и сохранили прежний налитой цвет. Харада-сенсей возбужденно мерил шагами пространство вдоль окна, пока я отжимался и разгонял кровь по жилам. То, что старик жутко доволен уже полученным результатом заметно было еще вчера, но сегодня он на полном серьезе завел речь о призовых местах. Я спорить с ним не собирался, но, в целом, идти до конца, раз уж начал, тоже был только "за".

Улица встретила нас приглушенным гулом многолюдной толпы. Похоже, что народу вокруг спортивного комплекса и внутри него сегодня было даже больше, чем вчера, а к площади периодически подкатывали и выплескивали из своего чрева очередные партии пассажиров все новые и новые рейсовые автобусы, зафрахтованные самыми разными организациями и учреждениями. Направляясь в спортзал, по-прежнему закрепленный за нами, мы с Гендо не выдержали и заглянули на центральную арену. В отличие от первого дня боев, когда часть поединков шла в смежных помещениях, четвертьфиналы и последующие этапы отбора должны были проходить только здесь. Для чего, кстати, на месте предыдущих трех десятков уже были подготовлены всего четыре площадки, от чего зал сразу стал казаться куда более огромным. Несмотря на то, что до начала турнира было еще полтора часа, трибуны оказались забиты народом под завязку. Кроме привычной охраны в серой "мышиной" униформе мой наметанный глаз сразу засек появившихся в комплексе "синепузов", тершихся буквально на каждом углу. До того, как мы добрались до своих "апартаментов", я успел уговориться с Гендо-семпаем, что он выяснит, когда будут проходить бои второй возрастной группы карате-сётокан.

Поскольку большая часть вчерашних соседей по спортзалу покинула соревнования после отборочных, то сегодня нам досталась в полное распоряжение целая половина зала. На второй части тренировался парень-дзюдоист из старшей группы в весовой категории "до шестидесяти". "Двадцатилетние" были единственными, кого уже было принято делить по весу, но я такому положению дел не завидовал. Лично мне драться только лишь со своими хлипкими погодками было бы совсем неинтересно.

К тому моменту, когда явился бравый "доктор Зорге" нашего маленького отряда, Харада-сенсей успел прогнать меня через полный цикл ката и поставить к стенке, для отработки реакции. Помявшись немного для виду, наставник все же согласился меня отпустить, но не дольше чем на пятнадцать минут. Четвертьфинал, в котором мне предстояло принять участие, начинался ровно в одиннадцать десять. Уже в коридоре, увидев объявление на одной из электронных таблиц, развешанных повсюду на стенах, я домчался до зала за считанные секунды и ввинтился в толпу из спортсменов и тренеров. Всех участников турнира, по-прежнему, допускали для наблюдения в свободном режиме. Протолкаться в первый ряд, отдавив по пути пару ног и несильно пихнув кого-то локтем по ребрам, я успел вовремя. Запыхавшийся Гендо-семпай догнал меня только через минуту.

Борьба за выход в полуфинал в исполнении моей новой знакомой выглядела, может быть, и не слишком зрелищно, но зато очень технично. Для тех, кто понимает такие моменты, конечно. Простой каратистский стиль Тацуэ удачно сочетался с ее отменной скоростью и стремительным напором. Главное, чувствовалась, что девушка верит в свою способность полностью контролировать ситуацию на площадке. Причем этого в ней было столько, сколько порой не бывает даже в самых контуженых и уверенных в себе отморозках, зажавших в угол одного-единственного противника, при этом, будучи числом в десяток рыл и с прутьями арматурными наперевес. Победа досталась брюнетке по очкам, но, по сути, в чистую, без всяких "но" и вариантов для ее соперницы.

Зал сдержанно поприветствовал достижение девушки, будучи куда больше увлечен в это время поединком двух других спортсменок на соседнем татами. Все-таки, как-никак, но там сейчас сражались те две, что до начала турнира считались главными претендентками на победу, но встретиться оказались вынуждены уже сейчас. Всю эту информацию мне успел за эти пару минут быстро нашептать на ухо Гендо-семпай. Тацуэ, тем временем, поклонилась судье и направилась обратно к

поджидавшим ее членам команды. Слегка взволнованный взгляд девушки мазнул туда-сюда по рядам ближайших зрителей, но заметив на другом краю площадки мою ухмыляющуюся физиономию, каратистка тут же самодовольно улыбнулась, повернула голову в профиль, продолжая смотреть на меня искоса, и немного вскинула подбородок. На недвусмысленный вопрос "Понравилось?" я, продолжая широко скалиться, быстро кивнул и показал ей большой палец. На этом наш молчаливый диалог и закончился.

- Моэ-кун, а я смотрю, ты времени зря не теряешь, - о присутствии рядом Гендо я за время "беседы" как-то успел подзабыть. - Симпатичная девочка. Даже удивительно, как это она на такого жутковатого недоросля клюнула.

- Гендо-семпай, а хотите я вам в глаз сейчас дам? - вкрадчиво поинтересовался я в ответ.

- Эх, Моэ-кун, ну, нельзя же так, - "обреченно" вздохнул офисный клерк. - Где же твои манеры? Хоть какие-нибудь? Разве можно говорить вслух такое человеку, которого ты сам именуешь "семпаем"? Я уже не говорю об элементарном почтении к старшим...

- А вы, Гендо-семпай, ведите себя как взрослый, - посоветовал я в ответ, - а не как мои знакомые ехидные малолетки, тогда и будет у меня к вам отношение соответствующее.

- Зануда, - рассмеялся старший ученик. - Иногда, мне кажется, что тебе лет пятьдесят, не меньше. Впрочем, то, что я только что видел, оставляет надежду на твою нормальность.

Развернувшись, я снова раздвинул плечом толпу, и двинулся к выходу. Можно, конечно, было ответить Гендо что-то в духе "Поживите моей жизнью - все сами поймете!", но я не стал. К чему? Моя жизнь, вообще, была слишком непонятной и нестандартной. Во всяком случае, на фоне того, что я считал таковым стандартом. Не дать будущему стать таким, каким ему предначертано быть - задачка нетривиальная, знаете ли. Вот поэтому и приходится зачастую мыслить в свои пятнадцать лет совсем не детскими категориями. И постоянно искать на пути препятствия, чтобы их преодолеть и стать еще, пускай, на полграмма, но ближе к заветной цели. Даже этот турнир, хоть во многом он дань моей благодарности сенсею, тоже уже стал таким испытанием. И кстати, тот факт, что он смог им стать, мое странное предчувствие трактовало достаточно однозначно - я все еще даже близко не готов к тому, что может меня поджидать. А значит, будем и дальше рвать жилы, не отвлекаясь на всякие приятные мелочи... Ну... Почти не отвлекаясь... По возможности...

- Мандраж не бьет? - в другой ситуации я принял бы такой вопрос за подколку, но сейчас эта фраза прозвучал совершенно серьезно.

- Не, все путем.

Подойдя поближе с моим кособэ в руках, Гендо помог мне в него облачиться и протянул сложенную полоску пояса.

- Три минуты, - напомнил сидевший на скамейки Харада-сенсей. - Пора выдвигаться.

Путь до арены мы проделали в тишине. Обсуждать на этот раз, по большому счету, было нечего. Мой противник не практиковал никаких навороченных школ, не славился хитрым подходом в сражении. Обычная классическая школа дзюдзюцу, ничего примечательного. Выходя на татами, я бросил на соперника короткий взгляд, уже зная, что там увижу. Гендо в очередной раз был успешен в вопросах сбора информации.

Кампаку Рюдзаки. Шестнадцать лет. Почти моего роста, но чуть плотнее и коренастее. Токийская школа "мягкой силы" с трехвековой историей. Умелый, быстрый, опытный боец. Единственная проблема заключалась лишь в том, что в прошлом году Рюдзаки уже выиграл этот чемпионат, причем в этой же возрастной категории. В общем, на непростых противником мне по-прежнему везло, но я этому даже радовался в душе. Уверен, Кампаку будет бороться за свой титул и вряд ли пожелает отдать его кому-то другому, пусть он и будет каким-нибудь перспективным новичком.

Болельщики приветствовали наше появление почти одинаково громко, Рюдзаки оваций и выкриков досталось побольше. Зато, после моего представления, сделанного судьей, на верхних рядах дружно заголосило три десятка здоровенных лбов в цветастых гавайских рубахах и солнцезащитных очках.

- Изясо, брат! Вали его, накама! Пусть соплями подавится! Уделай его, Угрюмый!

К чересчур разошедшимся крикунам уже проталкивалась полиция и охрана, но обратить на себя всеобщее внимание они успели. Я лишь слегка про себя усмехнулся. "Молодняк" из клана Яма-кай, почти все из двух последних выпускных классов моей любимой школы. Вот так вот, нашлись у меня и такие фанаты...

Стандартное приветствие, взмах веера и понеслась!

Кампаку без спешки двинулся в мою сторону, совершая каждое действие с хищной звериной грацией и аккуратно переступая ногами. За этим внешне довольно простым подходом сразу угадывалась "традиционная" школа. Никаких там всяких старомодных "подпрыгиваний", которыми грешили некоторые

мои предыдущие оппоненты. Мода на такие движения вошла в обиход еще со времен Брюса Ли. Но самый широко известный мастер кун-фу рисовался своей "фишкой" не просто так для красоты, а потому, что владел некоторыми определенными приемами, что она помогала исполнить. Большинство же его нынешних подражателей даже о существовании этих секретов не догадывались. Многие даже пытались "включить" в дополнение к этому элементу кое-что схожее из арсенала профессиональных боксеров.

Сблизившись на расстояние удара, я нанес первую пробную атаку, даже не стараясь по-настоящему достать противника. Просто хотелось увидеть скорость его реакции. Но к моему удивлению, блок Рюдзаки слегка запоздал. Токиец успел уклониться, дернув назад головой, и тут же отскочил от меня, разрывая дистанцию. Мои костяшки на правой руке почти не ощутили прикосновения, однако по подбородку замершего Кампаку сбежала темная красная капля из лопнувшей нижней губы. Выражение глаз моего противника, бывшее до этого настороженно-заинтересованным, резко сменилось. Похоже, чемпион увидел-таки во мне настоящего соперника. Серьезный парень, с таким надо держать ухо востро. Такого не спровоцируешь, как верзилу Сокона, и на ошибки оппонента можно тоже не шибко рассчитывать. Дела...

Выдерживая среднюю дистанцию, мы снова закружили по площадке. Проверили друг друга ногами по "нижнему ярусу", убедились во взаимной бесперспективности попыток захвата, обменялись простенькими сериями. Один боковой удар я поймал в голову, плюха оказалась щедрой и весьма увесистой. Пару раз удалось пробить Рюдзаки в брюхо. Пресс у парня оказался, что надо. Ощущения были такие, как будто, лупишь в нештукатуреную стенку. Веселая ситуация, получается. Неужели мне никак его не сделать без своей Силы или нарушения правил?

Народ на трибунах недовольно заворчал. Оттуда сверху, наверное, казалось, что мы оба намерено, затягиваем свой поединок, от которого многие ждали гораздо большего. А вот спортсмены, тренера и их сопровождение напротив молчаливо следили за нами с самым пристальным вниманием. Сенсей Кампаку вообще подался вперед, напоминая сейчас, охотничью собаку принявшую стойку "на след".

Мои попытки обойти его, Рюдзаки четко фиксировал и пресекал. Ни до почек, ни даже до печени у меня добраться не получилось бы, особенно без риска словить контратаку в открытый скворечник. Обменявшись с противником еще одной серией ударов и блоков, я уже сам подался назад. Кампаку

воспринял это "предложение" спокойно и, постепенно наращивая темп, принялся технично меня обрабатывать. В какой-то момент, я сумел уйти от его прямого и подловить чемпиона почти как тогда в бою с Сакугавой и его "рукой-копьем". Но реакция у Рюдзаки была отменная, я лишь успел перехватить его запястье и положить вторую ладонь на локоть, когда он качнулся вперед, лишая меня возможности провести болевой и зарядив дополнительно в челюсть с левой. Но ухватить я его все-таки смог, и попытался извлечь пользу хотя бы из этого. Дернув Кампаку на себя, плюсуя это к инерции собственного движения тела врага, как и предписывало учение дзюдзюцу, я попытался швырнуть парня вперед. В последний момент он ловко "подобрал" вверх левую ногу, так и не запнувшись о мое выставленное колено, и, перекатившись через себя, тут же снова оказался на ногах, завершая разворот в мою сторону еще в момент подъема и занимая прежнюю стойку.

Я, тем временем, мысленно присвистнув, с уважением оценил продемонстрированный мне акробатический кульбит. Судя по пластике движений, Рюдзаки смог бы провернуть нечто подобное даже сражайся мы не на жестком спортивном мате, а на твердом бетонном полу. И никаких особых последствий для него это не возымело бы. Силен, нечего сказать. Поскольку сигнала судьи не последовало, то мой бросок не был засчитан, и прерывать бой никто не собирался. Как мне потом рассказал Гендо-семпай, когда Кампаку проделал свой "прыжок", судья, находившийся к тому моменту у меня за спиной, неуверенно оглянулся на людей за столом турнирной администрации, но так и не получив каких-либо знаков, предпочел веер не поднимать. Но я бы, наверное, этого не заметил, окажись рефери даже не позади, а прямо предо мной. Потому как мир для меня сейчас окончательно сузился до подтянутой фигуры Рюдзаки, облаченной в белое.

Чемпиону продолжать эти "приглядки", видимо, тоже наскучило. И поэтому, памятуя об осторожности, мы, не сговариваясь, решили сойтись "в упор". Быстрая круговерть ударов, уходов, блоков, мелькающие колени, локти, голени и кулаки, инстинкты, успевающие перехватить контроль над телом в нужные моменты - в этот раз парой ударов дело не обошлось. А в тот момент, когда Кампаку снова попробовал разойтись, я вцепился в него мертвой хваткой. Решив, что я попробую просвети классический "через бедро", Рюдзаки сменил опорную ногу, четко перекинув центр тяжести, и попытался заступить мне за спину, чтобы провести "обратный бросок". Все наши руки в этот момент были заняты тем, что сжимали локти и отвороты косодэ

друг у друга, а тела находились боком друг к другу в одной плоскости. И вот тут-то я, в который раз вознесся благодарение предкам за свою прекрасную растяжку, выдал правой ногой "косой заплечный", угодив чемпиону точно в затылок. Потери ориентации и инициативы противником, что дала мне эта атака, было более чем достаточно. Крутнувшись всем корпусом, я увлек за собой Кампаку, отрывая его от земли, разжал свою хватку, отпуская токийца в свободный полет, и жестко хлестнул обеими руками пред собой, срывая "зацеп" чемпиона.

Пролетев по полукруглой траектории всего пару метров, Рюдзаки смачно плюхнулся на все "четыре кости". И хотя мне это в лучшем случае засчитали бы за одно очко, а не за полноценный бросок, приложился Кампаку здорово. А бой при этом по-прежнему никто не отменял. Шаг вперед, замах вверх теперь уже левой ногой, и опускавшаяся вниз пятка замирает в каких-то миллиметрах от затылка противника, еще так и не успевшего до сих пор прийти в себя окончательно. Есть первый добивающий!

Болельщики радостно загомонили, участники турнира зашушукались, а поднявшийся на ноги Кампаку выглядел слегка удивленным, но при этом, ни страха, ни неуверенности в нем точно не появилось. Разойдясь на разметку, мы дождались сигнала судьи и начали новый "танцевальный" круг.

Начав серьезно уступать по очкам, Рюдзаки решился на риск. Проведя внезапную и жесткую атаку, токиец подставился под мою "коронку" - поймал кулак в висок, принял на лоб удар локтя - и зарядил мне жестокую подачу под дых. В глазах у меня на секунду или даже на две расцвела наркоманская радуга, а в себя я пришел уже на татами. Кампаку в этот момент как раз наклонялся, чтобы обозначить контрольный удар, но меня вдруг дернуло жгучее чувство обиды. До сих пор, еще никому не удавалось меня уложить на этом турнире. Я прошел через Сакугаву и здоровяка Сокона, меня уже два года не мог "постелить" на асфальте ни один из "сотоварищей по школьной учебе", и продуть теперь здесь? Пускай даже по турнирным правилам и признанному всеми чемпиону?! А вот хрен вам, сволочи!!!

Извернувшись юлой, я захлестнул торс Кампаку крест-накрест ногами и ухватился левой за его ударную руку, выворачивая ее в кисти. Рюдзаки зло, но вместе с тем ошарашено, вскрикнул и рванулся прочь, буквально поволочив меня за собой по полу. Перегнувшись на бок, я сумел подцепить свободной рукой ногу противника, и тот с громким хлопком упал на татами, оказавшись окончательно зажатым в болевой захват. Парень еще пытался сорвать с себя мои ноги, но я с каждой секундной все

сильнее заламывал и выкручивал уже своими обеим руками его правую. Арена вокруг исходила криком и гомоном, рядом с нами припал на колени судья, а я, терпя боль в неудачно выгнутой пояснице, продолжал тянуть, давить и крутить.

Судья не выдержал первым. Он честно пытался дождаться развязки, но когда Рюдзаки не пожелал "признать" болевой даже после того, как в плечевом суставе чемпиона что-то отчетливо захрустело, рефери остановил бой своим решением. Спустя минуту, пока Гендо отпаивал меня соленой минералкой, а вокруг сидящего Кампаку суетились медики, я более-менее пришел в себя.

- Как ты себе хребет не сломал-то в крестце? - удивленно хмыкал семпай, в то время как Харада-сенсей, стоявший рядом, лишь нервно постукивал палкой по полу. - Изогнулся натурально, как кукла гуттаперчевая...

- Сам не понимаю, - без всякой лжи ответил я.

- Потом обязательно осмотреть надо будет там все.

Время "технической" паузы завершилось, и судья снова затребовал нас на площадку. Рюдзаки поднялся и двинулся к отметке, несмотря на явные протесты своей команды, и даже резкий окрик наставника его не остановил. Правая чемпиона болталась плетью, но на лице была написана решимость идти до конца, во чтобы то, ни стало. Нет, Рю-кун, не выйдет из тебя профессионального спортсмена, похоже. Не умеешь ты поберечься, когда это действительно нужно, и отступить. Но все же, несмотря на эту "житейскую дурость", ты первый на этом турнире, кто вызывал во мне неподдельное уважение.

- Вы уверены, что готовы? - вопрос судьи явно был адресован моему оппоненту.

- Да, - буркнул Кампаку, присовокупив к этому ответу шепотом забористое ругательство.

Рванув в мою сторону на полной скорости, Рю-кун с силой крутнулся всем корпусом, пытаясь использовать нерабочую конечность как своеобразный кистень, и одновременно добавить скрытой атакой в живот. К несчастью для себя он был неоригинален, подобные фокусы я уже видел не раз, особенно в уличных драках, когда бьют друг друга до тех пор, пока одна из сторон просто не может физически встать. А видел он это где-то или на самом деле придумал только что сам - не имело значения. Нижний блок, принять "кистень" на плечо, получив хороший "шлепок" по спине, и незатейливый в зубы... Мой кулак замер уже коснувшись щеки Рюдзаки.

Мы замерли вплотную друг к другу, а в огромном зале повисла глубокая тишина, как будто даже остановились бои на

других площадках. Слов было не нужно, достаточно того, что каждый из нас видел глаза своего соперника. Спустя еще пару секунд мы все также без слов расступились и сделали по шагу назад, слегка склонив головы. В этом жесте не было привычной церемонности, только лишь то, что когда изначально вкладывалось в него. "Поклон равных". Поклон выражающий лишь одно - уважение.

- Я получил травму и больше не смогу продолжать поединок, - сообщил обомлевшему судье, разогнувшийся Кампаку.

- А... - растерявшийся поначалу распорядитель боя, пришел в себя и тут же замахал своим веером, указывая нам занять места. - Кампаку Рюдзаки, школа Кодэн, Токио, добровольно отказался продолжать поединок. Итоговая победа в четвертьфинале за Одавара Моэясу, спортивный клуб Изясо!

Не дожидаясь окончания судейской речи, мы, улыбнувшись, снова шагнули вперед и обменялись куда более простым и понятным нашему поколению жестом. Правда, из-за травмы Рюкуна, пришлось пожимать друг другу левые руки. Притихшие немного трибуны огласили несколько робких аплодисментов, которые тут же переросли в бурю оваций. Хлопали все - зрители, участники, "костюмы", "синепузые" и даже мордовороты из клана Яма-кай. А я, отыскав в толпе глазами Тацуэ, широко улыбнулся и возвратил ей ее же "немой" вопрос. Покачав головой, брюнетка ответила мне без раздумий. Глаза девушки продолжали улыбаться, а вот губы беззвучно, но вполне узнаваемо произнесли короткое и очень емкое:

"Выпендрёжник".

* * *

- Нет, определенно, не могу зафиксировать никаких повреждений, - главный врач одной из дежурных бригад турнира стянул белые резиновые перчатки, бросил их в мусорную корзину, стоявшую рядом, и задумчиво пригладил клиновидную бородку. - Поразительно. У вас великолепно развитое тело, молодой человек. Можете поверить моим словам, как спортивному медику с двадцатилетним стажем.

- Сомневаться, док, даже не думаю, - хмыкнул я, накидывая на плечи обратно свое кособэ.

Легкое недоумение "коновала" мне было понятно. Еще бы, трюк из репертуара цирковых людей-змей даже подготовленному спортсмену проделать было бы не просто. А чтоб уж совсем без последствий... Впрочем, ответить на вопрос о том, что же все-таки

случилось на татами, я и сам пока до конца не мог. По моим собственным рваным воспоминаниям и ощущениям к Силе я не тянулся. Во всяком случае, намеренно. Но могло ли это случиться спонтанно? Или проста та "физически" воплощавшаяся часть энергии, подпитывавшая и лечившее мое тело, уже стала настолько обыденной и неотделимой для меня, что я просто перестал ощущать ее дополнительную "циркуляцию"? В обычной драке всякое такое, как правило, не замечаешь, а вот после "боя по правилам", приходится задуматься.

- Мы свободны? - Харада-сенсей, которого, в отличие от Гендо, пустили в великолепно оборудованный медпункт спорткомплекса, начал подниматься из кресла в дальнем углу.

- Только лишь одна формальность, раз уж вы уже оказались здесь, - по знаку врача один из помощников открыл прозрачную дверцу одного из шкафов, извлекая оттуда знакомый мне короб из матового металла.

- Пробы на допинг?

- Согласно регламенту соревнований.

Мысленно я кивнул. Все верно, теперь эти проверку будут проходить не выборочно, как в первом туре, а постоянно у каждого из участников, причем вне зависимости от того, победил он в бою или проиграл. В "старшей" группе так вообще, анализы брали и до начала поединка, и после. Но, похоже, что как-то по-другому в таком важном деле, как национальный чемпионат, было просто нельзя.

В свой зал мы вернулись только к часу дня и сразу принялись за обед. Общая атмосфера вокруг перед грядущими полуфиналами заметно накалялась. Моя новая схватка была назначен жребием на пять часов вечера. Как раз хватит, чтобы отойти и прийти в себя. А пока шли бои старших групп, а охрана активно гоняла по коридорам самых настырных фанатов и вылавливала ушлых журналистов, которые пытались пролезть для близкого общения с оставшимися участниками.

- Знаешь, Моэясу, я рад, что у тебя все так вышло с Рюдзаки, - заметил негромко сенсей, ковыряя палочками свой рис, пока мы с Гендо трескали свои порции за обе щеки. - Ведь именно твоей встречи с ним я опасался больше всего.

Прекратив жевать, я устремил на наставника вопросительный взгляд.

- С чего вдруг, Харада-сенсей? Нет, он очень хорош, не спорю, но если вы знали о том, на что способен Рю-кун, то не стали бы переживать из-за моей подготовки?

- Все так, Моэ, все так, - покивал мне старик. - Но я действительно давно слежу за этим юношей. Лучший ученик

моего бывшего товарища, с которым мы вместе постигали азы дзюдзюцу, не мог не привлечь моего внимания. Оноки учит своих ребятишек на совесть, но Рюдзаки... он совсем не такой, как большинство из них. Он - воин, боец, мечтатель. Человек борьбы, схватки и отнюдь не обычного спорта. Ему предначертано быть великим мастером. И во многом из этого, Моэ, он похож на тебя.

Тонкий намек сенсея я предпочел "не услышать". Все-таки, связывать свою дальнейшую жизнь с рукопашными единоборствами, тренировками, соревнованиями и последующей за ними карьерой мастера боевых искусств, мне по-прежнему не хотелось. Хотя, понять своего наставника мне это ничуть не мешало. В его возрасте для инструктора додзё не иметь подходящего и надежного преемника означает, по большому счету, только одно - "смерть" и забвение школы. И объяснить Хараде, что я уж точно не подхожу на эту роль, будет непросто, да и сам разговор будет малоприятным. Но пока... Пока никаких прямых вопросов и предложений не прозвучало, а бежать впереди паровоза мне не улыбалось. Тем более, сейчас, когда мы здесь в Йокогаме, дошли до полуфинала, и теперь совершенно точно будем сражаться за призовые места.

- Я не знал, как ты можешь отреагировать на такого бойца. Испугаешься, разозлишься или что-то еще, - закончил, тем временем, свое объяснение мастер. - Но ты повел себя так, как я даже и не надеялся.

- Просто мы с Рю-куном сумели быстро понять друг друга, - я беззаботно пожал плечами и улыбнулся. - Как вы и сказали, сенсей, мы оказались слишком сильно похожи в том, что касается нашего отношения к этим боям. По-другому, наверное, и не могло случиться.

- К тому же, Моэ-кун, с одной стороны не мог потерпеть поражение на глазах своей новой пассии, - тут же ввернул комментарий Гендо. - А с другой, показать себя перед ней тупым агрессивным ублюдком ему тоже не очень хотелось. Так ведь?

Харада усмехнулся в седые усы, а я, закинув в рот остатки обеда, тщательно все прожевал и, покосившись на семпая, спросил:

- Сенсей, а можно ближайший час отвести на кумитэ? А то, что-то очень хочется спарринг устроить с партнером... Долгий и жесткий.

- Это обязательно, - ответил учитель. - Но позже. У Гендо еще есть дела, а ты, Моэясу, сейчас займешься отработкой боевой концентрации. Несколько раз Рюдзаки тебя все-таки хорошо достал, и сознание на полсекунды ты потерял. Я видел, не спорь.

Я, в принципе, и не собирался этого делать, заранее зная обо

всей бесполезности данного процесса. Поэтому пришлось заняться тем, что велел сенсей, хоть всякие упражнения на концентрацию и не числились среди моих "любимчиков". Встав посреди свободного пространства в углу зала, я принялся "чертить" ребрами отрытых ладоней разные простые геометрические фигуры. "Изюминка" заключалась в том, чтобы параллельно изобразить правой кистью квадрат, а левой - треугольник. Либо наоборот. Но обязательно начать и закончить оба "рисунка" одновременно. Не так-то просто, на самом деле.

Начав тренировку, я в который раз поразился опыту и профессионализму Харады-сенсея. Как точно и четко он выявил тот "изъян", который появился у меня после боя с Кампаку. Обычно у меня выходило выполнить "двойной чертеж" со второго, максимум с третьего раза. В последнее время даже с первого получалось, и довольно быстро к тому же. Но плюхи Рю-куна не прошли для меня даром. Удачной оказывалась лишь, в лучшем случае, пятая или шестая попытка. После драки с Соконом у меня была целая ночь на то, чтобы отлежаться, но перед полуфиналом на такую паузу рассчитывать не приходилось. Так что, мастер в который раз вернул меня с небес на землю, заставив засунуть куда поглубже проснувшуюся после победы над Кампаку гордыню и снова взяться за свою подготовку.

На полуфинальный бой Тацуэ я сумел отпроситься легко. Достаточно было того, что сам вопрос был задан Хараде тем тоном, который, как было известно мастеру, однозначно подразумевал, что я сделаю то, о чем спрашиваю, вне зависимости от ответа. К тому же, после разминки с Гендо у меня снова начало пошаливать плечо и его пришлось затянуть в тугую повязку, после чего нужно было оставить руку хотя бы ненадолго в покое. В другой ситуации я без раздумий решился бы посидеть немного в тишине и поплевать в потолок. Но, пойти и посмотреть бой Тацуэ, было, конечно же, намного интересней! Кроме того, я же пообещал, что буду за нее болеть, а привычки просто так разбрасываться собственным словом за мной не водилось как-то.

Новый поединок с участием моей знакомой вышел гораздо зрелищнее, чем первый. И при этом был намного более коротким и жестким. Да уж, порой не перестаешь удивляться, на какие только вещи способны эти внешне такие милые, добрые и красивые существа, которых мы называем девушками. Не зря в народном творчестве ходит столько анекдотов на тему сковородки, метко запущенной кому-то в голову в ходе семейной ссоры.

Уже в самом конце, выбив явно на полдесятка больше очков,

чем ее противница, Тацуэ неудачно подставила блок под размашистый удар ноги. Остановить атаку это остановило, но тень боли, пробежавшая по лицу брюнетки, и прикушенная на секунду губа показали, что что-то пошло не так. Соперница тоже это заметила и попыталась сразу же прессинговать, видимо, надеясь выбить "призовую" победу. Но, несмотря на то, что спортсменке из Нагаоки еще дважды пришлось задействовать поврежденную руку, до конца поединка Тацуэ все-таки дотянула. И даже сумела еще больше увеличить свой отрыв по очкам за счет умелых контратак. Однако, похоже, что выход в финал дался для моей знакомой гордячки непросто, и суета, тренеров, медиков и подруг вокруг брюнетки уже после окончания боя была тому лишним доказательством. Ободряюще махнув Тацуэ издали, я поспешил обратно в спортзал, мысленно ставя себе в памяти закладку, что нужно будет этим вечером девушку обязательно отыскать - поздравить с победой уже нормально и узнать о случившемся поподробнее.

- В общем, из четвертой пары против тебя вышел Ли Ингон, - уже в привычной манере просветил меня Гендо во время выхода на арену.

- Кореец? - хмыкнул я. - Тёсю или санго?

- Приезжий, - уточнил семпай.

- Понятно.

Если бы мой противник был из "японских корейцев", то ничего важного в его этническом происхождении не было бы. Общины тёсю жили на территории Японии еще со средних веков, и хотя при всех политических режимах их усиленно пытались ассимилировать, как тех же айнов и рюкю, небольшие деревушки и отдельные районы в крупных городах у корейцев пока оставались. В пятидесятых годах, когда на острова потекла волна азиатской эмиграции, анклавы тёсю пережили свое второе рождение. Но все равно, корейцы, рождавшиеся и выраставшие в Японии, мало чем отличались от коренного населения, даже в плане традиций, обычаев и религии, а что уж тут говорить о рукопашном бое? Но в случае с сангокудзинами, отличавшимися от "чужаков" из Европы и Америки только нормальным разрезом глаз, стоило определенно готовиться к всевозможным каверзам.

- И что же это за школа дзюдзюцу, где учатся приезжие из Кореи?

- Вообще-то, первичную "стажировку" он проходил у себя в Сеуле в месте под названием Куккивон, - уловив мои сомнения, подтвердил тут же Гендо. - Но у них есть что-то типа отделения здесь в окрестностях Токио, где преподают пару

"модернизированных" направлений "якобы дзюдзюцу". В общем, руководство турнира допустило их до участия в нашем виде единоборств.

- Шикарно просто. Корейцам все неймется доказать, что тхэквандо круче всех наших направлений... Куккивон к тому же, мда. Об этом месте я слышал.

- Да?

- Ага, будут меня сейчас бить ногами. Лучше б их, вправду, к каратистам запихнули...

- Ворчишь, Моэ? Я вижу, ты потихоньку начинаешь понимать всю глубинную суть моего недовольства относительно методов организации этих соревнований, - нагнал нас немного запыхавшийся Харада-сенсей.

- Учитель, - в глазах Гендо появился маслянистый огонек любопытства. - А о чем это вас отзывал поговорить сам Отоёси-сама? Да еще прямо перед боем вашего ученика.

- Когда я сочту, что кому-то из вас двоих это будет нужно узнать, - усмехнулся мастер, прекрасно заметив, что я тоже навострил уши в ожидании ответа, - то вы об этом от меня сразу узнаете. Но только тогда!

Посмеиваясь, мы вышли под купол главной арены. В самом зале людей было уже заметно меньше, хотя многие выбывшие спортсмены остались, чтобы досмотреть полуфиналы, а вот трибуны по-прежнему ломились от зрителей. Неужели кто-то торчал здесь с самого утра? Трудно было бы поверить, если бы я на ходу не приметил бы краем глаза ряд из знакомых "попугайских" рубашек. Ладно, прочь посторонние мысли, отложим до вечера волнения за Тацуэ, и вперед на штурм! Пора подарить Хараде-сенсею участие школы из Изясо в финале.

- Ли Ингон, спортивная школа "Бо Сэн", префектура Малый Токио, - представил публике судья. - Одавара Моэясу, спортивный клуб Изясо. Вторая возрастная группа по категории дзюдзюцу. Полуфинал.

Кореец оказался не совсем корейцем. Нет, то, что один из его предков действительно происходил с полуострова Тёсон, было понятно. Но полностью поверить в то, что передо мной сейчас настоящий голубоглазый кореец, мне так и не удалось. Впрочем, может быть, я был и не прав. Ярко-красные волосы у парня были явно крашенные, так может он и в глаза себе линзы понавставлял. Каких только глупостей мое поколение не вытворяет - сам бы делал, если бы мог себе позволить.

Как мною и ожидалось, долгих прелюдий Ингон разыгрывать не пожелал. Двигаясь "танцующим" шагом,

типичным для материковых бойцовских школ, парень радостно мне улыбался, демонстративно совершал лишние шаги-рывки по сторонам и всячески пытался показать, что просто полон сил и энергии. Однако после того противника, что достался корейцу в четвертьфинале, такое было сомнительно. Если на меня вышел чемпион прошлого года, то Ингону выпало сойтись с серебряным призером. Вообще, серьезная у нас группа получилась, если подумать.

В общем, Ли не мог не устать и не мог так быстро восстановиться. Но все же пытался мне это доказать своим позерством, и все потому, что, как говорил Харада-сенсей, кореец был спортсменом. Давить на психику оппонента, заставить его задуматься о "допустимых рисках", "запугать" бесперспективной схваткой. Такое могло подействовать на того, кто пришел на этот чемпионат за титулом, но не готов рисковать здоровьем и возможностью побороться за другие почетные звания. Но совершенно не проходило против таких как я или Кампаку Рюдзаки. Непонимание этого было ошибкой Ингона, а заодно и его сенсея, не ставшего или не сумевшего разъяснить ему это вовремя.

К хлесткому удару ногой, я был готов. Пытаться достать меня на дальней дистанции - номер заранее дохлый. Эх, Ли, неужели не можешь сам догадаться, глядя на меня, что при моем-то росте, я в жизни еще не сражался с кем-то, кто был бы меньше меня. И весь мой стиль, все, что я умею, завязано в первую очередь именно на встречу с длиннорукими и длинноногими оппонентами. Я дал корейцу провести еще пару пробных атак и ответил сам. Простенько и без замаха ударил левой навстречу очередной вражеской атаке, угодив основанием открытой ладони точно в пятку, покрытую темной задубевшей кожей. Вышло не совсем так, как хотелось, в лодыжку или центр стопы было бы лучше, но хватило и этого. Отскочив от меня, как ошпаренный, Ингон немного попрыгал на второй ноге, напрягая и расслабляя мышцы в пострадавшей конечности, чтобы прогнать пронзившую ее судорогу. Презрительно улыбнувшись, я опустил руки из стойки и сделал жест открыто означавший "давай, я подожду". На трибунах послышались смешки, а со стороны моих болельщиков-якудза так вообще раздалось глумливое улюлюканье. И такой переход Ли явно уже не понравился.

Работая ногами по "верхнему этажу", но и не забывая о подсечках и атаках руками, крашеный кореец закружился вокруг меня по татами, а я наоборот ушел в глухую оборону и даже почти не огрызался. До конца Ингон не выкладывался, и это позволяло не слишком сильно напрягаться и мне. И пусть сейчас

шел полуфинал, но в одном я с противником был согласен - завтра мне мои силы пригодятся куда больше. Вот только вариант участия в схватке за третье место я, в отличие от того же Ли, не рассматривал принципиально.

После того, как мне удалось уловить на третьем обороте определенный ритм, в котором двигался соперник, и точно понять, что он не испытывает желания опробовать броски и захваты, оставалось положиться лишь на свои рефлексы и грубо ломануться вперед. Резко пригнувшись, я дождался, когда нога корейца в очередном ударе пройдет у меня над головой, и, "вынырнув" сбоку, вмазал ему по ребрам. Не давая отступающему сопернику увеличить дистанцию, при которой в обычной ситуации уже переходили к хватательно-швырятельному кансэцу, я продолжил самый активный натиск, орудуя исключительно короткими тычками, практически лишенными замаха. Пытаясь блокировать мои атаки и остановить меня подсекающими ударами по ногам, Ингон упустил тот момент, когда один из тычков превратился в увесистую подачу локтем снизу вверх. Снеся не подготовленный для такого блок, я зарядил корейцу по подбородку и провел против шокированного противника четкий боковой "хук" с левой. Ингон даже уклоняться в этот раз не начал, и мой удар просто сбил его с ног, развернув вокруг себя и швырнув лицом на татами. Судья вскинул веер, и я послушно ретировался назад, давая оппоненту время на то, чтобы прийти в себя.

Новый раунд начался как-то скомкано. Судя по растерянному мечущемуся взгляду Ли, он пытался просчитать, что можно противопоставить избранной мною тактике, и не находил ответа. Но с моей стороны его вновь ждала жестокая "подлянка". Вместо того чтобы снова сунуться в ближнюю зону, я начал с того, что сам зарядил корейцу ногой в живот. Скорость у меня была хорошая, едва ли уступавшая технике Ингона, а вот мощь самого удара заметно превосходила "хлестки" тхэкводиста. Он успел опустить локти, приняв атаку на почти правильный блок, но все же силы толчка было достаточно, чтобы Ли сделал пару шагов назад. Сделав вперед размашистый шаг левой ногой, и перенося на нее весь вес, я сделал вид, что собираюсь провести "длинное копье", которым вчера угостил Сакугаву. И к моей несказанной радости, оказалось, что Ингона тоже просветили насчет моих "фирменных" приемов, потому как кореец сразу же вскинул руки вверх, закрывая лицо. Прямой удар правой с разворотом всем телом, от которого в додзё Харады-сенсея без всякой Силы ломались доски и разлетались в крошево кирпичи, угодил противнику по диафрагме, чуть ниже солнечного

сплетения. Издав гулкий булькающий звук, Ингон припал на колено и уперся руками в пол. Взмах веера, снова заставил меня отойти назад.

Поднимаясь с побледневшим лицом, и с болезненной гримасой касаясь места удара под черным традиционным тобоком, заменявшим парню привычное "спортивное" кимоно, Ли покосился на своего наставника и получил от того вопросительный взгляд, после чего отрицательно помотал головой. Неужели все?

Чуть позже этим же вечером я узнал, что рентген показал у моего оппонента трещину трех нижних ребер. Но в тот момент желание Ингона завершить поединок меня несколько удивило и, признаться, слегка раздосадовало. Он сам-то, понятное дело, чувствовал, что прилетело ему очень серьезно, а потому поступил так, как считал нужным. Понимание же того, что я вообще-то выиграл полуфинал, пришло ко мне лишь тогда, когда голос судьи огласил на весь зал:

- Ли Ингон, спортивная школа "Бо Сэн", префектура Малый Токио, отказался продолжать схватку. Итоговая победа в полуфинале за Одавара Моэясу, спортивный клуб Изясо!

Разгибаясь из поклона и поворачиваясь к своим, я не смог ничего поделать с глуповатой улыбкой, расползавшейся у меня по лицу. Но как мне было ее убрать, в тот момент, когда меня с головой накрыло невероятное ощущение от победной эйфории, к которому присовокупились счастливые лица Гендо и Харады-сенсея? Да и вся остальная арена приветствовала мой успех довольно-таки бурно. А довольное лицо девушки, чья правая рука покоилась сейчас на белой перевязи, и которая стояла в первом ряду обступившей площадку толпы, стало для меня последней каплей. В конце-то концов, да пошли уже к дьяволу все эти тупые сомнения! Мне же пятнадцать лет и я вышел в финал чемпионата страны! Я хочу и буду этому радоваться, вместе с теми, кто тоже готов этому радоваться, и гори оно всё синим пламенем!

Мысль о том, что жизнь, наверное, все же и не такая уж сволочь, как я привык о ней думать, показалась мне слегка нереальной. Но в тот момент, мне не хотелось рассуждать слишком долго о чем-то подобном. И вероятно, очень зря не хотелось...

* * *

- Эй, парень, тебя что, стучать не учили, когда входишь в чужую комнату?

Девчонка лет тринадцати-четырнадцати с короткой

стрижкой устроилась с ногами на не расстеленной кровати с "карманной" консолью в руках, и первой, причем весьма бурно, прореагировала на мое появление.

- Nok-nok, - хмыкнул я, покосившись на девушку, - Легче стало? И вообще, двери надо в помещение закрывать, раз хотите приватности, а не бросать нараспашку.

- Это откуда ж ты борзый такой? - цокнула языком моя собеседница.

- Из школы Изясо, откуда ж еще, - ответила, опередив меня, другая девушка, находившая в гостиничном номере. Отложив в сторону электронную книжку, темноволосая шатенка спустила ноги с подоконника и с интересом принялась меня разглядывать. - Ты ведь тот парень, что вышел в финал, верно?

- А ведь точно, - озарилось узнаванием лицо второй. - Это ты уложил того здоровенного рюкюсца вчера! А сегодня выбил с чемпионата прошлогоднего победителя группы.

Подобное узнавание могло бы оказаться очень приятным и весьма польстить кому-то другому, но не в моем случае. И дело тут не в "черствости" эмоций, а в выработавшейся за годы привычке. Давно уже не было у меня такого случая, чтобы плетясь куда-то по своим делам по заполненным школьным коридорам, я не услышал где-нибудь сзади или со стороны приглушенную фразу типа:

- Глянь-ка - Угрюмый. Вчера, говорят, Кано с его шоблой отделал, один только на занятия вышел, остальные в общаге отлеживаются, а старшой, вообще, в больничку загремел...

Или:

- Авара прошел, а Дон трепался, что его Якитака на поединок звал и обещал в землю по ноздри вогнать. Сбрехал, видать... Либо, трындец Якитаке...

А посему, ничего нового в этом для меня и не было. К тому же, особой восторженности или восхищения в голосе девушки, на что еще может клюнуть любой нормальный парень, тоже не наблюдалось. Констатация занятного факта - не более.

- Угадали, но...

- А Тацуэ нет, - перебила меня шатенка, сверкнув глазами и хитро так улыбаясь. - Ты ведь к ней пришел, да?

О, у нас тут умные, хитрые и прозорливые, а меня, типа, раскусили. Какой кошмар...

- Ну, нет, так нет, - хмыкнул я, разворачиваясь обратно к дверям.

Похоже, такой реакции подруги Тацуэ по команде не ожидали. Неужели надеялись на какое-то "смущение" в моем исполнении или что-то такое? Спасибо, но нет. Оставаться стоять

столбом, что-то мямлить или, тем более, оправдываться, отрицая очевидное - это для кого-нибудь другого.

- И что? Даже не спросишь, где она? - донеслось мне уже в спину.

- Сам найду, - хмыкнул я в ответ.

На самом деле, вариантов, куда может пойти вечером накануне финала травмированная каратистка, существовало не так уж много. И проверить их для меня было гораздо проще, чем попытаться завязать галантный диалог с парой порядком заскучавших девчонок, явно вознамерившихся немного поязвить в мой адрес. Не люблю я этих ужимок, да и не умею вежливо общаться с людьми, если в их словах, хоть намеком, проскальзывает желание "поддеть" собеседника. Улица быстро приучает, что твоя репутация, в том числе в своих собственных глазах, звук отнюдь не пустой. И сопутствующие реакции на любые попытки поколебать ее нерушимость давно выработались у меня на уровне рефлексов. То, что можно было простить "семпаю Гендо" в личной беседе, от чужого человека я не потерпел бы в свой адрес даже в качестве намека.

Первая же попытка угадать, принесла мне полный джек-пот. С брюнеткой мы столкнулись в дверях медицинского комплекса, расположенного в правом крыле отеля. Здесь работали те же врачи, что и в спорткомплексе, занимаясь обслуживанием участников турнира.

- Привет.

- А ты что здесь делаешь?

- Тебя ищу.

- Правда?

К чему скрывать реальное положение дел или ссылаться на случайность? Тем более что мой ответ вызвал у Тацуэ улыбку и выражение явного удовольствия на лице.

- Правда. Я ведь тебя так и не поздравил нормально с выходом в финал.

- Я тебя тоже, так что, мы квиты.

Вдвоем мы направились по коридору обратно в сторону центрального корпуса.

- Кстати, я слышала о твоем противнике...

- Не рассказывай, - перебил я Тацуэ на полуслове.

- Почему? - искренне удивилась девушка.

- Мы так у себя в команде условились еще во время отборочных, что до самого начала боя они мне ничего о соперниках не рассказывают. Чтоб без всяких метаний лишних. Да и импровизировать у меня в случае чего выходит лучше, чем по запланированной схеме чего-то там отрабатывать.

- Понятно, - Тацуэ слегка усмехнулась. - Ну, ладно, как знаешь. Только потом, если что, не жалуйся и не плачься.

- Порыдать после жестокого поражения на дружеской груди? - мое заявление, сделанное вполне будничным тоном, заставило девушку вздрогнуть и слегка покраснеть. Но, что бы она ни хотела мне ответить на это, я продолжил свою мысль, успев вставить первым. - Ну, только если сама предложишь.

- Не дождешься, - немного угрожающе хмыкнула каратистка.

- Жаль. Значит, придется выигрывать, раз уж утешительных призов мне не полагается, - я покосился на перевязь. - Как рука?

- Лучше, чем могло бы быть, но хуже, чем хотелось, - скривила губы Тацуэ. - Трещина.

- Хреново, - поскольку предплечье девушки все еще было затянуто лишь тугой повязкой-"фиксатором", я уточнил. - Гипс накладывать не будут?

- На мое усмотрение, - брюнетка стала немного мрачнее, чем раньше.

- С гипсом до боя не допустят, - догадка была несложной.

- Придется сниматься с боя, - подтвердила Тацуэ. - Конечно, второе место уже и так мое, и сенсей говорит, что лучше не рисковать... Но последнее слово оставил за мной.

- А ты хочешь все же попробовать? - теперь уже и я нахмурился.

- Не знаю, Моэ-кун, не знаю...

Неожиданным для меня стало то, что еще задавая свой вопрос, я почувствовал, как меня буквально раздирают на части два противоречивых чувства. С одной стороны, поддержать выбор Тацуэ в пользу финального поединка требовали все мои принципы и некоторое определенное уважение к девушке как к бойцу, появившееся после того, как я увидел ее в деле. С другой - мне очень не хотелось, чтобы это закончилось серьезным переломом или чем-то подобным, что может сделать Тацуэ инвалидом на всю оставшуюся жизнь. Она, все-таки - это не я со своей ненормальной живучестью. Да и вообще, во мне, видимо, стали пробуждаться к жизни те древние инстинкты, что принципиально требуют сохранять от излишних опасностей тех представительниц противоположного пола, которые нам по каким-то причинам небезразличны.

- Знаешь, я вот что тебе скажу, - тот тон, которым это было сказано, заставил брюнетку заинтересованно покоситься в мою сторону. - Я с твоим сенсеем согласен - решать тебе. Однако есть одно "но". Если тебе нужны победа и титул - это одно. А если не хочешь просто спасовать перед жизненной трудностью, чтобы потом не клеймить себя позором за трусость - то совсем другое. И

тут уж, ты действительно только сама должна решить, как далеко нужно зайти, чтобы получить удовлетворяющие тебя ответы.

- Занятно слышать такое от пятнадцатилетнего парня, - оборвав неожиданно повисшую паузу, сказала, наконец-таки, Тацуэ.

- Иногда, когда сенсей толкает мне очередную лекцию о силе духа, у меня получается не заснуть почти до самой середины, - я шутливо пожал плечами.

- Какой старательный ученик у твоего мастера, - ядовитым тоном протянула каратистка, и, переглянувшись, мы одновременно весело рассмеялись.

Распрощались мы уже у лифтов, обменявшись номерами мобильников, и договорившись о завтрашней встрече после турнира. Все-таки, уезжать нам предстояло утром, а терять просто так целый свободный вечер, да еще находясь в Йокогаме - было самым настоящим преступлением против здравого смысла.

- Спасибо за твои слова, Моэ-кун, - бросила мне Тацуэ, уже войдя в кабину лифта. - Я над ними обязательно подумаю.

- Только не увлекайся, - ответил я, изобразив кривую ухмылку, - а то случайно можешь проспать начало соревнований. Бывали у меня прецеденты.

Поднявшись на свой этаж в самом прекрасном расположении духа, я направился в сторону нашего общего трехместного номера. Последний раз такое радужное чувство у меня реально было после того случая с приютским охранником, что шпынял малолеток, и которые при моем содействии сумели вдоволь на нем отыграться. Приятно все-таки чувствовать себя положительным персонажем своей собственной и, надеюсь, в будущем еще очень длинной биографии. Однако все эти мои "розовые сопли" смело, будто резким порывом колючего ледяного ветра, едва я оказался у двери. И причиной этому было знакомое, но на этот раз необычайно сильное чувство опасности, исходившее как раз с той стороны деревянной панели.

В номере слышалось несколько голосов, и, судя по их количеству, кроме Харады и Гендо там находилось еще не меньше двух человек. Что за внезапные гости в такое время? И от чего этот не отпускающий "сигнал тревоги", уже вбросивший в кровь изрядную порцию адреналина и заставивший подобраться все "рабочие" мышцы тела? Можно было уйти, но сенсей и семпай оставались внутри. Позвать на помощь охрану или кого-то еще? А вдруг окажется, что у меня просто нервы разыгрались? Хотя, последнее вряд ли. Чувствовать кровожадное намерение противника буквально затылком, я навострился в драках

отменно. Но тут было что-то другое... Кто-то, кто был за этой дверью, был намного опаснее самого ополоумевшего берсерка. Это отдаленно напомнило мне встречу с серым костлявым чудовищем. Но не с тем ублюдком, который напал на Коджиму, а с тем, другим, что охотился в центре города. Злая сокрушительная мощь и холодный расчетливый разум, ей управляющий. Но насколько бы сильно мне не хотелось встречаться с носителем этих качеств, бросить наставника и Гендо было для меня попросту неприемлемо, ни под каким рассудительно-логическим "соусом".

Сунув ключ-карту в щель на магнитном замке, я резко распахнул дверь и шагнул через порог, сразу уходя вправо и оценивая обстановку. Гостей было больше, чем хотелось бы. Два здоровенных плечистых амбала с лицами не обремененными даже зачатками среднего образования стояли почти у центра комнаты, которая от их присутствия казалась еще меньше, чем раньше. Субъект, заметно более низкий и поджарый, чем парочка верзил, но облаченный в такой же как и у этих двоих костюм черного цвета, судя по всему, весьма недешевый, стоял на той стороне "живой стены". Там же, почти у окна находились Гендо и Харада-сенсей, сидящий в кресле. Видимо, именно они втроем и вели ту самую беседу, которую я услышал. Но куда больше привлек мое внимание и заставил сосредоточиться на своей персоне последний, четвертый, "гость".

Мужчина лет сорока в костюме, имевшем оттенок топленого молока, в черной шелковой щегольской сорочке и лакированных белых ботинках стоял в нескольких шагах от входа, с безучастным видом привалившись к закрытой двери в ванную комнату. Его слегка округлое лицо, ничем на первый взгляд не примечательное, запомнилось мне сразу, стоило только неизвестному покоситься в мою сторону. Есть такое понятие в японском фольклоре, "дурной глаз" называется. На словах так просто не описать, но если кто сталкивался, то поймет и без объяснений. Так вот, в сравнении с взглядом этого типа всякий "дурной глаз" показался бы безобидною шуткой. И мне были знакомы такие глаза, глаза убийцы, привыкшего совершать любые действия, если они быстрее помогут ему достичь поставленной цели, но знающего ту черту, которые не всегда можно переступать. И переступающего ее, когда такая возможность появится. Такие же точно глаза были у Канагавского Ястреба Одавары Дзюбея, моего, сожженного в золу и пепел, папаши...

- А! Моэ-кун, проходи-проходи, - обернулся и мгновенно сориентировался тощий тип. - Тебя только, знаешь, и ждем.

По лицам у Гендо и Харады при моем появлении пробежала

схожая тень, нечто среднее между досадой и страхом "не за себя". Понять, о чем они одновременно подумали, было несложно, но что уже сделано, то было сделано.

Молчаливый тип с нехорошими глазами рассматривал меня не менее внимательно, чем я его. Да, сомнений не было, источник той самой странной опасности был сейчас передо мной. Плохо дело...

- Ты, Моэ-кун, не стесняйся и не бойся, проходи, - тощий, видимо, принял мою заминку за проявление нерешительности. - Потому как, есть у некоторых больших людей, которых мы представляем, разговор к тебе. И к твоему учителю.

Поняв, что мне уже удалось верно определить, кто здесь главный и представляет собой наибольшую опасность, тип в белом чуть мотнул подбородком, указывая в сторону окна. Слегка прищурив глаза и оставив дверь чуть-чуть приоткрытой, я неторопливо шагнул в проход, образованный фигурами амбалов, и спустя пару секунд стоял справа от кресла сенсея, с другой стороны был Гендо.

- Мы как раз подбирались к сути нашего предложения, когда ты появился, - продолжил "лить елей" тот из бандитов, что был назначен на роль "переговорщика". - Так что, думаю, тебе тоже будет его небезынтересно послушать.

После того, как я увидел "говоруна" вблизи, всякие сомнения в принадлежности гостей к "сословию" якудза отпали для меня окончательно. Тощий слишком сильно размахивал при разговоре руками, отчего время от времени "светил" фрагментом сложной яркой татуировки у себя на запястье. Не вижу точно, но что-то явно змеиное. Вряд ли полный рисунок изображает дракона или демона. Метки типа "наручей они" дают обычно только боевикам-исполнителям, вроде тех двух туш за спиной болтуна. А вот какой-нибудь "двухголовый аспид" или "изумрудная гадюка" там могут вполне оказаться. Это тату для всяких "секретарей" из разряда кайкэй, что в крупном клане ходят под рукой со-хомбутё, "начальника штаба", главы "бухгалтерии" и старшего "завхоза" в одном лице. Обычно таких и отряжают на разные встречи, где нужно вести переговоры. Вот только кто тогда этот урод у дальней стенки? На вакасю, которого приставили к двум мордоворотам, он не тянет по возрасту, "сержанты" все сплошь и всегда из таких же молодчиков, просто с чуть больше развитым мозгом или лидерскими качествами. Сятею с такой мелкой группой по статусу шляться не солидно, к тому же ни один даже самый башковитый "бригадир" не позволит кому-либо другому, ниже себя по "званию", вести беседу. Им надо зарабатывать всегда очки перед оябуном или вакагасира, смотря,

кому они подчиняются напрямую. И выходит тогда, что либо я ошибся в своих рассуждениях, либо это кто-то из личных порученцев старших представителей Клана. А значит, наше дело не плохо. Оно в полной заднице! Потому как ради всякой мелкой фигни фуку и иже с ними просто так не гоняют.

- К тому же, твой наставник так и не дал мне никакого мало-мальски вразумительного ответа, и, быть может, это сделаешь ты сам?

- Ты сказал, что еще не дошел до сути предложения, - боднул я взглядом тощего, легко и непринужденно переходя к своей обычной манере поведение во время "пацанских тёрок". - Как он мог тебе что-то ответить тогда?

- Но я очень недвусмысленно намекнул на э...

- Короче, - мой рык, как ножом обрубивший очередную излишне речистую фразу кайкэй, немного сбил переговорщика с уже взятого им настроя.

Ублюдок в белом даже не шелохнулся, а вот громилы заметно поднапряглись. Видимо, до моего появление беседа шла совсем в другом ключе, и подобной борзости от мальчишки никто не ждал. Тем не менее, Харада-сенсей не спешил меня одернуть. Гендо, впрочем, тоже сохранял молчание.

- Любишь, чтобы все напрямик...

- Люблю, чтобы по делу, без лишних "ля-ля".

Тощий недовольно поморщился.

- Хорошо. Вот тебе по делу тогда, Моэ-кун. Завтра ты встретишься в финале с Рёманмару Дото, и очень многие большие, обеспеченные люди хотели бы, чтобы ты проиграл ему. Красиво, без лишней показухи, можно даже по самому минимум очков.

- И с чего бы мне это сделать, а не превратить этого вашего Рёманмару в отбивную? - я еще раз зыркнул на тощего исподлобья, но тот отнесся к этому уже спокойней, тем более, что был задан именно тот вопрос, которого он ждал.

- Знаешь, Моэ-кун, эта маленькая услуга может обернуться для тебя большим успехом и немалой выгодой. Ты ведь наверняка не откажешься от существенного увеличения своих... кхм, карманных денег. А, кроме того, людям, меня пославшим, известно о том, где и в каких условиях ты живешь. Что скажешь, например, о собственной квартире в центре Изясо, снятой и оплаченной до конца твоей учебы, и при этом предоставленной в твое полное распоряжение? Я уж не говорю о том, что твоя дальнейшая жизнь после школы может оказаться намного проще и удачнее, если ты поможешь нам завтра. Не будем кривить против истины, тебе отлично известно, какое жизненное поприще

чаще всего выпадает воспитанникам изяского приюта. И поверь со своими способностями и новыми связями ты сразу сможешь занять одну из значимых ступеней в солидной организации, а не пробираться наверх с самых низов как все остальные. А даже если это тебя не прельщает, мои наниматели без труда смогут устроить твое поступление практически в любое высшее учебное заведение Японии. Разве это все не заманчиво?

Да, это было заманчиво. Это было просто охренеть, как заманчиво. Вот прямо тут сразу лечь и сдохнуть от радости можно было бы. Деньги есть деньги, и лишними они точно не бывают. От квартиры бы я тоже не отказался, даже аренда жилплощади обходится в такие суммы, что средний японец их без пачки валидола в кармане выговаривать побоится. Недаром, самые крупные правительственные махинации всегда были связаны с землей и строительством. Как-никак, а главный наш, островной, невосполняемый ресурс - это все-таки территория. Некоторые семьи кредиты за дома и квартиры по нескольку поколений выплачивают, особенно те, кто их еще в семидесятых брали под бешеные проценты, но в те времена и это казалось благом не мерянным.

Что касается моего будущего, то тут тощий тоже все разложил по полочкам грамотно. По уму, забираться под крыло какому-нибудь Клану мне не хотелось. Я, может быть, и не слишком одарен в других областях, кроме мордобоя, но что-то лезть слишком глубоко в нынешнее сгнившее нутро борёкудан и их "теневых дзайбацу" мне не очень хотелось. И тут остро вставал вопрос с дальнейшим обучением, который "благодарные дяди" тоже обещали решить. Система образования у нас, вообще-то, в государстве занятная. Все так хитро устроено, чтобы не перенасытить страну излишними специалистами в любых отраслях. Тому, кто не входит в полсотни лучших выпускников и не сдал на "девяносто-сто" все полтора десятка тестов, которые проводят, начиная с первого года старшей школы - путь за университетским дипломом заказан. И идите вы, дорогие выпускники, на места, где такого образования не требуется. Кто-то ж должен и мусоровозы водить, и на заводах масло на конвейерных линиях менять, и в конторах бумажки перебирать. При этом далеко не каждого еще возьмут, если у него совсем показатели паршивые. Единственный реальный способ "кинуть систему" - это семейные предприятия. Но те, кто собирается продолжать труд отцов и дедов, обычно на учебу изначально не слишком-то и налегают. Правда, для таких как я, этот вариант по вполне понятным причинам не котируется. А в плане общего выпускного ценза, "крысы" из приюта Изясо всегда в конце

списков, даже с "сотнями" во всех графах. От того народ у нас и не заморачивается особо, да потихоньку разбегается к последнему году.

Предложение действительно было шикарным. Да, даже если будет выполнена хотя бы часть его, это уже отлично. По-хорошему, стоило соглашаться, вот только... Я покосился на замершего сенсея, но тот не смотрел на меня и вообще не пытался подать какой-то знак. Харада просто глядел в пустоту перед собой, а думал, наверняка, о том же, о чем и я. Он понимал, что это предложение очень выгодно для меня. Но и то, чем ради этого придется пожертвовать, видел прекрасно. Мое будущее в обмен на его мечту.

Похоже, что как и наставник Тацуэ, Харада решил отдать решение такого непростого и сугубо личного вопроса в руки мне самому. Гендо тоже притих и не лез, видя настрой сенсея. А я... я постепенно осознавал, что иногда на твоем пути появляются вещи, делать которых просто нельзя. И даже "ощущения грядущего" были здесь не причем. Скорее, мне оказалось достаточно того, как повел себя мастер. Не стал ничего говорить, ничего просить, на что-то указывать. Он повел себя так, как это должен был на его месте сделать любой учитель, кому небезразлична судьба своего ученика. Который готов обменять свое "хрупкое и нематериальное" на нечто чужое "нужное и прагматичное". Проклятье, если бы эти тупые уроды подошли бы ко мне один на один, и не устраивали бы спектакль из этой сделки... Хотя, кому я вру? Себе что ли? Нет, я просто бы представил именно такую ситуацию, спросил мысленно, как именно повел бы себя Харада, и, получив точно такой же ответ, что и сейчас, сказал бы и сделал бы то же самое...

Ладно! Поздняк метаться! Ответ мне ясен, и изменить его не получится. Чувствуя, как лицо каменеет, я снова безразлично посмотрел на тощего. Он и те двое, что трутся у него за спиной, конечно не дети, но у меня есть Сила, и немного "разгуляться" после двух дней ее умышленного сдерживания будет в самый раз! Серьезная проблема может образоваться только из-за того типа в белом костюме, что, не отводя от меня своего холодного взгляда, торчит в отдалении.

- А если я решу отказаться от этого заманчивого предложения? - мой голос прозвучал чуть более хрипло, чем раньше, но, похоже, никто не обратил на это внимания.

- Странно, ты вроде бы не дурак, Моэ-кун, чтобы сделать подобную глупость, - усмехаясь, развел руками тощий.

- И все же?

- Ну, - притворно задумался кайкэй. - Тогда нам придется прибегнуть к некоторым другим методам убеждения. И решить нашу задачу более простыми и механическими методами. А если не веришь, что такое возможно, то спроси хотя бы своего мастера, какую он в свое время сделал ошибку, и откуда взялась его хромота.

Откровение было несколько неожиданным, но я с легкостью проглотил его в тот момент. Все вопросы потом, попозже, когда будет удобнее говорить и думать об этом. А сейчас время слов и мыслей подходит к концу.

- Ты так уверен, что сумеете? - я сделал полшага вперед, поворачиваясь к тройке якудза в полкорпуса. - Силенок-то хватит?

- Моэясу, прошу, не стоит... - рука Харады попыталась удержать меня за локоть. - Ты должен принять их предложение. Так будет правильнее и выгоднее для всех. Ради глупой мальчишеской гордости не стоит гробить свое здоровье и будущее...

- Послушай учителя, пацан, - вклинился тощий. - Будь хорошим учеником.

Я на мгновение обернулся к мастера, чтобы увидеть его лицо.

- Спасибо, Харада-сенсей. Но уже поздно, я принял решение.

В обреченном взгляде наставника разом пронеслись удивление, отчаяние и грустная, но искренняя благодарность. А я уже снова смотрел на тощего якудзу.

- Ну, так что, губашлеп? Не заиграло еще очко с малолетним пацаном связываться?!

- Ты хоть понимаешь, с кем связываешься, недомерок? - прошипел кайкэй с неподдельной смесью злобы и презрения. - Мы тебя...

- Я, дядя, пожарников не боюсь, так что слюной не брызгай, не погасну.[4]

От такого вздрогнули и нехорошо насупились даже верзилы в костюмах. Только главный продолжал следить за происходящим с безразличным спокойствием. Но нужного эффекта я все-таки от них добился. Если раньше бандиты, может быть, и собирались сыграть "по-умному", вежливо ретировавшись, чтобы разделаться со мной, в случае необходимости, тихо, аккуратно и без лишних свидетелей, отходив по-быстрому трубами в каком-нибудь закоулке спорткомплекса, то теперь я отрезал для них этот путь. Уйти после подобного оскорбления они уже не могли, равно, как и не попытаться со мной рассчитаться сразу на месте. Что тут скажешь, провоцировать на драку "толстолобиков" мне всегда

удавалось отлично вне зависимости от их возраста.

- А вот за это, мразь, ты сейчас будешь в кровавых слезах и соплях на коленях просить прощения, - зашипел "трепач". - Переломайте этого мелкого говнюка!

Несмотря на небольшие размеры помещения, тощий очень ловко отступил назад, а два неандертальца, его подпиравшие, двинулись в этот момент вперед. Сразу чувствовалось, что данный маневр у этой конкретной группы якудза давно и качественно отработан. Ну, ладно! Погнали! Вот только один момент, ребята. Нет здесь судейского веера, чтобы меня останавливать. И правил здесь тоже нет!

Громилы сделали еще шаг. Тот, что был слева, оказался чуть впереди и сам обозначил себя как первую цель. Расположение в комнате мебели я запомнил уже давно, и тело рванулось в бой, не тратя времени понапрасну. Бросок влево, и лапища, протянувшаяся ко мне с явным намерением схватить, сжала лишь пустой воздух. Оттолкнувшись ногой от прикроватной тумбочки, я взмыл на метр вверх, и от души приложил верзилу по морде, успев поставить себе одну простую задачу "вмазать пожестче, но не убить". А то проблем потом уж точно не оберешься ни с полицией, ни с "братвой".

Якудза мотнуло в сторону, взгляд его стал каким-то осоловевшим, и туша начала своего заваливаться на напарника, перекрывая ему дорогу ко мне, чего собственно и требовалось добиться. Оказавшись уже вновь на полу, я без остановки метнулся к "подбитому", успев выскочить поперек дороги Гендо, тоже дернувшемуся было в атаку. Удар в живот, без всяких попыток сдержаться, выбил из легких громилы весь воздух. Он согнулся пополам и отлетел назад, окончательно сбивая с ног своего товарища, и тот, запнувшись о столик у стены, с треском и грохотом рухнул на хлипкую конструкцию из пластика и стекла, что послужила причиной его падения. А я опять со всей своей дурной силы приложил сложившегося здоровяка по морде лица, снеся себе разом уже поджившие костяшки. Боец криминальной структуры отлетел от меня и с гулким стуком впечатался в стену своей черепушкой. Все-таки пространства в номере было маловато для красивых разлетов и падений. Постояв немного, верзила начал медленно сползать на пол. При этом на толстом термокартоне, которым была обшита стена, осталась отчетливая изломанная вмятина и свежий след буро-красного оттенка. А хорошо материал влагу впитывает.

Один противник выбыл из боя, а другой еще только поднимался из груды обломков, и потому я, не задумываясь, обернулся к третьему. Судя по немало удивленному взгляду,

зрелище произошедшего произвело на кайкэй должный эффект. Вот только перепугался он гораздо сильнее, чем я рассчитывал. Рука "болтуна" уже заканчивала вытаскивать из-под полы пиджака небольшой пистолет блестящий хромированной ствольной коробкой, на самом конце которой присутствовал короткий толстый "цилиндрик". Я никогда не видел прежде глушители такого типа, в кино они все обычно намного длиннее, но в этот момент ко мне как-то сразу пришло понимание, что это именно он. А еще я понял, что тупо не успеваю пройти разделявшие нас полтора метра, прежде чем эта гнида спустит курок. За спиной у меня послышался шорох от непонятного движение, что-то предостерегающее громко выкрикнул Гендо, смазанной тенью метнулся к подчиненному ублюдок в белом. Но прежде чем его рука успела опуститься на блестящий ствол пистолета, отведя его в пол, черный круглый провал успел один раз отчетливо фыркнуть.

Где-то секунду никто не понимал, что именно произошло, а потом повисла тишина, и пропало всякое живое движение. Говорливый стрелок и его начальник просто смотрели на меня, при этом глаза кайкэй все больше расширялись от ужаса. Здоровенный якудза, склонившийся над своим неудачливым напарником, забыл закрыть рот. Харада-сенсей, каким-то образом оказавшийся слева от меня, и Гендо, подскочивший с другой стороны, выглядели тоже порядком изумленными.

На ворсистый отельный ковер бесшумно упала рубиновая капля. За ней еще несколько. Я медленно, не торопясь, разжал левый кулак, который держал на уровне собственной шеи. Маленькое тельце девятимиллиметровой пули выпало вниз из моей окровавленной ладони. Свинцовая оболочка полностью сохранила свою прежнюю форму и совершенно не деформировалась.

- Де-рь-мо... - по складам и совершенно не верящим тоном выдохнул верзила-якудза.

Кайкэй странно дернулся, будто вот-вот, готов был свалиться с припадком. Разорванная кожа на внутренней стороне кисти жутко саднила, но потерпеть было можно. Не сводя взгляда с главаря бандитов, я снова демонстративно сжал пальцы на левой руке, сохраняя стойку. Этого, впрочем, уже оказалось достаточно.

- Уходим, - тип в белом произнес первое и последнее слово за эту встречу, и шагнул назад, буквально волоча за собой одеревеневшего "говоруна".

Верзила, находившийся в сознании, отреагировал на эту команду по-военному быстро и четко. Подхватив под руку

зашевелившегося напарника, якудза исчез в дверном проеме следом за старшими. Глухо клацнул, защелкиваясь, магнитный замок.

- Тебя, меня и всю императорскую фамилию... - оборвал молчание Гендо, когда, кажется, прошло не меньше половины вечности. - Это нахрен чего сейчас такое было?!!

- Сам не знаю, - вырвалось у меня.

- Успокойся, Гендо, - посоветовал вдруг Харада-сенсей, выглядевший уже на удивление привычно и собранно. - Моэ-кун поймал рукою пулю. Только и всего.

- Только и всего?! - дернулся клерк.

- Только и всего, - отчетливо понизил тон мастер. - Мне однажды уже случалось видеть подобное раньше. Это необычно и неожиданно, но ничего такого...

- Ничего такого... - шепотом буркнул Гендо. - Да, фигня просто какая-то...

- Давайте лучше подумаем, что делать дальше.

- Во-первых, звать "сине... полицейских, - вклинился я, окончательно отойдя от шока.

- И думаете, они возьмут и поверят нам, когда мы расскажем о том, что здесь случилось? - скептически хмыкнул семпай.

- Совсем во всё они, может, и не поверят, но Моэ-кун прав, - отрезал Харада. - На нас напали, кто-то, наверняка, слышал шум из нашего номера, и поэтому мы должны вызвать полицию, чтобы не было каких вопросов.

Но вопросы все-таки появились. У самих "синепузых", что допрашивали нас битый час и осматривали место драки. Не углубляясь в подробности, мы описали им гостей, смысл сделанного нам предложения и то, как мы чудом отбились от них после отказа. Про выстрел ни я, ни Гендо, ни Харада-сенсей, естественно, упоминать не стали. Сама пуля и гильза, оставшаяся от нее, были заранее спущены в унитаз, а моя ладонь тщательным образом продезинфицирована и забинтована. Инспектор, руководивший следствием, пообещал во всем разобраться, и даже оставил на ночь в гостинице двух дежурных, приглядывать за нами.

В том, что дело сдвинется с мертвой точки, я сомневался, и на это были довольно веские причины. Предъявить что-то тому же Рёманмару полиция не сможет, ведь надо еще очень постараться и доказать тот факт, что наши "гости" как-то связаны с этим парнем и его окружением, а не просто подручные устроителей подпольного тотализатора, решившие подстроить нужный исход финального боя. Что же касается самих якудза...

Пистолет и выстрел были случайностью, это было понятно по реакции на случившееся главаря-фуку. Черта была перейдена, и он, не раздумывая, отступил. Но до того момента, когда это случилось, все было в пределах "нормы", включая даже наше избиение в номере гостиницы. А значит, у этих гадов мощнейшие завязки в самом отеле (как иначе они могли со своими уголовными рожами шастать тут да еще с оружием?) и вообще в местных верхах. А раз мы не заявили о стрельбе и фактическом покушении на убийство, то якудза мобилизуют свою "прикрытие", как и планировалось бы в том случае, если бы мы просто накатали жалобу легавым после того, как нас отметелили.

Да и плевать мне на это с большой колокольни теперь. Трудностей сейчас и без этого хватает, достаточно того, что учитель и Гендо видели, как я спонтанно задействовал Силу, чтобы остановить смертельный выстрел. Но с другой стороны, завтра у меня финальный бой чемпионата. И, кажется, мне известно имя того, на ком я смогу прямо в процессе воплощения мечтаний Харады-сенсея отыграться по полной программе, выпустив разом весь накопившийся пар.

* * *

Финальные поединки чемпионата должны были начаться только в одиннадцать часов, но мы были в спортивном комплексе уже в восемь утра, встав еще двумя часами раньше. Охрана, которую приставили к нашей команде легавые, по-прежнему сопровождала нас повсеместно, но против такого положения вещей в нынешней ситуации даже я не был против. Тощий инспектор, которому не повезло получить наше дело, снова явился в отель еще до завтрака, задав нам пару бесполезных уточняющих вопросов, и пожалившись на свою печальную судьбу. Объективных причин выдвинуть хоть какие-то обвинения в адрес Рёманмару Дото и его команды у полиции не было совершенно. Хотя "нюхач" и заметил, что семейство Рёманмару давненько находится на примете у местных сил правопорядка.

Четверо разновозрастных братьев, носивших эту фамилию, уже второй год не давали бездельничать законникам Йокогамы, пользуясь при этом покровительством солидных шишек, причем как в чиновничьих кругах, так и среди криминальных сообществ. Их папаша до прошлых выборов был замминистра в том самом высоком ведомстве, что отвечает в нашей стране за такие лакомые бюджетные куски, как разметка сельхозугодий, социальное строительство и дорожные проекты. Теперь же он сменил свой роскошный казенный кабинет на еще более

шикарные апартаменты в одном из небоскребов Йокогамы, став видным амакудари. Работал этот "консультант" сразу на несколько известнейших фирм и, как заметил инспектор, без участия Кланов дело здесь, конечно, не обходилось. Но опять же никаких прямых или даже косвенных улик у легавых и питбулей из "общественной безопасности" на руках попросту не было. А если бы они и были, то большие друзья Рёманмару сумели бы при желании вовремя надавить, где нужно, замять назревающий скандал и без труда засунуть под сукно любую критичную информацию. Разумеется, сам "виновник торжества" после этого либо стал бы им сильно обязан, либо простил какие-то долги, что они имели перед ним. Так уж по-скотски была устроена эта схема, согласно официальной позиции властей вообще несуществующая, старательно никем не афишируемая и тщательно скрываемая, особенно от всяких инородцев.

А пока их папочка ворочал миллиардами (и речь отнюдь не об иенах!), братья Рёманмару брали от жизни все, что могли им позволить семейные деньги, юность и наглость. Участие третьего по старшинству отпрыска бывшего замминистра в чемпионате страны поначалу не привлекло внимания со стороны законников. По словам того же "синепузого", обычно организаторы подобных турниров и общественных мероприятий уведомляли полицию и соответствующие службы заранее даже о самой возможности возникновения "трудных ситуаций". Однако нынешняя администрация турнира хранила молчание, даже после вчерашнего инцидента, слухи о котором уже расползлись по городу и в сетевых новостях. Реакция "костюмов" только лишний раз подтвердила мои опасения - якудза, явившиеся "просить" за моего противника в финале, были накрепко повязаны с организаторами. О возможном тотализаторе, который не могли не устроить Кланы вокруг такого события как целый чемпионат, инспектор упомянул уже вскользь, но намек был более чем понятен.

Тем не менее, моя ситуация на турнире была сейчас совсем не такой уж плачевной. Даже наоборот, скандал начинал набирать обороты, полиция открыто проводила официальное расследование, и по всему выходило, что тронуть нас сейчас никто не посмеет. После вечерних событий это было невыгодно ни якудза, ни команде Рёманмару, ни тем, кто стояли над ними всеми. Первые могли еще больше уронить свою репутацию в глазах коллег и обывателей, а они и без того ее порядком запачкали, когда сначала не смогли договориться со мной "по-хорошему", а затем с таким громким пшиком провалили еще и попытку силового давления. Для моего соперника бросать на себя

откровенную тень тоже было бы редкой глупостью. Хозяевам тотализатора лишняя шумиха просто была ни к чему. А значит, все их люди, что вьются вокруг, будут с меня и с Харады-сенсея буквально каждую пылинку сдувать. Правда, только лишь до конца чемпионата...

Когда мы, пробравшись сквозь толпу на площади и в коридорах (мало того, что сегодня был финал, так еще и суббота!) сумели попасть в новый отдельный зал, который нам выделили для подготовки, я приступил к обычной разминке. Горячее желание, выйти на татами как можно быстрее и встретиться лицом к лицу с Дото, нарастало в моей груди с каждой секундой, с каждым новым прессом и отжиманием.

Воспоминания о том, что случилось вчера, по-прежнему не желали выходить у меня из головы. Но куда больше, чем злость на тех татуированных придурков или досада от того, что для разрешения ситуации пришлось задействовать Силу, меня терзало удивительно жгучее чувство. Прежде, нечто такое мне уже доводилось испытывать, когда я вытаскивал Коджиму из какой-нибудь очередной переделки, в которые рыжий умудрялся влипать с завидной регулярностью. Недавняя встреча с уродливым и очень голодным йокаем как раз входила в данный список, занимая почетное первое место. Я догадывался, как называется это чувство, и именно оно в свое время уже толкнуло меня на то, чтобы согласиться на участие в турнире. Тот факт, что пуля, выпущенная кайкэй, могла достаться не мне, а Гендо или Хараде, неприятно скребся у меня под черепом, заставляя отдаваться тренировке с все большим и большим упорством. Я сам спровоцировал якудза на драку, и я сам был виноват в том, что не смог просчитать вероятных последствий. Нет, о себе-то мне волноваться и вправду не стоило, я мог (и сумел) защититься. Но я забыл, что своими неосторожными действиями могу подставить других людей, которые не были для меня чужими. И таких "не чужих" людей в моей жизни было очень немного...

Сообщение от Тацуэ, пришедшее на мой телефон, потертый и битый жизнью не хуже своего владельца, немного сбило тот внутренний накал страстей, что образовался у меня внутри из самобичевания и распалившейся жажды мести. Девушка интересовалась тем, как обстоят мои дела и правдивы ли те слухи, о которых судачит вся гостиница и весь спорткомплекс, не говоря уже о всяких балаболах в сетевых "социальных сообществах". Кроме того, в конце послания, девушка написала, что приняла решение выйти на бой в финале и "будь что будет". Пропустив мимо ушей пару ядовитых подколок Гендо, я быстро

набрал ответ, постаравшись ответить предельно честно, но при этом не давать Тацуэ лишних поводом для расстройства или волнения. Все-таки ей ведь тоже предстоял серьезный поединок. Но ничего, она девчонка пробивная, а потому, не сомневаюсь, что нужные приоритеты расставить правильно сумеет.

Харада-сенсей, дождавшись, когда я разберусь со всеми своими личными делами, отобрал у меня мобильник, пообещав вернуть по окончании соревнований, после чего погнал спарринговаться с Гендо. За этим делом мы угробили еще полчаса, а затем наступило время для отдыха. Кроме комплекса обычных упражнений для расслабления мышц наставник велел мне в этот раз заняться еще и суставами, начиная от пальцев на руках и заканчивая спиной с поясницей. Отозвав в сторону Гендо и пошептавшись с ним, мастер вместе с семпаем покинул зал, велев мне продолжить "отдых".

Пройдясь по всей "программе" два раза, я успешно добился того, чтобы тело от пяток до бровей охватило легкое приятное чувство, которое проще всего было назвать "гудением". Кровь весело бежала по артериям и капиллярам, насыщая кислородом мышцы, сухожилия и связки стали мягкими и пластичными, а остальное тело полностью избавилось от всяких неприятных ощущений. Лишь немного саднила забинтованная ладонь, да пульсировало в том месте, где был позеленевший синяк, поставленный мне еще позавчера Соконом.

Времени до начала финала у меня было еще больше часа, а учитывая, когда подойдет очередь моей подгруппы, то и целых два. Харада-сенсей пока не вернулся, но я видел, что с ним ушел один из "синепузых" и охранник спорткомплекса, дежуривший у двери, а потому не волновался слишком уж сильно. Можно было еще отработать ката или заняться растяжкой, но слишком уж не хотелось терять все те приятные ощущения, что дарило мне полностью "раскрытое" тело. Прикинув возможные варианты своих действий еще раз, мне удалось отыскать приемлемый выход, подходящий под определение компромисса.

Усевшись на ребристые маты, я скрестил ноги, закрыл глаза и сложил руки перед грудью, переплетя между собой все пальцы. Медитация никогда особенно сильно мне не давалась, но зато прекрасно помогала нащупать ниточки к управлению Силой. Однако сейчас я во второй или, может быть, в третий раз за все время с начала тренировок в додзё Харады-сенсея собирался воспользоваться этим методом по прямому его назначению. Перед таким делом, как финал юношеского чемпионата страны, никакая дополнительная "поддержка" лишней точно не будет. Пускай в возможности этих медитативных трансов я до конца так

и не верю. Крамольная мысль о том, что после всего случившегося вчера воспользоваться моим даром будет не слишком-то "не по правилам", появилась на задворках моего сознании и угасла, так и не успев принять окончательной формы.

* * *

- Примерно об этом и пытался предупредить меня Отоёси-сан, - заключил Харада. - Вчера на обсуждение не было времени, но сегодня это может оказаться последний шанс.

Попросив свое сопровождение отдалиться, чтобы не мешать личному разговору, старый мастер и Гендо встали у широкого окна, выходившего на заполненную народом площадь. Стоя друг к другу в профиль, и разглядывая это многоцветное море из людских фигур, столпившихся внизу, учитель и ученик вполголоса вели свой разговор, изредка бросая взгляды по сторонам и замолкая, когда мимо проходил кто-то еще.

- Он не отступится, мастер, - печальная улыбка "белого воротничка" и человека, так и не сумевшего стать для Харады тем самым "первым и лучшим", прекрасно отражала сейчас те мысли, что посетили клерка. - Он слишком упертый и пылкий.

- Ты прав, он слишком сильно похож меня в те годы, когда мне еще не нужно было вот это, - Харада взвесил на ладони рукоять своей трости. - Я не желаю ему подобной судьбы, как бы при этом мне не хотелось видеть бойца из Изясо на верхней ступени призового пьедестала.

- Значит то, о чем говорил этот бандит, - Гендо покосился на мастера, замечая, что лицо сенсея выглядит необычайно сурово даже по его собственным меркам, - было правдой?

- Да, - вздохнул Харада. - Жизнь - это сплошной путь к познанию себя и мира, но порой его отдельные уроки бывают очень жесткими и суровыми. И просто усвоить те знания, что они откроют тебе, продолжив свой путь без последствий, получается не всегда.

- Вы никогда не говорили нам об этом...

- Это не тот рассказ, что ученики захотят услышать от своего наставника... Я был молод, горяч и уперт ничуть не меньше, чем Моэ-кун. В какой-то момент на моем пути встал выбор, и я сделал то, что считал верным. Я выиграл схватку и доказал себе свою правоту, я не изменил своим принципам и не нарушил правил, самим собой установленных. Но те, кто затаил злобу за мой поступок, не забыли о своем желании свести счеты со слишком дерзким бойцом лучшей токийской школы...

Голос Харады чуть дрогнул, и Гендо понял, что, несмотря на

годы, события тех дней все еще свежи в памяти сенсея и, по-прежнему, наносят ему душевную боль.

- Они нашли человека, и он был не просто хорошим мастером. Ни до, ни после я никогда не встречал таких, как тот боец. Едва вступив с ним в схватку, я вновь ощутил себя неопытным юнцом, не освоившим даже первого ката. Все мои победы, титулы и успехи, все они оказались растоптаны, сметены и развеяны по ветру за какие-то мгновения. Но я не мог сдаться, я поднимался вновь и вновь, даже когда он попросил меня не делать этого. Когда же ему стало ясно, что слова бесполезны, он сделал так, чтобы я больше не встал, - Харада демонстративно постучал своей палкой по искалеченной ноге.

- После этого вы больше не смогли сражаться?

- Сражаться - мог, но выступать - нет, - сенсей глубоко вздохнул и прикрыл глаза. - Он ударил там, где я не ожидал, сломав не просто мое тело, а всю мою жизнь и судьбу. Когда я понял это, то возжелал лишь смерти, но он отказался дать мне ее. Правда, там были те, кто привел этого человека, и те, кто желали увидеть мое унижение, - Харада приглушенно хмыкнул. - Они исполнить мою просьбу были не против. Но он не дал им этого сделать ... Он убил их, оставил меня и ушел, не сказав ни слова.

- Вы так и не узнали, кем он был?

- Узнал. Следующие пять лет моей жизни были посвящены лишь тому, чтобы найти этого человека и задать простой вопрос. "Почему?", - казалось, мир вокруг седого мастера додзё замер, боясь пошелохнуться и разрушить иллюзию воспоминаний, что разворачивалась перед его невидящим взором, и Гендо вдруг осознал, что и сам затаил дыхание. - Я нашел его, когда уже почти отчаялся. Нашел там, где меньше всего рассчитывал. Он ждал меня на пороге моего родного и давно покинутого дома... Я так и не задал ему тот вопрос.

- После всех тех событий вы и стали тренировать учеников, открыв свой собственный зал?

- Да, учить и наставлять других оказалось для меня гораздо сложнее и интереснее, чем продолжать совершенствоваться самому. Но я никогда не встал бы на этот путь, если бы мой прошлый выбор не был бы так грубо сломан, в прямом и в переносном смысле.

- Вы говорите о том человеке очень уважительно, даже, несмотря на то, что он с вами сделал, - заметил Гендо.

- Он сделал меня тем, кто я есть, здесь и сейчас, - пожал плечами Харада. - К тому же, он был действительно великим мастером. Помнишь, я сказал, что уже видел однажды, как человек ловит пулю голой рукой? - сенсей насмешливо дернул

уголком губ. - Та пуля едва не пробила лоб одного очень дерзкого упрямца...

- Кстати об этом, - после паузы, ушедшей на то, чтобы осознать все услышанное, Гендо снова вернулся к главной теме беседы. - Скажу еще раз откровенно. Моэ-кун ни за что не отступится, что бы вы ему теперь ни сказали. К тому же, может быть, он...

- Будет следующим великим мастером, изменившим мою жизнь? - грустно улыбнулся Харада, закончив мысль своего ученика, так и не прозвучавшую вслух.

- Ну, он же... смог.

- Если бы не это, мы бы еще этим утром вернулись домой в Изясо.

- Если бы не это, то Моэ-кун не дожил бы до этого утра, - в оценке недавних событий Гендо был более реалистичен, нежели мастер. - Мы ведь все равно вряд ли смогли бы предотвратить его стычку с теми бандитами.

- Верно. Но, тем не менее, это лишь еще один повод для меня, чтобы не желать для Моэ-куна такой же искалеченной судьбы, что выпала мне, - снова с печалью в голосе ответил Харада. - И очень рассчитываю на твою помощь в этом деле, Гендо-кун.

- Если таково ваше решение, сенсей, то я буду ему повиноваться, - с той же тихой грустью отозвался собеседник.

- Что ж, значит, пора нам сказать об этом ему самому.

Войдя обратно в зал, сенсей и Гендо замерли почти у порога, с некоторым удивлением воззрившись на открывшуюся им картину. Одавара Моэясу, которого они ожидали застать за очередным комплексом упражнений, исполняемых в обход указания "отдыхать", сидел на татами в "позе лотоса" и... медитировал.

Это зрелище настолько поразило Хараду и Гендо, что они невольно переглянулись. О том, что Моэясу довольно предвзято относится к этой части учебной программы, а говоря по-простому, считает ее полной чушью, мастеру и его старшему ученику было прекрасно известно. Тем неожиданней было для них видеть за подобным занятием этого всегда порывистого и прямолинейного парня. Свет из высокого окна под потолком, падавший на замершую фигуру "прилежного" ученика желтыми косыми лучами, еще больше придавал происходящему какой-то элемент нереальности.

- Надо же, - вырвалось у Гендо.

- Поразительно, - не смог не согласиться сенсей.

При этом Харада отчетливо вспомнил, что до того случая, который переменил его жизнь, и о котором он недавно рассказывал Гендо, он сам тоже никогда всерьез не придавал значения таким вещам как медитации и прочие сложные техники, позволявшие работать с "внутренними энергиями" тела. Свою ошибку он осознал слишком поздно. И этого старый учитель тоже боялся, сравнивая Моэясу с собой. Но неужели, парень сумел сам во всем разобраться? А ведь как долго и, главное, безрезультатно пытался достучаться до него Харада...

- Тот самый второй, ты сказал...

- Это вы сказали, сенсей.

Едва они снова стронулись с места и подошли к медитирующему Одаваре, как Моэясу открыл глаза. Но не потому, что услышал шаги, а потому, что почувствовал рядом появление знакомых людей. Внимательно изучив сначала хитрую улыбку Гендо, а затем, переведя взгляд на Хараду, парень подозрительно прищурился.

- Харада-сенсей, я надеюсь, вы пришли не за тем, чтобы пытаться отговорить меня от участия в финале? А то, если вы тут решили попробовать мне помешать в этом деле, то готовьтесь быть посланным далеко и надолго! - заявил Моэясу с заметной ноткой вызова в голосе, продолжая без тени улыбки буравить наставника тяжелым угрюмым взглядом.

- Никакой почтительности к старшим, - закашлялся Гендо, с трудом сдерживая смех.

- Ты, по-прежнему, становишься очень дерзким, Моэ-кун, когда чувствуешь преграду на пути у своих собственных желаний, - покачал головой сенсей. - Такая наглость когда-нибудь обязательно обернется против тебя.

- К этому я готов, Харада-сенсей. Моя короткая, но богатая на события жизнь, приучила меня нести ответственность за проявления своей наглости без отговорок. Равно как и за данное мною слово, вроде того, что вы получили от меня недавно, - Моэясу потянулся, делая вдох, и вскочил на ноги одним рывком из сидячего положения. - А, кроме того, я привык заставлять других нести такую же полную ответственность за их действия. Причем вне зависимости от того, желают они этого или нет.

- И сейчас у нас речь идет о конкретном человеке, - протянул Гендо, уловив явный намек в словах своего кохая.

- Да, - кивнул Моэясу. - И поэтому я очень надеюсь сейчас на то, что он не пожелает сбежать, просто снявшись с участия перед самым финалом.

- Вижу, у тебя прекрасный настрой, - вздохнул в ответ на это Харада, и Гендо заметил, как губы учителя изогнулись в улыбке,

сочетавшей в себе в равной мере довольство, гордость и благодарность. - И ты действительно по-настоящему готов, Моэ-кун. И, наверное, мне на старости лет будет простительно еще раз попытаться поверить в чудо...

- Спасибо, сенсей. А то не хотелось грубить вам в такой важный день.

- Чую, будет в этом финале занятное зрелище, - Гендо подвел итог так и несостоявшейся на словах, но все-таки случившейся здесь беседы между мастером и человеком, ставшим для последнего чем-то большим, чем "первый и лучший".

* * *

В плотном окружении из охранников и "синепузых" наша троица с немалым трудом протолкалась сквозь солидную толпу журналистов, покарауливших нас у самых дверей на главную арену. Прежде мне еще никогда не приходилось сталкиваться с настолько назойливым вниманием к своей персоне, и не скажу, чтобы в этом было хоть что-то приятное. Слепящие вспышки множества фотокамер и бессмысленный гвалт из вопросов, ни один из которых невозможно разобрать при всем желании, определенно были не тем, чего мне хотелось бы в такой момент. К счастью, поблизости был Гендо-семпай, который сразу заметил мою мрачную физию и, наклонившись к моему плечу, быстро шепнул:

- Она взяла победу на второй минуте, семнадцать-два по очкам.

Несмотря на то, что этот поступок нарушил нашу с Гендо договоренность, ничего не сообщать мне о результатах финального матча Тацуэ, пока я сам не завершу последний поединок на этом чемпионате, удержаться от невольной улыбки у меня не получилось. Да и настроение, действительно, как-то заметно улучшилось.

- Спасибо, семпай. Но потом я с вами поквитаюсь...

- Само собой, Моэ-кун, само собой.

Зрительские трибуны встретили нас ревом и громом оваций. В отличие от предыдущих дней в зале не было сторонних участников, и единственное подготовленное татами в самом центре огромной площадки выглядело как-то немного сиротливо. Но зато вся остальная обстановка и общая атмосфера соответствовали важности мероприятия на все сто процентов, включая пьедестал, убранный пока в угол арены. Церемония награждения участников должна была состояться лишь после того как завершаться финальные схватки во всех возрастных группах и

боевых категориях.

Болельщики громко кричали и размахивали самодельными плакатами, на некоторых из которых, я к своему удивлению обнаружил собственное имя. Впрочем, длинных растяжек и полотнищ, где значилось имя "Рёманмару Дото" приправленное каким-нибудь лозунгом или эпитетом, было куда как больше. Впрочем, на общем фоне трибун всяких других баннеров, многие из которых наверняка были вообще еще не развернуты, было гораздо больше. Все-таки люди чаще всего пришли сюда посмотреть не только один наш бой. Но из любого правила обязательно бывает свое исключение. Было оно и здесь.

Вчерашняя компания так и несостоявшихся выпускников закрытой школы Изясо, кажется, увеличилась раза в два и отличилась на этот раз еще даже больше, чем в прошлый. И хотя представители молодой поросли клана Яма-кай и накинули, все как один, на плечи свои цветастые гавайские рубашки, это ничуть не мешало им щеголять обнаженными торсами. При этом на животе и груди у каждого якудза красовалось по латинской букве, которые все вместе складывались в мое имя на ромадзи. Впрочем, как и следовало ожидать от подобных фанатов, "надпись" была сделана с ошибкой. Вместо "W" на теле девятого здоровяка в верхнем ряду была начертана размашистая черная "V".

Шум в зале стал потихоньку стихать лишь, когда я и мои сопровождающие оказались у края площадки. Охрана и легавые остались у дверей, так что кроме судьи и четырех его помощников по углам, а также полудюжины "костюмов" за столом в отдалении, в центре зала никого не было. А затем трибуны взорвались повторно, а я невольно покосился в сторону боковых дверей, откуда появился мой противник.

Рёманмару Дото, шагавший в центре своей немалой свиты, произвел на меня странное впечатление. С одной стороны, я уже примерно представлял себе, какого рода будет сей фрукт, но с другой детали реальности оказались гораздо занимательнее моей фантазии. Дото оказался чуть выше меня ростом, и внешне выглядевшим покрепче, чем я или даже Рюдзаки. Широко разведенные плечи, небрежность в походке и безупречная осанка легко выдавали человека, привыкшего держать себя на публике. Холеное лицо, ухоженная кожа, длинные темные волосы, сейчас собранные назад за счет головной повязки с иероглифом "сокрушение", и, надо полагать, безупречная улыбка, наверняка, делали этого парня просто безмерно популярным среди ровесниц. Может быть, Дото и не родился красавцем, но на то, чтобы он им стал, ушло явно немало денег и времени. В скупых движениях парня прослеживалось что-то с намеком на аристократизм, а

миндалевидные глаза были все время слегка прищурены, взирая на мир с эдаким пренебрежением.

Странно, но раньше, повстречай я такого субъекта, то избавиться от желания подпортить этот утонченный облик хотя бы в малом, мне было бы очень сложно. Что поделать, хоть мы и находились с Рёманмару, по сути, на одной половине "социального" поля в том, что касается способов существования и, так сказать, происхождения, но были при этом на совершенно разных полюсах данной теневой стороны. А классовую ненависть в ее самом чистом и незамутненном виде пока еще никто не отменял. Многие считают, что такое чувство рождается от зависти к кому-то более успешному или активному, но... В моем случае эта неприязнь относилась далеко не к каждому, кто был просто богаче, а только к вполне определенным категориям людей из этого класса.

И хотя многие могут назвать этот вопрос риторическим, он все равно остается важен и интересен. В чем успешность детей богатых родителей? Только в том, что они росли в лучших условиях и теоретически могут получить более качественное образование, стартовые возможности и общее развитие? Да, это есть. Но многие ли из них понимают это и пользуются именно в таком ключе, чтобы стать столь же успешными и выдающимися, как их матери и отцы? Или же большинство из них просто считают такую жизнь само собой разумеющейся и начинают воображать, будто имеют какие-то особые права и привилегии? Вот то-то и оно.

В старые века военная аристократия Японии, как и любой "служилый круг" в других странах, по крайней мере, отрабатывала (или как минимум пыталась это делать) свои особые права на войне, проливая собственные пот и кровь. Конечно, всегда были те, кто этого не делал, но формально числился в данных сословиях. И их поведение, на мой взгляд, было тем же самым, что ужимки всяких отпрысков богатых и властных родителей. Человек должен делать себя сам, и плевать на его происхождение. Честь предков, о которой любит поболтать в нашей стране каждый второй, и даже кровь, что течет в твоих жилах, не дает никому никакого права смотреть свысока на других. Напротив, эти вещи - твоя кабала и тягло, твоя ответственность, и ты обязан не уронить, не замарать их своими поступками. Но понимает это далеко не каждый, и даже не один из тысячи. Будучи лишенным в жизни такой вещи, как "изначальный родительский вклад", я пришел к таким выводам исключительно на собственном опыте и тех знаниях, что получал сугубо практическим путем. И пока ничто и никто не смогло

поколебать мою точку зрения на этот счет.

Тем забавнее был тот факт, что Рёманмару Дото уже не вызывал у меня раздражения или чего-то еще связанное с этой областью рассуждений. Видимо, человек, который тебе уже изначально максимально ненавистен, причем, совсем по иной причине, не может вызвать еще больше внутренней злости. Но не стоит забывать и о самоконтроле. А потому, я так и не позволил появиться на своем лице хищной улыбке или каким-либо другим признаков радостного предвкушения. Не знаю, сказали тебе, приятель, о том, кто я и что могу, или же нет, но ты решил выйти на этот бой, и получишь не только свою личную виру, но и за всех тех, до кого я никак не смогу дотянуться...

Среди, не менее чем трех десятков людей, сопровождавших Дото, на фоне общей массы безликих помощников и прочей "обслуги" особенно сильно выделялись четверо. И если с невысоким жилистым стариком-сенсеем, обладателем роскошных седых усов, все было понятно сразу, то троица, державшаяся прямо за спиной у финалиста, могла бы вызвать у неподготовленного человека целый ряд занятных вопросов. К счастью, или нет, но я уже попал в число тех, кому не требовалось гадать, кого именно он сейчас видел перед собой. Братья Рёманмару не обманули своим внешним видом моих предварительных ожиданий.

Старший из сыновей "козырного" семейства, похоже, уже довольно давненько разменял третий десяток и вообще отличался на фоне младших братишек. Рослый, кряжистый, с мощной квадратной челюстью, украшенной аккуратной "капитанской" бородой, Рёма-старший на голову превосходил всех остальных в группе сопровождения, а в плечах не уступил бы даже могучему верзиле Сокону. Дорогой черный костюм, наверняка, какая-нибудь дико понтовая итальянская марка, прекрасно скрывал довольно внушительную мускулатуру здоровяка. Но мой наметанный глаз, привыкший сходу оценивать чужую физическую форму, сразу зацепился за ряд мелких деталей, вроде чересчур "раздутых" рукавов пиджака в районе предплечий. Глаза и почти треть лица старшего из братьев были скрыты за зеркальными стеклами квадратных солнцезащитных очков, которые он не потрудился снять даже в помещении.

Двое других кровных родственников Дото походили на него внешне куда более. Такие же сухопарые подтянутые фигуры, треугольные лица с заостренными подбородками, темные глаза миндалевидной формы. Тому, что, видимо, был вторым по старшинству, визуально было лет восемнадцать. Самый младший мог бы сойти за ровесника Дото, не знай я точно, что они не

близнецы. Дорогие наряды, один в один, как и у Рёмы-старшего, смотрелись на братьях невероятно уместно и даже несколько угрожающе. Совсем, как черное кимоно самого Дото, украшенное спереди двумя драконами, вышитыми красной и золотой нитью. Уже оказавшись рядом с татами, мой противник повернулся к трибунам, приветствуя их театральным, но при этом довольно естественным жестом, а я смог убедиться, что на спине его косодэ тоже имеется искусно вышитый рисунок в том же пафосном стиле. Куда там грубым самодельным иероглифам, сделанным рукой Харады-сенсея, что красовались на моем облачении.

Обернувшись на какое-то мгновение к Гендо и своему седому наставнику, уже начавшему отбивать концом своей тростью по полу нервную дробь, я хмуро улыбнулся и кивнул сенсею, стараясь, чтобы мой жест выглядел как можно более успокоительным. Над ареной раздался негромкий перезвон, толпа болельщиков сразу же смолкла, а судья взмахнул своим веером, призывая участников финала занять своим места на разметке. Выйдя на рубеж и исполнив два формальных поклона, я исподлобья взглянул на Дото, и не увидел в его лице и глазах ничего, кроме лишь надменно пренебрежения и полной уверенности в собственной победе. Что ж, надеюсь, у тебя и вправду есть основания так думать, парень... Потому, что я не хочу, чтобы наш бой закончился слишком быстро!

Судейский веер взметнулся вверх и только начал еще опускаться, когда Дото метнулся ко мне размытой тенью, за неразличимое мгновение переходя из совершенно расслабленной позы в состояние полной боевой готовности. Вот только он не один был такой сегодня на этой площадке. И первая серия ударов Дото, должная, судя по всему ошеломить, смять и опрокинуть противника, бессильно разбилась о мои жесткие блоки.

Связка для попеременной работы руками "три-два", удар правой ногой в живот, сразу переходящий в разворот и обратную подачу все той же правой пяткой в голову, еще шаг вперед и атака левым коленом в корпус, захлестывающая подсечка и "двойка" в лицо. Это была длинная и хорошо отработанная серия, но состояла она исключительно из самых банальных простейших приемов. Планомерно отбрасывая кулаки и стопы Дото, а иногда и просто уворачиваясь от атак, я сделал четыре шага назад, позволяя выложиться ему до конца. На самом деле, мне лишь хотелось увидеть его силу и скорость, а также уровень "технического" исполнения, которым владел мой соперник. И этой серии было более чем достаточно. В своем стремительном натиске Дото, пожалуй, почти равнялся с Кампаку Рюдзаки, в вопросах слаженной отработки ударов поспорил бы с корейцем

Ингоном, а вот мощь его атак и отточенность рефлексов оставляли желать лучшего. Нет, без сомнений и недомолвок, Рёманмару Дото входил в пятерку сильнейших бойцов, которых я встретил на этом турнире, того же Таро, что достался мне в первом бою, он размазал бы по татами тончайшим слоем. Однако не этот человек должен был быть одним из тех, кто получил право сражаться за чемпионский титул! И поэтому, простите меня, сенсей, я посвящу эту схватку не только вам, но и таким парням, как Кампаку Рюдзаки, Яра Сокон и Ли Ингон. Ведь будет жутко несправедливо, если первым на этом чемпионате станет тот, кто едва ли дотягивал до их уровня. И без разницы, каким стилем они владели, были ли настоящими бойцами или профессиональными спортсменами, чистокровными жителями островов или чужаками из соседних земель. В данном случае, это уже не имело никакого решительного значения. По крайней мере, для меня!

Несмотря на то, что его атаки не возымели ни малейшего эффекта и не принесли Дото ни единого очка, Рёманмару замешкался лишь на пару мгновений и снова ринулся в бой. Но в этот раз я тоже не стал отступать, метнувшись ему навстречу. Качнувшись вправо и вниз, мне удалось уйти от кулака противника, лишь обдавшего холодным воздухом мою скулу и висок, и нанести из этого положения точный хлесткий удар в открывшуюся подмышку Дото. Очков такая атака мне не приносила, но эффект имела самый серьезный. Рёманмару зашипел сквозь зубы и поспешно отскочил от меня с перекошенным лицом, разрывая дистанцию. После секундного раздумья он зеркально сменил свою стойку, выводя на "главную позицию" свою левую. Ударный стиль, которым владел Рёманмару, позволял довольно легко и активно использовать обе верхние конечности, и теоретически для боя они должны были быть развиты одинаково хорошо. Но если человек по жизни не владеет обеими руками равнозначно эффективно, что бывает где-то в одном случае из десятка тысяч, то он всегда больше склонен развивать свою "основную" руку. Для боевых искусств это тоже не исключение. Впрочем, было похоже на то, что Дото, как и многие другие, был свято уверен в том, что это не его случай, и дзюдзюцу, которому он обучился, позволило сгладить подобную разницу между руками. Ну, что ж, пусть скажет потом за это "спасибо" своему тренеру, что внушил ему это опасное заблуждение.

Первая же попытка Рёманмару продолжить атакующую серию и первый удар левой, как я и надеялся, полностью разрушило все иллюзии моего соперника. Моя рука приняла

атаку на скользящий блок, раскрывшаяся кисть скользнула вниз, захватывая запястье Дото и, стиснув его стальными клещами пальцев, вывернула резко вверх. Будь это правая рука, и Рёма-третий успел бы выдернуть свою конечность из захвата, но это была не она. Удар ногой под колено я сбил встречным ударом стопой и, доворачивая корпус, продолжил тянуть противника вперед и вниз, совершенно не давая ему шанса дотянуться до меня ослабленной правой. К тому же, классическая реакция на кистевой захват - косой удар ногой в корпус, которую предпринял Дото, сразу привела к тому, что он на время оказался лишь одной ногой на полу. Моя собственная нога, та самая, которой я проделал свой блок-удар, в отличие от ноги соперника не стала возвращаться обратно, а, напротив, на полмгновения зависла на месте. Молниеносное движение одним лишь коленом, и в открывшееся солнечное сплетение Рёманмару прилетела вроде бы не очень несильная, но жутко неприятная подача верхней стороной стопы. И ее, в сочетании с неустойчивым положением Дото и его вывернутой вниз левой рукой, которую мои пальцы в этот момент уже отпустили, оказалось вполне достаточно, чтобы опрокинуть парня на спину.

Зрительские трибуны дружно выдохнули, команда соперника взорвалась криками, а я сделал два плавных шага назад, так и не став обозначать добивающий. Весь эпизод занял не более трех секунд, но ситуацию на площадке он переменил кардинально. Я, как и прежде, даже не помышлял о том, чтобы тянуться к Силе, но моя природная скорость и ловкость, как показала практика, превосходила навыки Дото с большим избытком. Вот только мой оппонент, в отличие от меня, с первого раз это не понял.

Вскочив поспешно на ноги, коснувшись рукой грудины и слегка поморщившись, Рёма-третий смерил меня злобным взглядом и снова сменил стойку, возвращаясь к своему изначальному варианту. Угадать, что именно он попытается сделать в этом случае, было несложно. Оставив рукам только защитную роль, Дото попытался провести против меня "чистую" серию одними ногами.

Подобные атаки, как правило, всегда менее точны, но зато более "тяжеловесны", чем при работе только одними руками или при комбинациях. Вот только пытаться использовать их, не обладая преимуществом или хотя бы равенством в скорости, станет лишь тот, кто просто не сумел придумать ничего умнее.

Я отбросил в сторону первый "пинок" в живот, врезал Дото жестким локтевым блоком по голени левой ноги и, читая его движение на два хода вперед, поднырнул под новый замах,

избегая увесистой плюхи в лицо. Вытянутая нога Рёманмару оказалась у меня над плечом, а сам снова оказался лишь на одной точке опоры, причем порядком "пошаливавшей" после моей последней блокировки. Получилась в итоге идеальная иллюстрация, причем либо к пособию по каратэ в том, что касается проведения ногой удара "маваши", либо к учебнику по дзюдзюцу, раздел "Ваш противник сделал за вас почти всю работу". Поворот корпусом и перекрестный шаг, моя рука успевает ухватить поднятую ногу Дото чуть ниже колена, так и не давая ей опуститься, и отнюдь не классическое завершение. Вместо того чтобы резко сбить сопернику на татами, опрокинуть его на спину, прижав лопатками к матам, и зафиксировать в жестком захвате угодившую в ловушку ногу, я сделал еще один шаг и, зацепив своей левой стопой стопу Рёманмару, потащил ее за собой, фактически усаживая противника на шпагат. Впрочем, до конца опуститься он так и не успел. Еще один короткий хлесткий, но не менее болезненный и жесткий удар в "солнышко", на этот раз кулаком снова швырнул Дото на пол.

Арена лихорадочно вздохнула вновь и разразилась множеством воплей. Рёма-третий с багровым лицом, стараясь хоть как-то восстановить окончательно сбившееся дыхание, пошатываясь, поднялся на ноги. Снова не обозначив добивающий, я по-прежнему не давал судье повода прервать наш поединок и дать противнику хотя бы небольшую паузу. Видя огоньки ярости, разгорающиеся в глазах у Дото, я уже намеренно издевательски улыбнулся и сделал рукой приглашающий жест. Болельщики с моей стороны ответили на это одобрительными криками. Те, кто поддерживали Рёманмару, либо хранили молчание, либо призывали его стереть меня в порошок. Троица братьев неистово взревела что-то схожее, не обращая никакого внимания на напряженного старика-сенсея. Впрочем, мой оппонент и без этих подсказок уже дошел до нужной кондиции.

С лица у Дото исчезла всякая былая надменность, оставляя место лишь чистой ненависти, и парень, позабыв обо всем, ринулся на меня в лобовую атаку, открываясь уже по всем направлениям и без всякой задней мысли. В любой другой ситуации я не позволил бы себе совершить то, что сделал дальше, но, видимо, кровь в этот момент ударила в голову не только Дото. Сорвавшись вперед, мне удалось сделать Рёманмару на чистой скорости. Повернувшись вокруг себя, я открылся сам при этом настолько, что тот же Рю-кун ни за что не оставил бы подобную "оплошность" безнаказанной. Дото буквально влетел мне в спину, после чего оставалось лишь перехватить его предплечье, оказавшееся справа от моей головы после его

неудачного удара, ушедшего в "молоко", и врезать локтем второй руки себе за спину, угодив, судя по ощущениям, точно в зубы. Не давая сопернику придти в себя и воспользоваться всеми выгодами, что давало ему сейчас его положение, я провел классический бросок через плечо.

Зал громыхнул не хуже, чем в тот раз, когда я отправил в глубокий нокаут Яру Сокона. Крики восторга, свист и прочая какофония из беспорядочных звуков придавили меня к площадке едва ли не физически. Понимая, что удачный бросок в любом случае остановит наш бой, я демонстративно небрежно сделал шаг вперед, опустился на одно колено и обозначил атаку в голову все еще так и не пришедшему в себя Рёманмару. Если в мои подсчеты нигде не закралась ошибка, то это было уже восьмое очко. Половина до нужной разницы в пятнадцать, чтобы получить победу. Победу по очкам, разумеется.

Вернувшись на разметку, я дождался, пока Дото полностью оклемается, встанет на ноги, выслушает какие-то наставления от своего наставника, "комментарии" от братьев, гневно зыркавших на меня, и вернется, наконец, на нужное место. Судья поднял веер и, может быть, мне только показалось, как-то странно покосился в мою сторону. С некой равной долей страха и досады во взгляде. Впрочем, я быстро выкинул это из головы. Финальный бой, все-таки, еще не был закончен, а электронные часы отсчитали из положенных трех минут только одну.

Рёманмару стал заметно сдержаннее, а его действия более продуманными, хотя мне было видно, что злость и гнев у него внутри по-прежнему на равных борются со страхом и осторожностью. Но теперь уже была моя очередь дать волю накопившимся эмоциям. Шаг вперед, выход на максимальную дистанцию, и Дото приходится блокировать мой прямой удар, неудачно выводя свой блок на уровень глаз и закрывая себе половину обзора. Его тело на чистом рефлексе попыталось уйти в сторону так, чтобы не получить атаку ногой в "слепой" зоне, но третий из сыновей известного амакудари банально не успел этого сделать. Впрочем, и я не стал наносить банальный боковой по ребрам, а пнул противника под колено, заставив сбиться и потерять последние крохи скорости. Вынырнув из-за еще только опускающегося блока, мне оставалось только легко отразить невнятную подачу все еще "ослабевшей" правой и, сблизившись с Дото настолько, насколько это было вообще возможно, провести еще одну стремительную серию. Локтем снизу по многострадальной грудине, снова срывая дыхание и выбивая весь воздух из легких, и основанием ладони той же самой руки, просто "раскрывшейся" после первой атаки вперед, мощный "хлопок"

прямо багровому иероглифу на налобной повязке. Пока мой противник на пару секунд оказался полностью ослеплен, выбит из колеи и дезориентирован, я сделал шаг к нему за спину и опять швырнул на татами, опрокинув его подсечкой. Снова без добивающего.

Народ на арене начал заводиться все сильнее. Не знаю, как это выглядело со стороны, но я ощущал свое полное превосходство на площадке, и лишь въевшийся с годами буквально в кости инстинкт самосохранения не давал моей эйфории взять власть над разумом. Дото, кашляя и шипя проклятья, поднялся на ноги только со второй попытки. Его ухоженные длинные волосы выбились местами наружу и растрепались по лицу, а общий вид был уже довольно помятым и совсем не таким "величественным", как раньше. И далеко не сразу Рёманмару заметил, что слово, начертанное на его повязке, уже больше не видно так хорошо, как раньше, полностью скрывшись в темно-красном влажном пятне. Только лишь когда крупная багряная капля скатилась из-под края материи до самой переносицы, Дото ошарашено сморгнул, провел рукой по лицу и уставился не верящим взглядом на свои окровавленные пальцы. Команда моего соперника угрожающе загудела, а судья, суетливо подскочив к Рёманмару, отдал мне команду вернуться на разметку. Кто-то осуждающе свистнул, но арбитр остался непреклонен, а "костюмы" за столом хранили молчание.

Нехотя заняв свое место, я вынужден был наблюдать за тем, как врач чужой команды, умело обрабатывает "страшную рану" моего соперника. При этом заботливый медик не слишком торопился, давая Дото достаточно времени, чтобы снова передохнуть. Когда эта ничем не обоснованная пауза затянулась на совсем неприличный срок, с трибун, кажется, как раз из того сектора, где засели мои особые фанаты, снова раздался оглушительный свист. Но этим эпизод не исчерпался. Стоило только Дото вернуться на татами, как судья поднял веер и, указав в мою сторону, неожиданно огласил.

- Одавара Моэясу, спортивный клуб Изясо. Вам выносится первое предупреждение за чрезмерную жестокость.

Два предупреждения - штраф пять очков. Три - техническое поражение. Наш поединок определенно становился все веселее. А главное понятно это было не только мне. Зрители, например, встретили заявление судьи недовольным гулом, причем не только те, что были изначально на моей стороне, но и из числа болельщиков самого Рёманмару немало людей открыто демонстрировали сейчас свое неудовольствие. Гендо, едва не взорвавшегося явно не самым лицеприятным высказыванием, в

последний момент успел остановить сенсей. Оно и понятно, предупреждение выглядело, по меньшей мере, нелепо. Да, кровь, но это всего лишь большая ссадина. К тому же это финал категории, и хотя излишняя жестокость здесь никому не нужна, но и не до нежностей всяких.

Но судья был тверд в своем решении, которое, впрочем, не добавило моему оппоненту храбрости, уверенности или чувства удовлетворения. Ну что же, значит, буду чуть более аккуратным и осторожным.

Атакующую серию Дото, окончательно утратившую былую скорость и страсть, я отразил чисто механически, не вникая особо в нюансы, и без усилий провел "двоечку" правой по зубам и в глаз. Голову Рёманмару заметно мотнуло назад, но только-только я настроился продолжать, как меня остановил окрик судьи... Да какого хера на этот-то раз, а?!

Отправив меня на разметку, арбитр снова принялся плясать вокруг Дото. Выглядело это уже совсем не смешно. Зубы у Рёманмару, похоже, остались все на своих местах, но десны я ему от души раскровавил, а его правый глаз начал слегка заплывать. Ухоженная кожа наливалась хорошей такой синевой, и солидного фингала на четверть физиономии Дото явно было уже не избежать. Тем не менее, это к категории "чрезмерной жестокости" или даже "спортивной грубости" точно никак отнести было нельзя. Под презрительно-недовольное ворчание трибун, судья все-таки вернулся на место и продолжил поединок.

Хмуро хмыкнув и покосившись на Хараду-сенсея, я спокойно опустил руки и вышел из стойки. Дото, пару секунд неуверенно взиравший на это, преодолел колебания и бросился в бой. Он провел четыре четких удара в корпус и, напоследок, от души вмазал мне боковым, угодив точнехонько в ту отметину, что оставил на моем лице рюкюсец Сокон. Последнее было по-настоящему болезненно, но предыдущие атаки я сумел перенести почти без проблем, заранее настроив на это мышцы груди и пресса. После этого, видимо, сам испугавшись своего успеха, Рёманмару отскочил обратно и замер, уже совершенно не понимая, что происходит. Впрочем, он был сейчас в этом зале такой не один. А я, криво улыбаясь, перевел взгляд на судью и достаточно громко, чтобы было слышно во всем притихшем зале, поинтересовался:

- Теперь хотя бы было достаточно "не жестоко"?

Многочисленные люди на трибунах, наблюдавшие за всеми предыдущими действиями судьи с откровенным неудовольствием, ответили на мой вопрос взрывом хохота, местами откровенно издевательского, одобрительными

восклицаниями, а некоторые и громкими аплодисментами. Я, тем временем, перевел взгляд на Дото и, чуть склонив голову, одними губами произнес:

- Так быстро я с тобой заканчивать не собираюсь.

Во взгляде Рёманмару вспыхнула внезапная искра понимания, почти сразу сменившаяся паникой, которую в свою очередь довольно быстро вытеснил гнев. Дото понял, что я дал ему ударить себя не только ради того, чтобы приструнить судью, уже явно начавшего подыгрывать одной из сторон. Гораздо важнее было то, что к этому моменту мой счет уже "опасно" приблизился очкам к двенадцати-тринадцати, и потому следующий "раунд" сшибки грозил принести мне победу. Которую я, пока, совсем не хотел получать. Мне нужно было продолжение поединка, и осознание этого стало для Дото отнюдь не самым приятным сюрпризом.

Реакция у Рёмы-третьего, по моему скромному мнению, в ответ на подобное откровение могла быть двух видов. Парализующий волю страх или яростная истерика. Изучив этого парня в бою, все остальные варианты я счел слишком упорядоченными для его натуры, откровенно несдержанной и чрезмерно эмоциональной. И Дото меня не подвел и даже не разочаровал, выбрав из двух то, что, по крайней мере, окончательно не уронило его в моих глазах. Сипло зашипев сквозь зубы от злости, парень снова ринулся в атаку.

Излишний гнев заставляет ошибаться, хотя самому тебе в момент его проявления может казаться, что ты все делаешь верно и правильно. Рёманмару, по-видимому, тоже казалось, что решение перебить мне ударом кулака кадык, раз и навсегда закончив нашу схватку, является в нынешний момент наиболее оптимальным. То, что это приведет к моей смерти и его дисквалификации с чемпионата, не говоря уже об уголовном деле, Дото волновало мало. Впрочем, если учитывать, кто был его родителем и связи, которыми этот человек обладал, то последний пункт вероятно и вправду был для парня совершенно не страшен.

Я действительно сильно рисковал в этот раз, но оставалось надеяться, что Дото уже не покажет сегодня своей лучшей скорости, а мне удалось достаточно хорошо приноровиться к его манере сражения. Кулак Рёманмару, нацеленный точно в мое адамово яблоко, замер, лишь на волос не успев добраться до своей "мишени". Я не менял свою позу и не вставал обратно в стойку. Я лишь в самый последний момент опустил резко голову, зажав руку Дото между своим подбородком и грудинными концами обеих ключиц. Все-таки мой противник не был еще настолько сильным мастером, чтобы нанести серьезный вред

моему горлу, так и не коснувшись его. А огромный зал удивленно смолк, и вокруг на долгие две секунды повисла невероятная тишина. На самом деле, это было не сложнее, чем перехватить руку с ножом или поймать пистолетную пулю. Единственная сложность - не использовать Силу при этом. Но я рискнул, и успех окупился сторицей.

Прямо передо мной замерло пораженное лицо Рёманмару - глаза, расширившиеся от шока, лоб с наклейкой-пластырем и крупными каплями пота, рот, приоткрытый в немом изумлении. Что ж, этого зрелища мне, пожалуй, будет достаточно, нельзя быть слишком жадным в удовлетворении своих желаний. Разницу между настоящими бойцами и такими, как Дото, каких повыбивали еще на отборочных, видел теперь весь зал. И хорошо, что здесь стою я, а не Рю-кун, например. Кто знает, какие бы способы нашли те же якудза и прочие покровители семейки Рёманмару, чтобы принудить другого бойца "слить" финал этому папенькиному сынку? Конечно, тот же Кампаку парень не робкий, но боюсь, не у всех был в кармане такой же тайный козырь, как у меня. А, кроме того, уж что-что, а долгую славу маленькому провинциальному додзё из Изясо такой финальный поединок не мог не принести. Теперь в могуществе стиля, преподававшегося в вашей школе, Харада-сенсей, узнали все, кто был хоть немного заинтересован в вопросах боевых искусств. И этот триумф не только мой лично. Это - моя вам плата за всё, учитель!

Левая кисть, метнувшись змеей, легла на запястье Дото, и уже в следующее мгновение рука противника оказалась вывернута вниз, едва освободившись из "тисков" подбородка и ребер, от чего он сам согнулся почти пополам. Дернув его на себя, я сместился чуть вперед и сильно вправо, сходу нанося согбенной фигуре удар ногой в район диафрагмы. Рёманмару вздрогнул всем телом, подпрыгнув на месте, но прежде, чем он упал, моя левая нога, возвращаясь после предыдущего удара, едва чиркнула пальцами по мату и снова взметнулась вверх. В который раз за эти три дня турнира я восславил своих безымянных предков за мою великолепную растяжку. Ноге, согнутой в колене, не пришлось искать "обходных путей во время подъема, и, распрямив ее вверх, я едва не коснулся пальцами собственного уха. Удар пяткой из этой позиции по согнутой спине Рёманмару, прямо по центральной роже самого большого дракона, был жестоким и сокрушительным. Впрочем, я взял себе труд сдержаться, чтобы попросту не сломать своему противнику позвоночник. Но буквально вбить его в рифленую поверхность татами мне это ничуть не помешало.

Арена в очередной раз взорвалась сумбурным

разочарованно-радостным воплем, а я обернулся к побледневшему судье и, глядя исподлобья прямо ему в глаза, с легкой такой угрозой в голосе процедил:

- Можешь впаять мне второе предупреждение и пять очков штрафа.

Для Рёманмару Дото, который даже и не пытался больше уже шевелиться, этот бой в любом случае был завершен окончательно. Не обращая никакого внимания на членов команды "Рёма", высыпавших на площадку, я двинулся в сторону своего улыбающегося сенсея и Гендо-семпая, демонстрирующего мне два оттопыренных больших пальца. Дико приятное чувство абсолютного удовлетворения, появившееся у меня в душе, оказалось на удивление опьяняющим.

- Рёманмару Дото, школа Акэси-кан, Токио, продолжать поединок не сможет, - раздался у меня за спиной срывающийся голос судьи, безрезультатно силящийся перекрыть шум от неистовствующих трибун. - Победа в финальном поединке, категория дзюдзюцу, вторая возрастная группа, за Одавара Моэясу, спортивный клуб Изясо...

- Спасибо, Моэ, - куда важнее, чем те слова от человека стоящего в центре зала, для меня были эти, сказанные едва сдерживающим слезы сенсеем. - Спасибо тебе!

- Молодец! Так держать, парень, - Гендо по-свойски похлопал меня по плечу.

А я, сделав шаг назад, еще раз посмотрел на Хараду и склонился параллельно полу.

- Спасибо за это только лишь вам, сенсей.

Вокруг шумел огромная спортивная арена, щелкали фотоаппараты, сменялись надписи на электронных табло, и царила странная, новая и совершенно незнакомая мне атмосфера. А я... Я просто радовался своей первой в жизни серьезной победе, достигнутой не для себя, а для кого-то другого. Удивительно, но делать это, оказывается, тоже чертовски приятно!

И хорошо, наверное, что в тот момент я еще и не догадывался о том, как повернутся события буквально через несколько часов, и к чему это все приведет в конечном итоге.

* * *

- ... Таким образом, ваш ученик будет лишен своего титула и полагающихся наград, а победа на чемпионате автоматически переходит ко второму финалисту. Кроме того, решением организационного комитета нашей ассоциации боевых искусств за подобные нарушения Одавара Моэясу получает запрет на

выступления в любых спортивных состязаниях на территории Японии сроком на четыре года. Запрет может быть снят только по истечении данного срока и лишь после прохождения полного медицинского освидетельствования, - заместитесь председателя той самой "ассоциации" подвел итог своей пространной речи, взирая на нас с другой стороны широкого стола.

Только у этого тощего невзрачного типа с глазами дохлой рыбы хватало духу поднять на нас свой взгляд. Остальные члены, так называемой, дисциплинарной комиссии стыдливо сверлили взглядом столешницу и изучали линолеум на полу кабинета.

О том, что грядут серьезные неприятности, я стал догадываться, когда уроды в белых халатах заявили о том, что у меня надо взять повторную пробу на допинг. А уж когда нас завернули с церемонии награждения, то все стало ясно уже окончательно. Молниеносное разбирательство по грубо сляпанным обвинениям в мой адрес, гласившим, что, кроме стероидов, я принимаю еще и какую-то дрянь с труднопроизносимым названием, прошло за невероятно быстрые сроки - всего лишь несколько часов с момента получения первой "положительной" пробы, и пожалуйста. Почему ни одна предыдущая проверка ничего не выявила, никого совершенно не интересовало, да оно и понятно. Вот же, мрази...

- Также, на спортивный клуб Изясо в пользу ассоциации возлагаются штрафные санкции в размере трехсот тысяч иен. А само решение организационного комитета может являться основанием для подачи в суд исков со стороны участников соревнований, имевших в рамках турнира встречи с дисквалифицированным бойцом, и их тренерских команд, как в отношении выявленного нарушителя, так и в отношении самой ассоциации, допустившей возможность подобного нарушения, - процедил сквозь зубы тощий мудак.

Гендо успел подхватить покачнувшегося сенсея под руку, но спустя мгновение Харада уже вновь крепок стоял на ногах, опершись на свою трость. У, суки! Хоть бы предложили сесть старому человеку, гады! Сами-то все сидят, ублюдки гнойные, а нас типа вызвали "на ковер"! Приговор послушать!

Реакция Харады на сообщения о штрафах и судах была мне прекрасно понятна. Сенсей брал со своих учеников только самую минимальную оплату, чтобы покрывать затраты на инвентарь и "коммуналку". А поэтому, никаких серьезных сбережений или иных больших накоплений у наставника попросту не было. Триста тысяч! Хоть совесть поимейте, твари! Мои кулаки от гнева сжимались все сильнее, ногти вонзились в кожу ладоней, и эта боль хоть чуть-чуть притупляла ярость. Но срываться было нельзя,

я обещал Хараде-сенсею, что буду держать себя в руках. К тому же, это не улица, где все можно легко решить в относительно честном споре одной лишь грубой силой.

- Вы можете подать апелляцию по вопросу в течение двух недель, либо обратиться за прямым разбирательством в суд, - заключил заместитель председателя.

Утырок лупоглазый, ты ведь прекрасно знаешь, что школе Харады не по карману даже участие в судебном разбирательстве, инициированном с нашей стороны! К тому же, оно должно вестись даже не в суде нашей префектуры, а в городском суде Токио, одно только проживание в котором обойдется мастеру в неподъемную сумму! Нет, можно являться лишь на главные заседания, передав ведения дел адвокату, но адвокаты тоже работают не за бесплатно! А уж хорошие и подавно...

- Нам жаль, что так получилось и приходится принимать столь жестокие меры...

Тощий совершенно случайно встретился взглядом со мной. И, от того, что увидел в глазах обычного хулиганистого школьника господин заместитель, он сразу осекся на середине фразы и подавился гортанным кашлем. Не волнуйся так, тварь. Я хорошо запомнил твою бледную рожу, и, может быть, не сегодня, и даже, наверняка, не завтра, но когда-нибудь тебе точно придется с ужасом вспомнить обо всем этом скотстве, в котором ты принял самое непосредственное участие.

Толпа встревоженных людей, состоящая из тренеров и спортсменов, поджидала нас за дверьми, где шло "вынесение приговора" от спортивной ассоциации. К моему немалому облегчению, никого из журналистов охрана спорткомплекса сюда не пропустила. Одним из первых навстречу Хараде-сенсею протиснулся тот седой дядька, которого мне показывал Гендо. Отоёси Сунегехара, кажется.

- Не волнуйся, - обратился он к моему мастеру с самым суровым видом, - так просто мы это уже не оставим. В этот раз они зашли слишком далеко.

- Если у них хватило духу раздуть такой скандал, то пусть теперь будут готовы за него и ответить, - поддержал Отоёси еще один сухонький старичок, в котором я сразу опознал тренера Кампаку. - Уверен, все наши с тобой бывшие соученики по школе Кодэн будут только рады посодействовать! Монтаро и Сабуро сейчас не последние люди в аппарате министра культуры и спорта...

- Все это выглядит весьма неприглядно, и, думаю, не только мне и моему отделу найдется в этом деле над чем поработать, -

из ниоткуда нарисовался рядом "синепузый" инспектор, с которым свела нас судьба еще прошлым вечером.

Рядом со мной, тем временем, внезапно оказался Рюдзаки. Его правая рука покоилась на медицинской перевязи, но в остальном мой недавний противник по четвертьфиналу уже выглядел полным сил и здоровья.

- Моэ-кун, - Кампаку склонился ко мне так, чтобы никто из говоривших рядом людей ничего не услышал из нашей беседы. - Я знаю, какое дерьмо эти братья Рё. Так, что и на секунду не поверил в те обвинения, что тебе предъявили. Учителя и многие из наших намерены в этот раз поставить ублюдков из Ассоциации на место, и плевать, кто там за ними стоит сейчас. Поэтому будь уверен, это дело так просто никто не забудет!

- Благодарствую за поддержку, Рю-кун, - я видел, что парень абсолютно искренен в своих словах, но от старых привычек непросто избавиться. - Но все свои проблемы я как-то привык решать исключительно сам.

- Даже и не сомневаюсь, - рассмеялся Рюдзаки. - Но если вдруг передумаешь, или что-то понадобиться, то всегда обращайся. И это... - мой собеседник оглянулся через плечо, чтобы лишний раз убедиться, что нас никто не слушает. - Будь осторожен. Эти четверо уродов, с которыми ты пересекся, жутко мстительные. Всякое может быть...

- Спасибо. Учту.

- Эх, вот такая она штука - жизнь, - уже двигаясь к выходу, Гендо толкнул меня локтем в бок, видимо, заметив мой угрюмый вид и желая приободрить. - Как зебра! Полоса белая, полоса черная, полоса белая... Но в конце у всех лишь глубокая...

- Очень жизнеутверждающе, - буркнул я, перебив семпая.

- Мда, и вправду, - согласился Гендо. - Жалко ты у нас, Моэ-кун, несовершеннолетний, иначе я бы точно знал, как поднять тебе настроение этим вечером.

- Этим вечером, Гендо-семпай, у меня вообще-то свидание, - ответил я, по-прежнему без всякого выражения, заставив клерка болезненно сморщиться.

- Нормально! А главное, он молчит и ни слова. Знаешь, Моэ-кун, редкостной ты породы зверь. И, похоже, точно лишь одно - не полосатого окраса!

* * *

- Хотя рассуждать об этом уже поздно, но... Вы точно уверены в том, что мы применили наиболее подходящий метод из

всех возможных вариантов?

Хозяин роскошного кабинета слегка поерзал в своем невероятно удобном кресле и, слегка поправив одно из множества золотых колец, унизывавших толстые пальцы, откинулся на широкую спинку из натуральной кожи. Его единственный собеседник, к которому и был обращен последний вопрос, поднял на Кобагути свой леденящий, пугающий взгляд и лишь небрежно пожал плечами. Кремовый костюм, как и всегда, отутюженный просто идеально до последней складки, смотрелся на этом человека довольно броско, но не вызывающе. На фоне остального интерьера комнаты, в котором превалировало темное дерево разных оттенков, наряд гостя выглядел ярким и не совсем уместным пятном.

- Не вижу причин, чтобы нам в очередной раз обсуждать эту тему, Кобагути-сама, - тихий голос произносил каждое слово так, будто предварительно взвешивал в нем каждый звук или букву. - В конечном итоге, все получили то, чего желали. Дото-кун - свой новый титул, вы - обратно все свои деньги и даже немного сверху, все остальные - напоминание о том, на кого они работают.

- И все же... Этот скандал...

- Это не первый скандал и не последний, - отрезал человек с глазами убийцы. - И кому, как не вам, знать об этом, Кобагути-сама. К тому же, этот скандал не ваша забота. А наши люди из ассоциации тоже обязаны отрабатывать свой хлеб и, согласно договоренности, принимать на себя все последствия подобных эпизодов.

- Конечно, вы правы, - кивнул усатый толстяк, становясь заметно спокойнее, но тут же встревожившись вновь - Однако, меня немного тревожит тот факт, что мы ничего не сообщили семье Рёманмару о том... инциденте в гостинице. Точнее, - с намеком протянул Кобагути, - обо всех его деталях.

- Это было излишне, - отрезал гость. - К тому же, способ, к которому мы прибегли для решения конечных трудностей, избавил нас от тех вероятных сложностей, что непременно возникли бы, попытайся мы действовать с этим парнем как-нибудь по-другому.

- Но, тем не менее, - не сдавался так сразу хозяин кабинета, - возможно, нам стоило хотя бы намекнуть им... Все-таки, по вашим же собственным словам, этот изяский сопляк сумел поймать пулю голой рукой! - несмотря на то, что вся последняя фраза была произнесена шепотом, говоривший сумел подчеркнуть восклицание в самом конце.

- И это лишь помешало бы нашим планам исполниться столь успешно, - собеседник мастерски продолжал выдерживать свою

маску полного безразличия. - Узнай, братья Рёманмару об этом факте, и кто знает, что случилось бы дальше. Дото-кун вполне мог, не своим умом, так с подачи старшего брата, решить сняться с соревнований, а то, что вы и многие важные люди потеряют на этом свои деньги, волновало бы этого парня в самую последнюю очередь.

- Очевидно, что так...

- Но он вышел на бой, уверенный в своих силах, и случилось именно то, чего мы ждали. Одавара просто избил его, проделав это открыто и дерзко, что, в свою очередь, легло прекрасной иллюстрацией на его дальнейшее обвинение в употреблении допинга. Все в этой ситуации получилось более чем естественно, а глупые попытки ваших друзей из Ассоциации влезть не к месту, чтобы подыграть Дото-куну, лишь подставили их самих.

- Да-да-да, это все, конечно, очень удобно. Но боюсь, как бы конфликт между Рёманмару и Одавара не получил определенное продолжение, в свете случившегося, - высказал тревожившую его мысль Кобагути. - И в этом случае, если вдруг случится непоправимое, а потом станет известно, что мы были в курсе о реальных возможностях этого парня...

- Не стоит так переживать не этот счет, - на секунду стало заметно, как собеседник едва сдерживает легкий зевок. - И не нужно приписывать этому мальцу каких-то совсем уж сверхъестественных свойств. Да, он поймал пулю, но на его месте это сумел бы сделать любой, обладающий достаточной ловкостью и реакцией.

- Неужели? - недоверчиво прищурился толстяк. - Хьёгуро-сан, вы ведь понимаете...

- Конечно, понимаю. И потому объясню все вам подробно. Дело в том, Кобагути-сама, что для того, чтобы стрелять девятым калибром из своего ублюдочного пистолета с коротким глушителем, наш общий знакомый Унаги вынужден заказывать патроны кустарного производства, - пояснил обладатель кремового костюма.

- Угорь очень гордится своей игрушкой, - кивнул Кобагути.

- Верно. Хотя лучше бы он выкинул ее в ближайшую помойку. Канал ствола в его оружии забит "пылью" от безоболоченного свинца, который использует тот умелец, у которого Унаги берет боеприпасы. Нормальное оружие следует хотя бы изредка чистить, но Унаги у нас выше таких мелочей. А кроме того, заряд пороха в таких самодельных патронах на порядок уменьшен, чтобы снизить шумовой эффект выстрела и сделать сам короткий глушитель хоть на что-то пригодным. Все вместе это дает крайне низкую стартовую скорость полета пули, а

если патрон сделан с браком то, любой из нас сможет проделать тот же фокус, что и парень из Изясо. Я специально проверил потом, забрав у Унаги, оставшиеся патроны. Окажись верхним в обойме тот, что был вторым, и последствия были бы весьма плачевные и очень неприятные уже для нас лично. Одаваре в тот раз, на самом деле, лишь невероятно повезло, но не более того.

- Хм, - Кобагути облегченно вздохнул и, уже по-настоящему, расслабился, обмякнув в кресле. - Такое объяснение меня действительно успокаивает.

- Кроме того, мы, все равно, уже не будем иметь никакого отношения к происходящему, что бы там ни случилось в дальнейшем. Ваша часть сделки выполнена, равно как и моя, и выполнены они безупречно, - на лице у гостя наметилось некое подобие ободряющей улыбки, но этого хозяину кабинета было уже достаточно.

Видя это, человек с холодными глазами внутренне вздохнул с облегчением. На то, чтобы убедить в чем-то столь нервного, недоверчивого и сомневающегося во всем оппонента, нужно было поистине нечеловеческое терпение. И уж точно ему не следовало сообщать, почему Хьёгуро на самом деле принял решение не применять против приютского мальчишки новых силовых акций. А тем более, Кобагути не нужно было знать про то, что все патроны, вынутые из обоймы Унаги, оказались хоть и кустарными, но сделанными просто великолепно, чего и следовало ожидать от такого мастера, как Старый Року.

* * *

Собираясь для вечернего выхода в город, я неожиданно для себя столкнулся с небольшой проблемой. Как-то так получилось, что в обыденной жизни я давно привык в любое время носить свой школьный гакуран, невзирая на то были ли это школьные будни, выходные или редкие праздники. По большому счету, другой верхней одежды, за исключением пары спортивных костюмов у меня в принципе не было. Остатки своего куцего пособия, часть которого иногда удавалось поднакопить, я с чистой совестью тратил на приличную обувь, обзаведясь, таким образом, в гардеробе за последние годы лишь полудюжиной новых футболок. Даже на турнир мне пришлось ехать в своей школьной форме, что, впрочем, не смущало никого совершенно, а меня уж тем более. Но ехать в поезде и ходить по отелю было совсем неравнозначно тому, чем я собирался заняться этим вечером.

К счастью, рядом оказался такой человек, как Гендо. Для

начала семпай от своих щедрот выделил мне солидную, по моим личным меркам, скрутку купюр, потребовав взять это без разговоров и "не позорить любительский клуб Изясо на ответственной встрече с представителем другой спортивной школы", выставляя себя нищенствующим жлобом. После чего Гендо также позволил слегка разграбить свой гардероб, из которого я вытащил для себя лишь рубашку в багровых тонах и с короткими рукавами. Надетой расстегнутой и навыпуск в сочетании с красной безрукавкой, черными брюками от школьного комплекта и парой приличных фирменных кроссовок, которые я приобрел всего месяц назад, это смотрелось более чем приемлемо. Все-таки не на званый ужин к императорской фамилии собираюсь, а значит прокатит.

Вокруг гостиницы, по-прежнему, коршунами, а скорее грифами-падальщиками, вились многочисленные представители, так называемой, четвертой власти. Сталкиваться сейчас с кем-то из них мне не хотелось, но журналистская братия плотно оккупировала фойе и выставила "многоступенчатый" кордон у каждого выхода из отеля. Но хороший шанс незаметно улизнуть от этих стервятников у меня оставался.

Часам к девяти, когда небо над городом постепенно скрылось в сумерках, а в воздухе появилась легкая прохладца, я спустился на первый этаж и направился в сторону местной кухни. Иногда, чтобы никто не обращал на тебя внимания, нужно лишь делать вид, что ты не просто имеешь право тут находиться, а просто обязан это делать. Такой вещи как наглость, что врожденной, что приобретенной с годами в приюте, мне было не занимать, а потому я совершенно беспрепятственно прошел служебными помещениями до самого подъездной площадки, которая использовалась в гостинице для грузовых машин. Точный путь до нее мне указал один из официантов, спешивших куда-то со своим подносом, но пойманный за локоть посреди коридора и подвергнутый допросу с пристрастием. Задний двор отеля был огорожен по периметру забором из металлической сетки, но мне повезло, и перелазить через него не пришлось. От здания как раз отъезжал какой-то грузовик, судя по виду рефрижератор, и я благополучно смог проскочить прямо за ним в щель через закрывающиеся автоматические ворота. Охранник, дежуривший в будке рядом с ними, заметил меня слишком поздно и окликнул уже лишь в спину, после чего был вынужден созерцать, как "нарушитель" исчезает в полутьме проулка.

К месту встречи, оговоренному заранее, я прибыл без опоздания, но Тацуэ была уже там. Сидя на каменном парапете набережной, брюнетка разглядывала многочисленные огни

проплывающих мимо судов и зданий на той стороне канала. Наряд каратистки невольно меня порадовал. Не буду врать, но окажись это чем-то "исключительно женственным" и легкого смущения при дальнейшем общении мне было бы не избежать. Но темно-серая рубашка и свободные штаны расцветки "городской камуфляж" подходили просто отлично. И, кстати, внешне совершенно не портили фигуру Тацуэ. На левой руке девушки от локтя до запястья красовался свежий гипс. Заметив мое приближение еще издали, Тацуэ улыбнулась и приветственно махнула рукой.

- Привет.

- Привет, - каратистка грациозно спрыгнула на тротуар рядом со мной. - Куда идем?

- Предлагаю пока туда, - я кивнул на переливающуюся панораму огней за пешеходным мостом, на другом конце которого красовалась огромная арка, отмечавших вход в один из огромных местных кварталов развлечений. - А уж чем занять себя в таком месте, как ночная Йокогама, я думаю, мы точно найдем.

- Годится, - кивнула Тацуэ.

Описывать в подробностях нашу продолжительную прогулку по многоцветным улицам, заполненным сотнями людей, было бы слишком сложно и утомительно. Йокогама не зря считалась вторым по размеру развлекательным центром в Японии и одним из тех самых городов, которые "никогда не спят". Даже если отбросить магазины и тому подобные места, то ресторанов, кафешек, караоке-баров, танцполов, стриптиз-клубов и салонов любой "расцветки" и на любой даже самый притязательный вкус между каждыми двумя перекрестками здесь располагалось больше, чем, наверное, было во всем Изясо и Нагаоке вместе взятых. Дискотеки, залы игровых автоматов и залы-кабаре манили своими яркими вывесками со всех сторон. Снующие в толпе зазывалы с пачками флаеров приглашали всех и каждого в свое "самое лучшее заведение", заманивая потенциальных клиентов живой музыкой в исполнении известных и не очень групп, невероятной кухней или какими-нибудь совсем уж эксклюзивными развлечениями. И стоит ли говорить о том, что о таких вещах, как удостоверение личности, подтверждающее совершеннолетие, спрашивали далеко не везде и не у каждого, несмотря на его внешний вид и зачастую висевшие таблички у входа. Куда строже было отношение к тем предупредительным знакам, что запрещали вход в заведение для гайдзинов, а последних в Йокогаме всегда было с избытком. Все-таки немало сказывалось наличие поблизости одного из крупнейших портов

страны. Но для чужаков здесь обычно отводились отдельные кварталы, конечно, не такие большие и знаменитые, как, например, токийский Роппонги, примостившийся возле всемирно прославившегося Шинджуку, но зато вполне удовлетворявшие все соответствующие потребности иностранных матросов и случайных гостей. Что меня всегда особенно умиляло, так это то, что вот уже больше двадцати лет "классический" запретный знак, имевший изначально лишь две строчки на японском и английском, теперь еще и непременно "украшался" третьей надписью - на русском. Что ни говори, а наши соседи с северо-запада всегда умели заставить проявить японцев к себе особое внимание ничуть не хуже, чем драные янки. Впрочем, думать об этом в подобный вечер, мне, разумеется, совершенно не хотелось.

Разговоры у нас с Тацуэ начинались на удивление легко и непринужденно, я сам от себя, честно признаюсь, даже такого не ожидал, но очень уж была располагающая атмосфера. Сами беседы шли одновременно обо всем и ни о чем, умудряясь перескакивать с одной темы на другую и возвращаться обратно по кругу. Обсуждению подверглись как вещи глобальные, типа спорта и единоборств (а куда же без этого в нашем-то случае?!), так и более мелкие, но от того не менее важные, вроде личных вкусов и пристрастий в музыке, еде и прочем.

Наиболее подходящим местом, в котором на наш общий взгляд можно было зависнуть подольше, был избран растянувшийся вдоль берега "чайный дом", совмещавший в себе разом и клуб, и ресторан, и танцпол. Несколько этажей, не раздражающее окружение и, в целом, приличная публика в возрасте от тринадцати до тридцати - что еще нужно для не слишком активного отдыха после череды турнирных будней. Завтрашним утром должно было наступить воскресенье, и народ отрывался по полной, ни в чем себе не отказывая. Я даже заметил здесь и еще по пути на улицу несколько юных лиц, виденных мною мельком среди участников во время чемпионата.

Оттянувшись на танцевальной площадке от всей души, перемежая это дело короткими передышками за столиками, расставленными на открытых галереях с видом на бухту, я и Тацуэ покинули гостеприимный клуб, решив поискать для продолжения вечера место чуть поспокойнее. Поскольку средства, выделенные мне Гендо-семпаем, пострадали пока несильно, а с дискотеки мы уходили, уже не стесняясь держаться за руки, то настроение мое пребывало к тому моменту примерно в той же стадии довольства и радости, что и после окончания финального боя. Уютный ресторан, расположенный за не слишком высокой каменной оградой в глубине небольшого огороженного парка,

удачно подвернулся всего через пару кварталов, стоило только углубиться в сторону от разноцветной набережной. Деревья и кусты прекрасно гасили в себе все звуки, заполнявшие многолюдные улицы ночной Йокогамы, а посетители заведения в большинстве своем собрались здесь с такими же целями, что и мы. Парочки и небольшие компании сидели на втором этаже ресторана, будучи отделены друг от друга, более чем, приемлемым расстоянием. А при особом желании со стороны клиентов расторопные официанты всегда были готовы принести еще и изукрашенные раздвижные ширмы.

Заняв место в углу под одним из больших круглых окон, и сделав заказ, мы с Тацуэ просто так проболтали еще не менее часа, просто получая удовольствие от общения. Мои первые предчувствия и ощущения после нашей первой встречи с этой девушкой, лишь еще сильнее закрепившиеся после последующих непродолжительных встреч, полностью подтвердились. Грубый пробивной характер настоящего бойца каратистского стиля сётокан в сочетании с прямотой и открытостью, накладываясь на внешность Тацуэ, идеально отвечавшую моим не слишком-то избалованным вкусам, создавали для моего восприятия занятный и очень притягательный эффект, который мне раньше, если и приходилось испытывать, то лишь на очень непродолжительное время. Похоже, если все так и дальше пойдет, то от частых визитов в Нагаоку после возвращения с турнира мне будет точно не удержаться.

Время перевалило за полночь, и мы уже готовились потихоньку закругляться, когда, грубо разрушив гармонию, в которой я пребывал на этот момент, к нашему столику вдруг подошел парень-официант. Кашлянув, чтобы привлечь внимание, он поклонился с казенными извинениями и обратился ко мне:

- Прошу прощения, не вы ли будете Одавара-сан?

Я покосился на официанта, почувствовав легкий подвох в его вопросе.

- Допустим.

- Одавара-сан, дело в том, что внизу вас спрашивает для личной беседы один человек.

- Что именно за человек? - такой поворот беседы напряг меня еще больше.

- Я не могу назвать его имени, но он просит вас спуститься и перекинуться с ним всего буквально парой слов, - "гонец" снова с извинениями поклонился. Ни дать, ни взять, а просто живая иллюстрация "Обстоятельства превыше меня!"

- Хм, ладно, - с одной стороны идти мне совершенно не хотелось, а с другой... вдруг что-то действительно важное.

И хотя особых знакомых в этом городе у меня не было, но все-таки сразу отказываться, даже не взглянув на этого "кого-то" издали, было, по меньшей мере, недальновидно.

- Я на минуту, - бросил я Тацуэ и, наклонившись к ней, добавил шепотом, уже начав подниматься, пока официант, тем временем, двинулся к выходу из зала, чтобы указать мне дорогу. - Не уходи отсюда, будь все время на людях.

Уж не знаю, с чего это у меня вдруг так взыграла острая паранойя, но мысль о том, что Тацуэ останется здесь одна, была первой посетившей меня в тот момент. Видать, совсем недавний визит парней с забавными татуировками оставил в моем подсознании немалый отпечаток. За Хараду-сенсея и Гендо я не волновался так сильно лишь по одной причине - в отеле все еще были те "синепузые", которые нас охраняли. От них я удрал незаметно, оставив в полной уверенности, что дрыхну сейчас на дальней кровати в номере. Но тут поблизости лишних легавых не наблюдалась.

Девушка на мои слова прореагировала неожиданно правильно. Не стала задавать каких-то глупых вопросов, а только перестала улыбаться и очень серьезно кивнула. Бросив на нее короткий взгляд уже в дверях, я начал спускаться по лестнице.

- Сюда, пожалуйста, - официант-провожатый первым проскочил в открытую европейскую дверь, проведя меня по пустому служебному коридору.

Легкая прохлада дыхнула в мое лицо ночной свежестью. Задний двор ресторана был не так сильно выдержан в традиционном стиле, как фасад и убранства, но все равно довольно чист и украшен декоративным плющом, взбиравшимся вверх по стенам и аркам зарытых гаражных ворот, протянувшихся чередой по правую руку. Несколько желтых фонарей давали тусклое, но вполне приемлемое освещение, так что два силуэта, поджидавшие чуть в отдалении у самых стен, я приметил сразу. За моей спиной послышались тяжелые шаги. Ждать толчка в спину или удара в затылок мне не захотелось. Можно было, конечно, остаться стоять в дверном проеме, дождаться приближающегося человека и попробовать провернуть что-то в тот самый момент, когда он сунется. Однако, хотя здесь и не было зрителей, почему-то здесь и сейчас мне такой поступок показался неправильным. Может быть, от того, что я уже понял, кто это окажется, и потому в этой ситуации нужно действовать предельно "чисто".

Официант, втянув голову в плечи, и не рискуя оборачиваться на меня, порскнул между двух человек, замерших впереди. При этом брикет из нескольких сложенных купюр успел

в этот момент перекочевать из рук у одного из них в пальцы слуги, заманившего меня в этот капкан. Сделав пару шагов, я слегка развернулся так, чтобы видеть сразу и этих двоих и старшего из братьев Рёманмару, как раз появившегося в дверях. Не усидели, значит. Нашли, причем в первый же вечер. Хотя это понятно, я ведь завтра могу уехать, и уехал бы... Упорные все-таки гады. И, надо полагать, очень злопамятные. Не зря выходит Рюдзаки предупреждал меня насчет них... Шаркающие шаги официанта окончательно стихли где-то вдали.

- Чувствую, разговор будет откровенным и интересным, - заметил я, наблюдая, как Рёма-старший одним привычным движением скидывает на землю пиджак и разводит в стороны свои широкие плечи.

- Угадал, крыса приютская, - зло выдохнул через зубы самый младший из братьев.

- Ничего личного, чемпион, - свое последнее слово старший произнес с издевательской усмешкой и тут же поправился. - Хотя нет, ошибся я. В обоих случаях.

Один против трех? Не скажу, что это было так уж для меня непривычно. Скорее даже как раз наоборот. Минусы свои, конечно, в этой ситуации тоже присутствовали. Во-первых, мои противники, за исключением одного, были мне далеко не ровесниками. Впрочем, вчера в отеле меня подобное не слишком-то останавливало. Разумеется, будь здесь школьники, пускай и на несколько лет старше меня, ситуация вообще была бы чуть ли не тривиальная. Но не может все-таки все и всегда быть именно так, как тебе хочется. Вторым неудобным моментом было то, что меня сразу взяли в кольцо. Все время следить за своей спиной непросто, а в том, что по боевой подготовке и навыкам братьев Рёманмару существенно отличаются от обычных уличных бандитов, пускай и привычных к драке, можно было не сомневаться. Что ж, следующий ход оставался за сыновьями амакудари, а мне оставалось лишь стоять на месте, с силой сжав кулаки, да отслеживать глазами малейшее движение каждого из трех противников.

Впрочем, поначалу им удалось меня удивить. Когда Рёма-старший, избавился от удавки галстука, отшвырнув кусок материи куда-то в сторону, и двинулся ко мне, все остальные члены семейства так и остались стоять на своих местах. Неужели будут пытаться валить меня по очереди в одиночку? Кто-то может и скажет, что глупо, но в моих глазах статус этих парней сразу заметно вырос. Если они и вправду готовы расплачиваться за обиды, нанесенные дому, при этом придерживаясь неписаного

кодекса уличных правил для "настоящих мужиков", то, наверное, зря я был о них совсем уж такого паршивого мнения изначально. И ничего с этим не поделаешь, жизнь - штука сложная.

Я развернулся к бородачу, по-прежнему стараясь "фиксировать" остальных Рёманмару хотя бы боковым зрением, и приготовился встретить его атаку. Конечно, это была далеко не спортивная арена, и ничто не сдерживало моих возможностей для применения Силы, но я давно привык не разбрасываться ей в обычной жизни по каждому поводу. Нет, конечно, сразу зачерпнуть немного из незримого резерва не было лишним. Особенно с учетом трех прошедших дней чемпионата со всеми его трудными поединками и довольно чувствительными травмами. Но нагонять в свои мышцы такой уровень "энергии", чтобы сразу начать вырубать тут всех с одного удара, я точно пока не собирался. Равно как и задействовать правило "вероятности". Если Рёманмару пришли за честным боем, то я дам его, как минимум, просто из уважения к такому поступку.

Стремительный прямой в голову был не слишком хитрым и изысканным приемом, но зато в исполнении Рёмы-старшего отличался скоростью и тяжеловесностью. Обычно люди со слишком крупными мышцами вынуждены в обмен на физическую мощь терять ловкость и подвижность. Большое количество мяса делает крупного бойца менее шустрым, но в данном конкретном случае, мой противник явно был готов опровергнуть этот жизненный принцип. Бородач был могучим и быстрым, но все-таки недостаточно, чтобы ошеломить меня по-настоящему. Поймав атаку на верхний блок, я шагнул в сторону, избегая удара квадратным каблуком ботинка по колену, и пробил Рёме-старшему точно в открывшуюся подмышку. Совсем как несколько часов назад на турнире его младшему брату. Впрочем, здоровяк и не подумал сразу же отступать, попытавшись достать меня левым локтем в лицо прежде, чем я успел отскочить назад. Качнувшись назад, мне удалось уйти от удара и пнуть резвого громилу по голени, чтобы сбить дальнейшие попытки преследования.

Собственно, в этот момент я и понял, что рано приписал братьям излишнее благородство. Шорох движения за спиной мой обострившийся слух уловил в самый последний момент. Нырнув под размашистый удар кулаком, который едва не прилетел мне в затылок от второго по старшинству отпрыска бывшего замминистра, я ткнул ему локтем в живот, сбив его дыхание и едва не заставив откусить себе язык. Прежде, чем эта парочка успела закрыть "коробочку", мои руки ухватили Рёму-второго за воротник рубахи и распахнутую полу пиджака, после чего братец Дото по кривой траектории полетел в надвигающуюся фигуру

своего старшего сродственника. Их столкновение хоть и не привело к падению кого-то на землю, но зато замедлило обоих на нужные мне две секунды.

Последний из братьев оказался достаточно смелым, безрассудным или отмороженным, чтобы сунуться ко мне в этот момент в одиночку. Его молниеносным и очень техничным ударам не хватало достойной силы, но приличный тычок в плечо мне все-таки достался. Было бы не слишком обидно, но это было именно то плечо, что я вывернул в поединке с Соконом, и после столь успешного удара Рёмы-младшего оно снова начало отчетливо "стрелять" и подрагивать. Сбив дальнейший шквал первых атак, я отвлек парня ложной подсечкой и пробил свою фирменную двойку. Сначала короткий костяшками прямо в нижнюю челюсть, а затем могучий боковой локтем в висок, попросту снеся по дороге выставленный хлипкий блок. После такого, чтобы отправить качающегося Рёманмару, начавшего нетвердо переступать ногами, на долгий, но заслуженный отдых, достаточно было сместиться влево и просто несильно пихнуть парня в плечо, чтобы тут же забыть о теле, мешком распластавшемся на земле, и развернуться к двум остальным противникам. А бородатый вместе с "номером два" были уже на подходе.

Крутиться, отбиваясь от их совместных наскоков, с моим практическим опытом уличного мордобоя было практически несложно. Главное было, не дать зажать себя с обеих сторон одновременно и не пропустить никого к себе за спину. А попытки проделать нечто такое были предприняты неоднократно. Чувствовалось, что, несмотря на свое происхождение и статус, братья тоже совсем не новички в вопросах капитальной начистки чужих физий по темным подворотням.

Подловив бородача на очередном размашистом ударе, я провел встречную контратаку, впечатав ему свой кулак прямо в мясистый нос. Брызнула кровь. Рёма-старший, потеряв ориентацию, сделал рефлекторный шаг назад, а я в это время тоже отступил, чтобы уйти от нападения со стороны другого противника, но уже на максимальной дистанции успел наградить здоровяка пинком в живот. Пресс у бородатого был неплох, но силы моего удара и каши в голове у самого Рёманмару волне хватило, чтобы тот полетел на землю, получив в качестве сувенира отпечаток моего кроссовка на белоснежной рубахе, уже и без того украшенной россыпью багряных точек.

На какое-то время мы остались один на один с "номером вторым". Голова у парня варила на удивление быстро, и он сразу ушел в оборону, не меняя тактику даже, несмотря на все мои

попытки его разозлить и вынудить к более активным и глупым действиям.

- Что-то вы быстро слились, ребята! - качнувшись из стороны в сторону и обозначив две ложных атаки, я пробил элементарный прямой в грудину раскрывшегося противника. - Дото в одиночку куда лучше держался, чем вы втроем!

В глазах Рёмы-второго все-таки полыхнуло злостью. И, поддавшись на это мгновение своим эмоциям, он тут же пропустил удар сначала в правый глаз, а затем еще и "короткий догоняющий" в переносицу. Крутнувшись вокруг себя, я врезал в подставленный блок ногой на уровне груди и, за счет вращения и всей набранной инерции, просто грубо снес Рёманмару с ног, отправив к дверям-жалюзи ближайшего гаража.

Но не удалось мне даже дыхнуть, как о себе напомнил младший из братьев, успевший все-таки к этому моменту оклематься. Снова пришлось вспомнить о скорости и подключить рефлексы, отвечающие за прикрытие "слепых зон" со всех возможных направлений. В какой-то момент Рёма-младший отскочил от меня, явно готовясь показать нечто далеко неординарное, но я сам опередил его, припадая к земле и проводя "длинную" подсечку. В том, что у парня хватит реакции, чтобы увернуться, не стоило даже сомневаться. Но вот то, как он решил это сделать, оказалось для меня приятным подарком. Рёманмару не стал уходить назад или вбок, предпочтя подпрыгнуть на месте. Наверное, после этого он намеревался сразу продолжить то, что я прервал своим вывертом. Однако у меня на это были другие планы. Позволив телу по максимуму свободно повернуться вслед за правой ногой, я оказался на мгновение спиной к противнику, причем в положении присядь. Опершись на землю обеими руками и вновь подобранной под себя ногой, мне оставалось только обернуться через плечо, чтобы проконтролировать удар, и резко выкинуть вверх под углом свою левую нижнюю конечность. Моя стопа угодила точно в живот Рёманмару, все еще так и не успевшему опуститься обратно на твердую землю. Парня отшвырнуло от меня через половину заднего двора ресторана и приложило спиной о кирпичную стену. Несмотря на то, что буйный плющ заметно смягчил само столкновение и приглушил его смачный звук, младший брат Дото потерял сознание и хряпнулся на асфальт поломанной марионеткой, которая так больше и не попыталась подняться обратно.

- Сука! - с бешеным криком накинулся на меня "номер два".

От гнева его атаки стали быстрее и сильнее, но окончательно потеряли в качестве, став предсказуемыми просто до ужаса. На этот раз наша с ним стычка была совсем короткой и

завершилась тяжелой подачей в зубы. Выплюнув целое облако кровавых брызг и мелких осколков эмали, Рёма-второй снова улетел к гаражным воротам и покатился по земле.

- Значит, ты у нас, действительно, типа "очень крутой", - хмыкнув, заметил бородатый представитель семейки, поднимаясь в полный рост и вытирая большим пальцем кровавую кашицу у себя под носом.

- Твои слова, - я лишь пожал плечами, не меняя стойки.

- Ладно, крутой, посмотрим, надолго ли тебя хватит, - угрюмо прошипел бугай и ринулся на меня в своей обычной манере.

В который раз за сегодня, пускай и в малом, но одному из Рёманмару снова удалось меня слегка удивить. Несмотря на прошедший бой старший из братьев не растерял ни силы, ни сноровки, ни скорости. Перехватив мой первый и единственный выпад, громила провел на загляденье качественную "тройку", сумев в конце ощутимо зацепить меня по скуле. Под прямой удар коленом, учитывая разницу в росте, прилетевший бы мне по нижним ребрам, я успел подставить левую руку, но его сила и разгон, набранный тушей Рёманмару, были достаточно велики, чтобы отпихнуть меня на добрых пару метров. Удержаться на ногах, впрочем, получилось без особых трудностей, а вот на лице у противника нарисовалась довольная усмешка.

- Что устал, ублюдок? - Рёма-старший, видимо, начал полагать, что весь наш дальнейший поединок пойдет на равных. Очень наивно с его стороны.

- Не споткнись, умник, и сопли вытри, - сказал я в ответ, намекая на капли крови, все еще текущие из носа бородача, и привычно боднул оппонента взглядом исподлобья.

Новая капля Силы, пробужденная ото сна и призванная мной на помощь, окончательно загасили боль в суставах и мышцах, и без того ощущавшуюся притуплено, благодаря моей продолжительной и богатой практике в деле получения разнообразных побоев. Суставы пальцев на моих кулаках, сжавшихся еще сильнее, едва слышимо захрустели.

Рёманмару качнулся вперед, еще только делая первый шаг, и удивленно выдохнул, вдруг обнаружив, что я уже стою перед ним. Четыре удара в корпус уложились в одну секунду реального времени, а потом последовал смачный апперкот с хорошей такой оттяжкой. Бородатого заметно повело, и он начал отступать в глубину темного двора-аллеи, но я повис на нем мертвой бульдожьей хваткой, полностью оправдывая свое прозвище в додзё Харады-сенсея. Мои удары ритмично сыпались один за другим, удостаивая по очереди лицо, грудь, живот и плечи Рёмы-

старшего. В принципе, давно можно было закончить бой одной точной подачей в пах, но ситуация к подобному как-то не располагала, да и ноги свои я почти не задействовал. Противник, уже не успевая нормально защищаться, и только изредка пытался достать меня своими по-прежнему весомыми тычками, раз за разом разбивавшихся о крепкие блоки или вообще рассекавших лишь воздух. Выбрав момент, я поднырнул под новый замах, ухватился за плечо Рёманмару и, опираясь на него, подпрыгнул вверх. Несмотря на свое состояние, бородач успел отреагировать, но купился на ложный замах с моей правой. Рука еще только была вскинута к уху, когда я от души врезал противнику по лицу своим собственным широким лбом. Удар получился коротким, молниеносным и неожиданно мощным. У меня самого в голове загудели колокола, но зато руки Рёмы-старшего окончательно опустились и, сделав еще по инерции три шага назад, здоровяк с совершенно пустым взглядом рухнул сначала на колени, а затем с шумом повалился навзничь.

Уняв танцующие в глазах цветные круги, я огляделся по сторонам и обнаружил к своему удивлению не только "номера два", уже пытающегося подняться, опираясь одной рукой на ворота. Из узкого проема служебной двери ресторана на меня с эдаким насмешливым прищуром смотрела Тацуэ.

- Отошел на минуту, и тут же устроил очередной мордобой, - хмыкнула девушка, выходя во двор и осматривая панораму эпического поля битвы.

- Они первые начали, - как-то совсем по-детски вырвалось у меня.

- Ну, все, мудак, хватит! - прорезался тут представитель семейства амакудари, сумевший вернуть себе вертикальное положение.

Из-под полы пиджака в правой руке у Рёмы-второго со знакомым мне металлическим шелестом появился нож-"бабочка". Судя по озлобленному взгляду и поплывшим мозгам, окончательно выбитым не без моей помощи, действовал парень сейчас, вообще не думая о каких-то последствиях.

- Только дернись еще раз, мразь, и я твою девку на лоскуты порежу, - братец бедняги Дото с поразительной для своего состояния скоростью метнулся в сторону Тацуэ, очень так недвусмысленно поигрывая своим ножом. - Понял меня, сучо...

В этот момент Рёманмару полностью сконцентрировал свой взгляд на мне, и это оказалось его главной ошибкой. Нога Тацуэ со скрежетом вдавила голову парня прямо в матовые жалюзи ворот, находившихся за спиной у несчастного. Нож со звоном полетел на землю. Девушка опустила ногу, и "номер два" с

изумлением, застывшим во взгляде, сполз вниз безвольным мешком, оставив солидную вмятину в том месте, где его затылок коснулся металлических пластин.

- Придурок, - прокомментировала произошедшее каратистка.

- Думаю, нам пора уже покинуть, это гостеприимное местечко, - заметил я, сдерживая с некоторым трудом так и лезущую на лицо улыбку.

- К тому же, за сегодняшний ужин мы, похоже, можем и не платить, - добавила со своей стороны Тацуэ, все-таки заставив меня улыбнуться.

Выйдя со двора на одну из пустынных садовых аллей, мы продолжили путь, но только после того, как меня подвергли небольшому допросу и осмотру. К счастью, обнаружить что-то страшнее, чем свежую ссадину под глазом и в очередной раз снесенные к черту костяшки, у Тацуэ не получилось. Я в свою очередь тоже решил задать интересующий меня в немалой степени вопрос.

- И почему ты пошла за мной, а не осталась в зале?

- Назови хоть одну причину, по которой я должна выполнять твои приказания, - отрезала девушка совершенно безапелляционным тоном.

От взгляда, адресованного мне в этот момент, я аж закашлялся.

- Знаешь, это реально могло оказаться слишком...

- Опасно? - все также насмешливо перебила меня Тацуэ. - Ты про того идиота с ножом что ли? Не смеши. Неужели ты, думаешь, что он смог бы мне что-то сделать, даже не преврати ты его предварительно в кусок отбитого мяса?

- Там могли быть другие, и их могло быть больше, - получать от кого-то подобный отпор мне было слегка непривычно.

- Ты, конечно, выглядишь пугающе мило, когда пытаешься обо мне заботиться подобным образом, но давай все же не будем перегибать палку?

После такого заявления, мне оставалось лишь посмотреть в темные укоряющие глаза своей собеседницы и согласиться. Исключительно на словах, конечно же.

До выхода из сада, противоположного тому, через который мы попали в ресторан, нам удалось добраться довольно быстро. Впереди уже маячил высокие кирпичные столбы, обозначавшие проход в ограде, и снова стал слышен шум ночного города, когда из тени под тусклым фонарем возник еще один силуэт. Мы оба сразу остановились, а какой-то инстинкт, с щелчком сработавший

у меня в голове, заставил сделать еще полшага вперед. Так, чтобы находиться как бы между Тацуэ и "опасностью". А опасностью от этого человека веяло не просто сильно...

- Браво, браво, браво, - издевательски мелко хлопая в ладони перед собой, мой вчерашний знакомый с ледяным взглядом, щеголяя новым кремовым костюмом, вышел на свет. - Как я и ожидал, у братьев Рё не было ни единого шанса, даже втроем.

- Это ты навел их на меня, - вопросом с моей стороны это не было.

- Они попросили меня отыскать тебя, Моэ-кун, этим вечером, если ты покинешь отель, - якудза и не подумал что-либо скрывать. - Разослать по всем заведениям твое фото в наш век высоких технологий - работа несложная. А потом остается лишь ждать, откуда придет первый сигнал, - в бесцветном голосе этого человека почему-то слышалось нечто похожее на предвкушение и удовольствие. - К клубу братья не успели подъехать вовремя, да и не слишком удобное место там было, а здесь... Сам понимаешь.

- И с чего бы это хозяевам баров и клубов в этом городе так прогибаться под кого-то? - я намеренно добавил в свой тон изрядную долю наглости, сдобренной откровенным вызовом, чтобы полностью сконцентрировать внимание бандита сейчас исключительно лишь на своей персоне.

Кроме того, мой вопрос имел в себе и дополнительный смысл. Йокогама, сколько я себя помнил, всегда была территорией нейтральной. Здесь не заправляли Кланы, а "подать" шла напрямую членам Совета Старших Драконов. Любой якудза, будь он хоть фуку, хоть вакагасира, хоть сам оябун в своем собственном Клане, не посмел бы распоряжаться на нейтральной земле подобным образом, боясь навлечь на себя гнев Совета. А этот бандит не только делал это, но и не стеснялся говорить о подобном в открытую.

- Хм, знаешь, Моэ-кун, не вижу ни одного повода, почему бы людям, находящимся под моей непосредственной опекой, не помогать своему кумитё[5], - если бы на этих словах якудза улыбнулся, то я, наверно, и вправду бы вздрогнул.

- Ты - кумитё Йокогамы?

- И почему в первый раз многие так удивляются? - развел руками этот ублюдок. - Да, это я. Хьёгуро Риёдзи, кумитё этого славного сима.[6]

Внутри у меня все похолодело, и виной тому в этот раз был не взгляд проклятого якудзы. Кумитё Йокогамы. Главный смотритель, назначенный единогласным решением Совета, против которого ни у кого из них не нашлось возражений, а

значит, для каждого из них нашлось что-то у самого кандидата. Человек, скорее всего, напрямую подчиняющийся одному из "серых кардиналов" куромаку. Это... это было очень хреново. Хотя... Какого дьявола он здесь один и вообще ведет со мной эту беседу?

Свой мысленный вопрос я не преминул озвучить вслух.

- Как раз к этому моменту мы и подходим, Моэ-кун, - кумитё демонстративно покосился на Тацуэ, - вот только этот будет разговор не для чужих ушей.

Две мысли в моей голове столкнулись с лязгом и грохотом, подобно двум синкайсэнам, что на полной скорости встречно "расцеловали" друг друга. С одной стороны, якудза был прав абсолютно и полностью, и втягивать Тацуэ в любые дальнейшие дела, которые хоть как-то будут связаны с этим ублюдком и его занимательным окружением, мне сейчас совершенно не хотелось. По-хорошему, это было бы не только банально "неправильно", но и попросту глупо. Близких мне людей, вплотную замешанных в происходящем вокруг этого чертова финального боя и всего проклятого чемпионата, было и так непростительно много. Для окончательно полного комплекта только Коджимы теперь не хватало. В общем, здесь я с этим Хьёгуро был согласен. Но имелось тут и одно занятное "но"...

Отпускать Тацуэ в такой момент был рискованно ничуть не меньше. Где гарантии, что этот урод и те три засранца, что отдыхают на заднем дворе ресторана, действительно все, кто заявился меня проведать? Где-то в этом парке или даже за его оградой вполне может поджидать целая бригада татуированных верзил, которые изначально получили самые развернутые и детальные указания. Я слишком хорошо знал якудза и методы, которые они без стеснения использовали для достижения собственных целей, чтобы в ситуации, подобной этой, так просто взять и отпустить Тацуэ в неизвестность. Пока она рядом со мной я хотя бы могу быть уверен, что сначала сдохну сам, прежде чем допущу, чтобы с ней случилось что-то по моей же вине. У такого человека, как кумитё Йокогамы, вполне хватит ума и коварства, чтобы использовать против меня одно из моих слабых мест, стоит мне только намекнуть на отказ от его еще не прозвучавшего предложения. Причем действовать он будет, наверняка, быстро и грубо, на самом примитивном, и в тоже время самом эффективном уровне. Недавний эпизод, в котором один из братьев Рёманмару дернулся в сторону брюнетки с ножом, до сих пор обжигал мою память ничуть не хуже, чем тот раз, когда я увидел в окно зрелище одной погони на нашем школьном

стадионе.

Я не мог рисковать. И не мог принять решения... А времени на это не было совершенно.

- Тацуэ...

- Тебе напомнить, что я не собираюсь выполнять твоих приказов? - хоть и с усмешкой, но и с заметным напряжением раздался голос девушки у меня за спиной.

- Не, не стоит, - я покосился на каратистку через плечо, ловя ее уверенный и лишь совсем немного обеспокоенный взгляд. - Я лучше побуду таким же умным, как твой сенсей, и оставлю право конечного выбора за тобой.

- И это будет правильно, - улыбнувшись, Тацуэ кивнула с довольным видом, после чего посмотрела уже на Хьёгуро. - Я остаюсь.

- Хм, - якудза внешне безразлично пожал плечами, но льдистые искры в его глазах на пару мгновений ярко блеснули. - Как хотите, но после не обижайтесь.

- Не стоит так волноваться на этот счет, - поджала губы девушка, а мое внимание вновь оказалось полностью сосредоточено на кумитё.

- Итак, к чему весь этот балаган от начала и до конца? - в тишине окружающего нас парка мой вопрос прозвучал приглушенно с едва заметным глухим рычанием.

- Начало этому положили четверо молодых идиотов, которых ты, Моэ-кун, сегодня за два захода уложил сначала одного на спортивное татами, а затем еще трех и на очень жесткую землю, - якудза кивнул на серую плитку у себя под ногами. - Дело в том, что тотализатор нынешнего чемпионата был подготовлен уже давно, но внезапное появление в турнирной сетке Рёманмару Дото оказалось весьма не к месту. Но что поделать? Мальчику очень захотелось титул, а его папа со своими друзьями изыскал нужные рычаги, чтобы этому не стали мешать другие заинтересованные лица. Разумеется, это привело к тому, что многие ставки были сразу изменены в пользу будущего чемпиона, после чего была проведена вся соответствующая и необходимая "подготовительная" работа.

- А если ближе к сути, - выслушивать все подробности того, как организуют дела теневые букмекеры Йокогамы, мне было совершенно неинтересно. Я и так это знал неплохо, а о чем не знал, так точно догадывался.

- По сути, все шло как надо, до того момента, как ты, Моэ-кун, попал в группу финалистов в своей категории по результатам отборочных испытаний, - ответил Хьёгуро. - Можешь не волноваться, подстав там не было, и до финала ты дошел

своими силами. При этом многие большие игроки болели за тебя совершенно искренне. Но потом ты вдруг проявил несговорчивость, которой никто не ожидал, и более того, сумел продемонстрировать свою способность защитить слово делом. Не заинтересуйся я тобой еще раньше, то после тех событий обратил бы пристальное внимание уж точно.

- И с чего вдруг такое счастье? - мне совершенно не нравились намеки, которые бросал кумитё, и тот вкрадчивый тон, которым он их делал. Мастерски жонглируя словами и фразами, якудза определенно пытался выстроить вокруг меня какую-то "сеть из выводов и рассуждений", что не позволит мне в будущем соскочить с крючка. - Не помню, чтобы мы когда-либо прежде встречались. А в старшей школе Изясо есть некоторые экземпляры и более приметные, чем я.

- Да, лично мы не встречались, - кивнул Хьёгуро. - Но это не мешало мне по некоторой причине присматривать за тобой, Моэ-кун. И когда ты на моих глазах подтвердил все, что я предполагал, то... - якудза развел руками.

Нет, не зря я все время так странно ощущал этого ублюдка. Предчувствие опасности тогда перед дверью номера, и вот сейчас. Это было не такое ощущение, как например, в случае с Коджимой или с серыми костяными уродами, но определенно что-то похожее. Хьёгуро тоже носил в себе частицу Силы... и прекрасно знал об этом. Более того, он знал или, как минимум, догадывался, что у меня она тоже есть. Причем, даже раньше, чем мы встретились тогда в гостиничном номере. Но как? Проклятье...

- Весьма польщен, - не сдержавшись, процедил я с легким презрением. - Но там было что-то насчет предложения?

- Верно, - в своей неизменной лишенной эмоций манере кивнул кумитё. - Однако сначала, небольшая обрисовка ситуации, в которой ты оказался, по итогам всех этих событий. Для большей наглядности, так сказать.

- Хочешь продемонстрировать мне, что все еще хуже, чем кажется?

- Судить об этом тебе, - якудза демонстративно принялся загибать пальцы. - Ты лишился титула чемпиона и на четыре года отстранен от участия в любых соревнованиях. Но это, полагаю, для тебя далеко не самое главное. Зато твой учитель и его школа оказались под огромным штрафом и в центре большого скандала. Поверь, как бы ни пыжились друзья твоего мастера, люди в ассоциации сумеют дать им достойный отпор, а, в самом крайнем случае, они прибегут за помощью к таким, как я. И у нас не будет весомых причин, чтобы отказывать им. Третье. Мне удалось организовать все так, чтобы хозяева тотализатора смогли вернуть

свои деньги, но только лишь вернуть, и слегка поплатиться за это своей репутацией. Так уж вышло, что виноватым во всем они тоже считают тебя.

- Почему же только меня? - складная позиция, которую занимал этот скользкий хорек, начинала потихоньку выводить меня из себя. - Разве не ты помогал им в этом? Разве не тебя попросили решить вопросы договоренностей со мной? И весь этот топорный ход с допингом, скажешь, тоже не твоих рук дело?

- Я сделал лишь то, о чем меня попросили, - хмыкнул якудза. - Организовал встречи, договорился с нужными людьми, помог в работе на территории своего сима. Когда те, кто обратился ко мне, испугались и поняли, что могут потерять все свои деньги, то они снова попросили меня помочь. Помочь им сохранить их деньги. И я помог. Сохранить, но не преумножить. Все остальное, грубо сшибая на своем пути препятствия и запрещающие знаки, за меня проделал один юный, упертый и очень горячий мальчишка, который в итоге и загнал себя в собственноручно же вырытую яму. И даже вся эта ситуация с семьёй Рёманмару не могла бы быть более плачевной, чем сделал ее ты, Моэ-кун.

- Только не говори мне, что тебе жалко этих уродов.

- Ничуть, - отозвался Хьёгуро. - Они тоже попросили меня помочь, и я помог. А то, что у них ничего не вышло - проблемы самих Рёманмару. И твои, конечно же, Моэ-кун. Стоило ли сомневаться, что ты не позволишь этой троице избить себя и по полной программе насытиться местью, восстановив поруганную честь их брата и всей семьи, как они сами истолковали твою показательную победу в финале? Нет, ты расправился с ним так же, как и с Дото. Но братья Рё не из тех, кто прощает обиды. И это пункт номер четыре. Они и дальше будут мстить тебе, наверняка, не столь открыто и благородно, как попытались проделать это в первый раз. Будут мстить до полного своего удовлетворения, не гнушаясь уже ничем, и не забывая о том, что слабости есть даже у самого сильного, - на мгновение холодные глаза кумитё покосились в сторону Тацуэ, а я от злости больно прикусил себе изнутри щеку.

Якудза был прав, прав во всем. В этой поездке я на полном ходу, не сбавляя скорости, влетел в самое большое и вонючее болото, какое только сумел найти. И если выбраться из него самостоятельно у меня бы еще получилось, то вот другие люди, которых я затащил вместе с собой, оставались, по-прежнему, под ударом. Продолжать дальше идти напролом не имело смысла. Что я могу? Набить еще несколько рож да пожаловаться "синепузым", но это не избавит ни меня, ни других от тех же

Рёманмару и нападков ассоциации. Да даже оставь я сейчас позади себя в аллее три бездыханных тела, это лишь окончательно бы ухудшило ситуацию, но не исправило бы ее. Однако так вышло, что решать вопросы по-иному я никогда не умел, а извиняться... Перед кем и за что?! Перед всей этой сворой бандитов и папенькиных сынков?! За то, что просто отстаивал свои принципы и не стал ни перед кем прогибаться?!! К"со! Ради того, чтобы обеспечить спокойное существование Хараде-сенсею, Тацуэ и всем остальным, я даже на это сумел бы пойти, но, похоже, уже слишком поздно. Или нет? Впрочем, кажется, мой новый знакомый тоже имеет что-то сказать по данному поводу.

- Твое нынешнее положение довольно паршивое, Моэ-кун. Но, так получилось, что перед тобой сейчас стоит человек, который умеет решать подобные трудности. Стоит лишь его попросить об этом.

Мышеловка захлопнулась. Вот теперь мне действительно все становилось понятно. Ему и вправду не нужно было прикладывать особых усилий. Лишь присматривать со стороны, делать незначительные корректировки, да снимать свои сливки. Хьёгуро получал свой выигрыш при абсолютно любом развитии событий, как бы ни поступал в них я или все остальные. За моей спиной Тацуэ отчетливо выругалась, правда, шепотом.

- И что же именно ты можешь? - вырвалось у меня.

- Для начала, я могу, например, слегка притушить негодование больших людей и помочь им позабыть о твоей персоне, - не нужно было быть тонким психологом, чтобы заметить выражение явного довольства даже на столь безжизненном лице, как у кумитё Йокогамы. - Потом, убедить главу семьи Рёманмару, что ему не пристало столь сильно и столь часто потакать во всем своим обожаемым сыновьям. И поверь, к моим словам он прислушается. Потом очередь вполне может дойти и до взаимоотношений между любительским клубом города Изясо и прекрасно знакомой тебе ассоциацией спортивных единоборств. Я почему-то искренне верю, что все штрафные санкции и обвинения очень быстро подвергнутся пересмотру. Особенно если пресса и дальше продолжит развивать шумиху, а несколько человек из соответствующего министерства, что записаны в моем телефоне, получат пару-тройку звонков.

Услышав последнее, я даже невольно хмыкнул. Похоже, Хьёгуро опять собирался лишь немного откорректировать события, но все равно ставил мне это "обязательной" услугой со своей стороны в нашей с ним сделке. Исход скандала был пока еще довольно спорен, но кумитё давал гарантии, что дело разрешится к всеобщей выгоде. И, наверняка, это, в любом случае,

ему вскоре и так поручит сделать Совет Старших Драконов. Учитывая то, как любит японское общество, особенно высшие чины, когда громкие дела заминаются и пропадают из сферы внимания широкой публики, то такой исход почти неизбежен. А взаимное удовлетворение сторон и полное "расхождение бортами" станет в такой ситуации просто-таки идеальным завершением. Причем не только для ассоциации и Кланов, но и для додзё Харады-сенсея. Все участники и все, кому нужно, будут знать правду. Все, кто захотят ее узнать, легко сумеют это сделать. Зато формально каждая сторона сохранит лицо, и вернется к своим обычным занятиям.

- Даже боюсь спросить, что потребуется в обмен на такую заботу? - я продолжил сверлить якудза своим тяжелым взглядом.

- Прежде всего, конечно, молчание, - ответил Хьёгуро, вновь посмотрев на Тацуэ. - И, по большому счету, больше ничего, - я намеренно промолчал, ожидая продолжения такого пассажа, и оно последовало. - Как-то еще очень-очень давно, когда я только делал первые шаги навстречу нынешнему своему положению, человек, которого звали Одавара Дзюбей по прозвищу Канагавский Ястреб, спас мне жизнь, Моэ-кун. Дважды. Считай, что это мой своеобразный способ вернуть ему этот долг, пускай, и несколько запоздало.

- Только лишь и всего? - в первое заявление кумитё я не поверил и на секунду.

- Ну, почти, - не стал меня разочаровывать Хьёгуро. - Уже через два года ты закончишь школу. А когда это случиться, то вернешься сюда, в Йокогаму, - на губах якудза впервые появилось нечто, отдаленно напоминавшее улыбку. - И станешь тут работать. На меня.

Значит, с первым своим выводом я все-таки не ошибся. Я и моя Сила интересовали этого ублюдка куда больше, чем "старый долг" моему папаше и что-то там еще. Он не стал говорить о таких вещах в открытую при Тацуэ, но возможно, не стал бы делать этого, даже будь мы один на один. А вообще, якудза сделал идеальный ход, стоит заметить. Если все выгорит, то я сразу стану должен этой сволочи так много, что никакого выбора у меня попросту не останется. А он, в свою очередь, прекрасно это знает, похоже, действительно неплохо изучив мой характер еще задолго до этого разговора.

- Согласен.

- Моэясу!

Я резко обернулся к Тацуэ и покачал головой.

- Извини, но сейчас это уже мое и только мое решение, - я снова повернулся к довольному якудзе и добавил. - Но только,

если ты сумеешь устроить все так, как обещал. А, кроме того, у меня есть дополнительные условия.

- Я удивился бы, если бы они у тебя не возникли, - Хьёгуро не стал возражать.

- Человек, который был тогда в номере вместе с тобой, - я намеренно не стал говорить про выстрел, сохраняя эту подробность в тайне от своей спутницы. - Тот, что пытался убить меня и Гендо с Харадой-сенсеем... Отдай мне его.

Не знаю от чего, но на моих последних словах по парку вдруг с силой пронесся порыв промозглого ветра. Девушка, стоявшая рядом, посмотрела на меня преобразившимся взглядом, и даже "ледяной" кумитё на какое-то мгновение вздрогнул.

- Хм, - кажется, якудза погрузился в раздумья на тему того, не получится ли повязать меня еще больше за счет пролитой крови упомянутого хисё, и с явным сожалением пришел к выводу, что по какой-то причине это все-таки невозможно. Впрочем, ответ его прозвучал безупречно. - Не стоит так сильно заострять внимания на этой личности, Моэ-кун. К тому же, этот человек уже вскоре понесет заслуженное наказание, причем не только за свою небрежность и несдержанность.

Похоже, хисё не был человеком Хьёгуро. Наверное, его посылали те люди, которых этот гад "консультировал", и поэтому не представлял для кумитё Йокогамы никакой заметной ценности. А значит, исходя из слов последнего, не стоит и сомневаться, что ближайшее подстава, которую по случаю решит организовать Хьёгуро, обернется не лучшим образом для одного любителя пистолетов с глушителями. Однако...

- Я хочу быть уверен.

- Если я скажу, что употребление наркотиков в большинстве высших Кланов до сих пор считается недопустимым проступком, тебя это устроит? - поинтересовался в ответ мой собеседник, делая прозрачный намек.

Да, в разных мелких группировках и всяких бандах катаги, типа босодзоку[7], на подобные "прегрешения" давно смотрели сквозь пальцы. Но среди тех якудза, что еще считали себя наследниками древних традиций, подобное преследовалось по всей строгости.

- Устроит.

- Превосходно, - кивнул якудза. - Кстати, Моэ-кун, забегая немного вперед, сразу намекну тебе еще и на то, что по итогам всех разбирательств в отношении вашей дисквалификации с чемпионата, люди, занимающие разные высокие в Ассоциации, будут, вероятнее всего, вынуждены оставить свои места. Как минимум, для сохранения престижа организации.

- Понятно.

Хитрый ублюдок. Ты ни за что не отвечаешь и не принимаешь решений. Ты лишь даешь всем советы, а выбор, как поступать остается за ними. И последствия своих решений они тоже вынуждены расхлебывать сами. К твоей вящей выгоде. Да, теперь я точно верю, что ты кумитё Йокогамы.

- Хорошо, что мы так удачно обо всем договорились, - якудза с демонстративным видом оттянул белый рукав своего пиджака и посмотрел на часы. - Жаль, что время сейчас довольно позднее. Ведь, как мне помнится, завтрашний поезд, следующий в направлении Нагаоки, отправляется с токийского вокзала ранним утром. И вам, ребятишки, стоит поторопиться, если хотите немного поспать.

Склонив голову влево, Хьёгуро одарил меня еще одним изучающим взглядом.

- Я рад, что не ошибся в тебе, Моэ-кун. Более того, кое в чем ты превзошел даже самые смелые мои ожидания. Очень надеюсь, что встрече, запланированной нами в будущем, ничто не сможет помешать. А, кроме того, я всегда буду рад видеть тебя в моем городе.

Узкий прямоугольник пластиковой визитной карточки, будто выпорхнувшей из пальцев у Хьёгуро, рассек воздух в моем направлении. Моя рука на чистом рефлексе дернулась, чтобы перехватить визитку. На белой поверхности только лишь с одной стороны была выдавлена череда арабских цифр. Стационарный телефонный номер. Ни имен, ни адресов, ни чего-то еще. В принципе, ничего из этого здесь и не требовалось.

- Еще увидимся, - произнес якудза, уже повернувшись и двинувшись неспешным шагом к проходу в кирпичной ограде.

Ничего, что мне хотелось бы ответить на это, в мою голову так и не пришло.

Обратно в отель мы возвращались в каком-то странном подавленном настроении и слегка гнетущем молчании. Ровно до того момента, когда Тацуэ снова не взяла меня за руку.

- Не знаю, насколько правильно ты поступил, но ты ведь пошел на эту сделку не для себя, а для других, - кажется, брюнетка была сильно обеспокоена мои душевным состоянием, и для меня подобное отношение было немного необычным.

- Я - идиот, - хмыкнул я, покосившись на девушку. - Стоило мне вчера пойти на другую сделку, на ту, которая была бы только ради себя, и ни у кого вообще не возникло бы этих проблем. А я к тому же остался бы еще и при солидном выигрыше.

- Ты в этом так уверен?

Я снова невольно усмехнулся, удивляясь тому, как быстро эта девчонка научилась меня читать. Ведь всего пару дней, как знакомы, а видит меня насквозь.

- Совсем не уверен.

Стоили ли слезы счастья в глазах у Харады-сенсея, когда я одержал победу в финале, того, что ему пришлось пережить чуть позже, и той кабальной вассальной присяги, которую я, по сути, дал одному татуированному негодяю? Честно, не знаю. И боюсь, уже поздно что-либо менять. Каждое решение влияет на дальнейшую жизнь и нужно уметь принимать последствия своих поступков. Невеликая истина, даже для парня моих годов. Но не зря ведь есть поговорка, что самые сложные вещи в этом мире всего лишь набор из более простых и примитивных. Важно лишь то, как сам человек смотрит на них.

- Но одно уж точно - жалеть о своих поступках я не собираюсь!

- Вот таким ты мне больше нравишься, - улыбнулась теперь уже и Тацуэ.

- А мне казалось, тебя привлекли во мне моя угрюмость и нелюдимость.

- Скорее, умение выпятить эти качества на первый план, чтобы скрыть свои достоинства.

- Ну вот, дожился, подобные комплименты от девушек стал получать.

Гостиница и сияющая полусфера спорткомплекса уже были всего в квартале от нас, когда мы остановились в тени отбрасываемой деревьями, высаженными вдоль улицы. Где-то в стороне переливался красками морской залив и оставленный на той стороне канала район развлечений, а мимо в обе стороны неторопливо продолжала течь живая река прохожих.

- Знаешь, в тот момент, когда ты предъявил ему свое... требование, я действительно на несколько секунд испугалась, - призналась мне Тацуэ. - Ты тогда стал по-настоящему страшным, опасным и каким-то безжалостным.

- Все-таки, выходит, что во мне не только достоинства скрытые имеются... - попытался я мрачно отшутиться, но девушка перебила меня, не дав договорить.

- Нет. Ведь потом, я поняла, отчего ты потребовал именно это, что было причиной.

- Его поступок я не смогу простить, и раз он вытащил оружие, то должен был быть готов заплатить за свои действия полную виру, - я далеко не был уверен в том, что Тацуэ на самом деле поймет все до конца, но снова ошибся.

- И ты не мог показаться слабым перед тем человеком, с

которым заключал свой договор. Это не было сведением счетов, это было личным предупреждением для него.

- Хорошо бы, чтобы он это тоже понял.

- Мне кажется, он и без этого знал все заранее, - заметила девушка.

- И как я этого не хотел, но не впутывать тебя во все это, у меня так и не получилось.

- Это было мое решение.

- Думаешь, этот аргумент способен хоть немного затупить зубья пилы, которую активно уже начала использовать моя мужская совесть? - ответил я, хмуро прищурившись.

- Я думаю, что если бы такое было возможно, то ты бы не смог так сильно мне нравиться, - ответила на это Тацуэ с хитрой улыбкой.

Ну, что тут скажешь еще. И пускай, я, по-прежнему, совершенно не знал тех последствий, которые принесут мне сегодняшние поступки и разговоры, но в одном был уверен точно. Долгий чувственный поцелуй, подведший итог нашей беседе и всей прогулке, стал для этого вечера просто отличнейшим завершением.

* * *

События всех дальнейших дней, связанные с завершившимся чемпионатом, развивались стремительно и очень бурно. Мне со своей стороны оставалось лишь тихо порадоваться оперативности этого ублюдка Хьёгуро. Впрочем, очень может быть, что вся эта цепочка была спланирована им давно и заранее, и от кумитё Йокогамы требовалось только лишь спустить метафорический курок. Не стоит забывать, что в целом уровень возможностей у этого типа, скорее всего, был на порядки выше, чем я даже мог себе представить.

В общем, звонки на мобильный телефон Харады-сенсея начались буквально с шести утра, когда мы все еще мчались по скоростной железнодорожной магистрали в направлении нашего любимого городка. Звонили седому мастеру сразу все: сволочи из спортивной ассоциации, Сунегехара-сама и друзья сенсея из числа тренеров и владельцев додзё, обещавших вступиться за нашу школу после турнира, задействованные ими же чиновники из министерства, "синепузые", журналисты и даже какие-то совсем уже посторонние люди, непонятно как раздобывшие этот номер. По не слишком-то информативным обмолвкам Харады, нам с Гендо удалось понять, что, несмотря на наше отбытие, настоящая "каша" вокруг моей дисквалификации и итогов чемпионата только начала серьезно завариваться. И меньше всего данному факту радовалось именно руководство ассоциации. Однако не стоило забывать и том, что мы все-таки в Японии, а не где-нибудь в Европе или Америке. А значит, не раздувать слишком большой и звонкий скандал в первую очередь постараются именно те, кому выпадет участь наводить порядок и блюсти справедливость. Правила и традиции, мать их...

Забегая вперед, скажу сразу, что история завершилась спустя почти месяц и примерно так, как я и рассчитывал. Ассоциация существенно подмочила свою репутацию, а многие ее члены из самых больших и теплых кресел вынуждены были написать заявления о сугубо добровольном оставлении своих постов из-за "внезапных проблем со здоровьем" и прочих "семейных трудностей". Все штрафные санкции с любительского клуба дзюдзюцу города Изясо были благополучно сняты, запреты отменены, а неоднократные извинения принесены как от лица организаторов турнира, так и от министерских чиновников. Впрочем, титул мне так и не вернули, но с моей точки зрения это была невеликая плата за все остальное. Да и нам с Харадой-сенсеем к тому моменту было на это глупое звание глубоко

наплевать. Имя и репутация школы были отмыты от грязи, а тот факт, что это все-таки я был победителем на тех соревнованиях, не было секретом ни для кого из тех, кто хоть немного интересовался происходящим в сфере боевых единоборств.

Полицейское расследование по факту инцидента в гостинице продлилось значительно дольше, но ожидаемо зашло в тупик. Хотя официально ёрики все-таки сумели отыскать стрелявшего в нас человека. Только он к тому времени был уже мертвым и готовился с перерезанным горлом отплывать на барже в компании нескольких тонн мусора, который использовался для насыпных работ искусственного острова Одайба. Признаюсь честно, особой грусти это сообщение от знакомого нам инспектора у меня не вызвало. Хьёгуро оказался верен своему слову и это, по крайней мере, стало для меня в его образе первым положительным штрихом. Впрочем, пересекаться с этим якудза хотя бы до конца своей учебы мне совершенно не улыбалось. А там посмотрим...

Возвращение в Изясо прошло без особо помпезных фанфар или чего-то такого, хотя на вокзале нас и встретила небольшая толпа учеников из додзё во главе с Шуто. Я в этот день справедливо решил забить на учёбу и, едва добравшись до общаги, завалился дрыхнуть. А выспаться после вчерашней, богатой на события, ночи и раннего утреннего подъема мне точно не помешало. А заодно и набраться сил. На носу была уже предпоследняя учебная неделя в этом семестре, а Харада-сенсей, немного смилостивившись, дал мне сразу несколько "отгулов" до следующего понедельника, и грандиозные планы на внезапно появившееся свободное время у меня уже имелись.

Едва миновало время окончания шестого урока, как в мою комнату ворвался небольшой ярко-рыжий и очень нахальный торнадо, который разбудил меня самым наглым образом и сразу устроил допрос с пристрастием. Честно говоря, видеть, что с мелким по-прежнему все в порядке, ничего экстренного в мое отсутствие не случилось, и Сагами-сан, похоже, полностью выполнил свое обещание, мне было приятно. Хотя от голоса Коджимы, не прекращавшего звонко сыпать вопросами и пытавшегося выведать все подробности моей поездки, голова спросонья начала раскалываться уже на второй минуте. Поскольку вслед за трещащим черепом голос стал подавать еще и ворчащий желудок, то пришлось срочно одеваться и отправляться на поиски пропитания в ближайшую лавку, прихватив рыжика с собой за компанию. По дороге туда и обратно, а также во время последовавшего за этим "позднего обеда - раннего ужина" я и рассказал мелкому о своих приключениях. Причем, надо

отметить, Коджима узнал обо всем гораздо больше, чем например, Харада-сенсей, но тоже далеко не все. Например, о своей встрече и сделке с Хьёгуро рыжий от меня так ничего и не услышал. Незачем ему это знать, и вообще в это дело лезть. А вот про то, что братья Рёманмару умудрились в полном составе получить от меня по рожам, я скрывать не стал, потому как и не собирался вообще-то этого делать, если бы кто-то спросил. Что-что, а беречь "поруганную честь" этой семейки никто не нанимался.

На самом же деле, больше всего Коджиму, уже собравшему кое-какие слухи и сплетни о моем визите в Йокогаму, интересовала совершенно другая тема. А именно, причины моей дисквалификации в той части, что касалась употребления стероидов и иных препаратов. Пришлось, наверное, раз десять заверить парня, что ничего из этой медицинской дряни я не употреблял, не употребляю и употреблять не собираюсь. То, что сей факт рыжика весьма расстроил, как он не пытался этого скрыть, я заметил прекрасно. Оно и понятно, уж кто-кто, а Коджима точно не упустил бы шанса, так сказать, с дозволения старшего товарища получить что-то "на халяву". По части "схалтурить" парнишка был большим специалистом. Пришлось даже немного надавить на него своим авторитетом и припугнуть на тему того, что может сделать со своим учеником Харада-сенсей, если узнает, что тот стал колоть себе какую-то "простоквашу" или жрать "нелицензированные" витаминные добавки. Искренне надеюсь, что мой посыл достиг нужного адреса в голове у мелкого.

* * *

На занятия во вторник я выполз с большой неохотой, скорее в силу привычки. Все-таки две пары физики в середине дня и контрольный тест по биологии, где нам должны были дать поиздеваться над дохлыми земноводными, обещали быть достаточно интересными. Одноклассники встретили мое появление без особых бурь восторга и прочих эмоций, ограничившись привычным настороженным молчанием, но меня, как ни странно, это сейчас устраивало более чем. Все-таки та эмоциональная нагрузка, которую я получил после развеселых выходных на побережье Токийского залива, похоже требовала хотя бы недолгого пребывания в зоне "социальной тишины". И завтра я намеревался продолжить свое "самолечение", плюнув на уроки и отправившись по собственным делам. Прежде всего, надо было навестить и поблагодарить настоятеля одного маленького

храма в еловом лесу, а во-вторых, еще прошлым вечером мне на телефон пришло сообщение от одной барышни из Нагаоки с предложением встретиться после занятий. Так что, к дьяволу всю завтрашнюю историю, географию и прочую муть! Пора и в самом деле отдохнуть, благо все мои "предчувствия" по этому поводу молчат себе тихо в тряпочку.

Неожиданное веселье (ну, сугубо в моем понимании) началось во время первой перемены и продлилось вплоть до конца учебного дня. Первым нежданным гостем, заглянувшим в наш класс, стал верзила Маки, который, как я заметил, уже почти не хромал. Не обращая особого внимания на всякие встревоженные взгляды, бросаемые в его сторону моими притихшими одноклассниками, здоровяк добрался до моего углового стола на последнем ряду и... принес мне свои поздравления в связи с победой на юношеском турнире. Причем проделал он это с максимально серьезным лицом и совершенно искренне. Честно признаться, я даже на пару секунд растерялся, но виду удалось не подать. Предельно сухо поблагодарив Маки в ответ, мне, однако, пришлось напомнить ему, что по правде официальную победу на турнире мне одержать все же не удалось.

- А я с официальной победой и титулом тебя и не поздравляю, Угрюмый, - верзила глухо хмыкнул, сверкнув новым зубом из нержавейки. - Я тебя поздравил просто с победой, и все.

И, как вскорости оказалось, Маки был сегодня отнюдь не последним, кто заглянул меня поздравить с той самой "просто победой". В течение следующих трех перемен и, конечно, на большом перерыве в обед в наш класс последовательно заявились все парни, которые в прошлом или сейчас занимались в додзё Харады-сенсея. И каждый из них, ничуть не играя, проговаривал практически один и тот же текст, после чего, кто церемонно, а кто эдак с усмешкой, отвешивал положенный полупоклон и выметался прочь. Стоит заметить, что глаза моих одноклассников, округлявшихся с каждым новым разом все больше, меня порядком развеселили в душе. И ничуть не меньше доставили мне удовольствие визиты наших самых боевитых девчонок, в том числе даже из классов постарше. Некоторые намеки в тех коротких беседах были очень уж откровенными. Правда, не стоило забывать, что связываться с этими стервами могло оказаться себе дороже. Характерами по большей части они не далеко ушли от легендарной Ехидны, да и парни у многих из них, причем тоже отнюдь не из числа прилежных отличников, и с которыми в любом случае придется "решать вопросы", тоже имелись. Впрочем, мне, по понятным причинам, было на них пока совершенно параллельно. Уж не знаю, как там в реальности, а в

моих глазах ни одна из них даже близко не выдерживала сравнения с Тацуэ.

Разумеется, ничего официального по итогам своей поездки на чемпионат от руководства школы я не ждал, тем более что директор и его заместитель, скорее, с радостью поверили бы в историю о допинге, чем в подставу. Но, к моему еще большему удивлению, в самом конце обеда, когда я возвращался в класс, меня отловил наш школьный физрук. Отношения у нас с этим мужиком были натянуто-нейтральными, но вообще, этот учитель был неспроста приписан именно к нашей "особой" школе, и даже пользовался некоторым авторитетом среди учащихся.

- Моэясу-кун, я слышал, ты не слишком удачно в Йокогаму-то съездил, да? - начал издалека преподаватель, жестом предлагая мне отойти к окну.

- Нормально, - буркнул я в ответ и сам кивнул на часы, висевшие на стене коридора, как бы намекая, что до начала занятий всего минута осталась.

- А, да, - физкультурник почесал свою недельную щетину на квадратном подбородке и, видимо, решил, что и в самом деле не стоит разводить чайных церемоний. - Ты это, короче, если надо будет, можешь на мои занятия пока не ходить. И в следующем году тоже. Ну, пока занимаешься у Харады-сана.

Этот "подарок" был, конечно, чисто символическим, если бы мне вдруг захотелось, то на уроках физкультуры я бы и так не появлялся бы, но поблагодарить учителя коротким кивком за его "щедрый жест" мне ничто не мешало.

- Вот и уговорились. И это, когда увидишь Хараду-сана, то мое почтение ему передавай, - закруглил разговор мой собеседник.

Появление после всего этого в классе одного из парней одноглазого Тори для меня особой неожиданностью уже не стало. Равно как и "приглашение" немедля спуститься в подвал, где квартировал наш школьный клуб кендошников, чтобы "перетереть". Я впрочем, не смотря на хорошее настроение, остался верен своей обычной позиции в таких ситуациях.

- Ему надо - пусть сам приходит, - бросил я побагровевшему "вестовому" и отвернулся к окну, демонстративно теряя к гостю всяческий интерес.

Свое положение человека самостоятельного, никому неподчиненного и при этом далеко не последнего в обычной школьной иерархии, я заработал за три с лишним года отнюдь не легким трудом. И выбивать камни из-под основания того столпа, на который я уселся, срываясь по первому "свистку" предводителя одной из школьных банд, пускай и самой сильной, мне было

никак не с руки. Я догадывался, что Тори, скорее всего, в очередной раз предложит мне место "правой руки". Человек с репутацией "чемпиона дзю-дзюцу" усилил бы его команду невероятно, не говоря уже о том, что мое имя и само по себе кое-что значило в этих стенах. Но примыкать к любителям деревянных мечей я не собирался, как впрочем, и к кому-то еще. А потому мой грубый ответ должен был стать для Тори отчетливым сигналом, сразу расставляющим все нужные точки. О том, что на этот раз я немного ошибся в просчете ситуации, мне стало понятно только, когда прозвенел звонок с последнего урока.

Побросав в заплечную сумку свои скудные пожитки, я вышел из класса и зашагал в сторону лестницы. Можно было сразу отправиться перекусить, но лучше было сначала дождаться Коджиму. У мелкого было сегодня на один урок больше, а потому ничего не мешало мне прогуляться до нашего обычного места встречи у старой котельной и уже там выкурить припасенную еще из Йокогамы сигарету. На то, что лестничный пролет на удивление безлюден, мое подсознание и инстинкты успели обратить внимание гораздо раньше, чем разум. В этом крыле здания имелось три лестницы, но наш класс находился в самом конце коридора, и идти от него даже до центральной было в два раза дольше. И, тем не менее, сегодня почему-то никто, кроме меня не рискнул спускаться по ней. Впрочем, причина такого поведения со стороны обычных школьников обнаруживалась практически сразу.

Я замер на верхней ступеньке, разглядывая поджидавшую меня внизу четверку, а в этот момент мимо меня, старательно огибая мою фигуру, проскочил один из учеников и тут же замер, как вкопанный. Бросив затравленный взгляд вниз, потом на меня, потом еще раз вниз, мой одноклассник по имени Ута на негнущихся деревянных ногах сделал два шага назад, вновь оказавшись у меня за спиной, и испарился быстрее ветра, напоминая о своем недавнем присутствии лишь топотом где-то вдали.

- Ты сказал придти, если нам надо. Мы пришли, - первым нарушил молчание высокий жилистый Тори в своей неизменной "пиратской" повязке.

- Вижу, - ответил я, оглядывая собравшихся угрюмым взглядом исподлобья.

Стоит признать, реакция Уты не была какой-то слишком уж чрезмерной, учитывая то, какой занятный "серпентарий" предстал его глазам. Кроме одноглазого Тори, который вот уже третий год верховодил клубом кендо, и до этого имевшего внушительную

репутацию, остальная троица была не менее колоритной.

Югимари, по кличке "Юго-Юго", первый босс в единственной группировке будущих выпускников, сколоченной им еще в средней школе и успешно не распавшейся вплоть до самого конца обучения. Поговаривали, что у Юго-Юго есть какие-то завязки в столице префектуры, и поэтому он намерен был слинять туда вместе со всей своей бандой в конце следующего года, а не упорхнуть под крылышко к одну из Кланов, как многие остальные.

Третьим был Танагава. "Блондин", как звали его за искусственно высветленные волосы. Его группировка хоть и была малочисленна, но зато как на подбор состояла из крепких и злобных ублюдков-метисов. Таких же, как сам Танагава. Кстати, Кумо, мой "закадычный приятель", был как раз из их числа.

Условно последним, по статусу и "боевому" потенциалу, в этой четверки был еще один мой давнишний знакомый Сатоми. Несмотря на то, что "Альянс Четырех" был успешно похерен еще в начале года и не без моего участия, банда Сатоми по-прежнему оставалась одной из самых солидных в Изясо.

И теперь весь этот "цвет нации" подростково-уголовной среды нашего славного учебного заведения предстал передо мной. И явно не просто так.

- Ну и? - пауза не успела сильно затянуться, но я решил подхлестнуть события. Странно, но мое инстинктивное чувство опасности отчего-то не сильно растревожилось от той картины, что едва не вызвала сердечный приступ у бедняги Уты.

- Разговор есть, - ответил Тори. - Пошли.

Поскольку сопроводительного "конвоя" ко мне приставлять, похоже, никто не собирался, а все четверо школьных "боссов" сами зашагали вперед вниз по лестнице, то я решил, что в этом разговоре мне, видимо, все-таки стоит поучаствовать. Уже один факт подобного "деликатного" поведения со стороны Тори и остальных сам по себе стоил немало.

Мы спустились на второй этаж и прошли в один из пустых классов, у дверей которого я заметил Хабу, извечного "телохранителя" одноглазого лидера "мечников", мордоворота Шино из подручных Сатоми и остальных "вторых номеров" всех упомянутых банд. Странное дело, но больше поблизости не было никого. Впрочем, за любой закрытой дверью могла прятаться "ударная сборная" на две дюжины рыл, а потому расслабляться явно не стоило. Двери класса закрылись, оставляя всю четверку "помощников" снаружи в коридоре. Юго-Юго привалился к стенке у доски, Тори уселся на пустой учительский стол, а Блондин и Сатоми встали с другого краю. Может быть, мне только

показалось, но, похоже, самим "боссам" находиться в такой ситуации (в одиночку, в одном помещении с четырьмя серьезными бойцами, трое из которых еще и являются твоими извечными и очень опасными "конкурентами") было не очень комфортно.

- Повторю вопрос, - я сделал шаг в сторону так, чтобы дверь не была бы у меня прямо за спиной, и чуть отпустил лямку рюкзака, готового теперь соскользнуть на пол в любой момент и не мешаться в возможной драке. - Ну и?

- Для начала, наше поздравление с победой, - Тори сохранил за собой статус "говорящего от лица всех". - По слухам, что ты уделал этого Дото из клана Рё по полной программе.

- Его, по-хорошему, даже Блондин постелил бы, - кивнул я в сторону Танагавы и не смог удержаться от внешне безразличного, но колкого замечания. - А вот Сатоми уже вряд ли.

Лидер порушенного мною "альянса" недобро прищурился, но проглотил мое заявление. Выходит, тут и вправду намечается что-то запредельно серьезное...

- Может, но перед этим ты и прошлого чемпиона разделал и, - потянул паузу Тори, - иные там были бойцы. Не из последних.

- Всякие были, - снова нейтрально ответил я.

- Ладно, Угрюмый, - играть в предложенную игру одноглазому надоело. - Мы тебя сюда не только для поздравлений позвали. Есть вопрос, который для каждого из нас поважнее личных амбиций будет. Вопрос для всей старшей школы Изясо не праздный...

Тори говорил, а я потихоньку начинал понимать, куда же он клонит.

- ... Сам знаешь, баланс между разными силами у нас сложный, и лидер, который мог бы говорить от лица всей школы за ее пределами, после прошлого выпуска так и не появился. А если у школы Изясо не будет вожака слишком долго...

Было видно, что Тори очень непросто делать такое предложение мне. Еще бы, ведь, как и все остальные присутствующие, он очень долго старался заполучить это место сам. Но проблема всегда заключалась в том, что недостаточно быть лидером самой сильной из школьных банд. Чтобы стать "именем Изясо", нужно добиться единогласного признания твоего статуса со стороны всех остальных. И это был тот камень преткновения, о который ломали зубы весь последний год собравшиеся тут "вожаки".

Не знаю, кто из них додумался до такого решения, как сумел убедить остальных, с битьём физиономий или без, или вправду они как-то дошли до этого коллективным умом. Но,

похоже, Тори, Юго, Сатоми и Танагаве попросту надоело это бесконечное состязание, и наверх решено было вытолкнуть компромиссную фигуру, стоящую отдельно ото всех, никому не подчиняющуюся и при этом не слишком амбициозную. Однако не думаю, что они окончательно остановили свой выбор на мне только сегодня. Больше похоже на то, что моя непризнанная победа на чемпионате стала очень удачным поводом, после которого такое предложение не вызовет вопросов, а главное сразу заставить прикусить языки все остальные мелкие банды.

- И потому, мы хотим, чтобы этим именем и голосом стал ты, Одавара Моэясу, - подвел итог одноглазый. - Со своей стороны обещаем полную поддержку твоего статуса и всех полномочий в тех вопросах, когда речь пойдет о делах, касающихся всей школы.

- Понятно, - процедил я, уже зная, какой ответ услышат эти четверо на свой вопрос.

Быть главным над старшей школой, особенно в таком месте как Изясо, это, конечно, для множества отморозков и хлюпких "ботаников" несбыточная мечта. Но это отнюдь не моя мечта, а мне это на хрен не нужно.

- Я - пас, грызитесь дальше.

- Какого хера, Угрюмый?! - взорвался Сатоми.

- Ты, что, сучёныш, совсем зазвездил?! - не менее резко сорвался Блондин. - Ты думаешь, мы тут перед тобой просто так расшаркиваемся?!

В отличие от этих двоих Тори лишь опустил взгляд своего единственного глаза и тихо хмыкнул, вроде как, показывая, что чего-то подобного он и ожидал. Юго-Юго, судя по выражению лица, тоже был не слишком рад моему ответу, но предпочел промолчать.

- Влезать в ваши постоянные дрязги? Быть крайним при любом не понравившемся вам решении? Выступать своим именем в качестве защитника для каждого ублюдка из нашей школы, отхватившего в жбан где-то за ее пределами? - холодно перечислил я, сумев своим набыченным взглядом сбить и затушить порыв Блондина, уже было двинувшегося ко мне. - Да на хер оно мне надо! Это вам, может, и удобно. Всегда есть на кого кинуть стрелки, кого загрузить своими трудностями и проблемами. Даже людей вам своих мне надо будет давать только, когда реально "жопа" и проблема для всей Изясо, а до этого я должен крутиться сам. Типа, раз уж у тебя раньше так для себя самого получалось, то и теперь получится, только уже для прикрытия наших горбов, да?! Да пошли вы в задницу! Мне оно не нужно ни под каким, блять, соусом! Типа почти реальная власть над школой и авторитет? Засуньте его себе туда, откуда

вытащили! Не связывался с вашей братией и не собираюсь! Все, последнее слово...

И не дожидаясь какой-то дальнейшей реакции со стороны этих мелких "боссов", я резко развернулся и распахнул закрытую дверь. "Охрана", коллективно подслушивавшая за тем, что происходит в классе, прыснула в разные стороны, усиленно делая вид, что ни чем таким они тут не занимались. За моей спиной раздосадовано сопел Сатоми, но, ни пойти за мной, ни сказать еще что-то никто из них так и не решился. Только Тори, когда я уже перешагнул порог, бросил как-то небрежно с легким намеком.

- Ты, Угрюмый, все же подумай. А мы еще до конца недели ответ твой подождем...

Я лишь махнул рукой, как бы показывая, что думать тут не о чем, и зашагал в сторону лестницы. Только зря время на этих утырков потратил. Но ничего, сейчас сяду, покурю и всю эту хрень окончательно из головы своей выкину. Тоже мне, благодетели очередные нашлись... Понимаю, что на горло своей гордости наступали, уже только когда думать о подобном начали. Вот только брать этот "великий дар" из жалости к вашему самолюбию, я уж точно не стану. Варитесь сами в своем ядовитом бульоне.

Мурыжа про себя на все лады вышеописанные мысли, я вышел из школы и направился в сторону котельной. Очередной сегодняшний сюрприз, как оказалось, уже поджидал меня буквально за следующим углом. Стоило только свернуть в полутемную аллею между стеной здания и сетчатым забором, с внешней стороны которого росли старые деревья, посаженные, наверное, еще при строительстве всего приютского комплекса, как на меня с невнятным криком бросилась какая-то тень. К счастью, моя реакция в этот раз сработала безотказно, и тело, как это часто бывало, начало действовать согласно ситуации куда быстрее, чем успевал за ним разум.

Рюкзак полетел на потрескавшийся асфальт, корпус плавно крутнулся влево, уходя от размашистого вертикального удара бокена, а правая рука заученно "выстрелила" вперед, угодив наподдавшему сбоку по ребрам. Сибата, к данному моменту я уже опознал этого тощего панка, атаковавшего меня, булькнул от удара перебившего дыхание, но, несмотря на это, попытался повторить попытку. Отскочив назад, мне удалось уйти от новой атаки, а затем, сделав шаг обратно, принять на блок левой третий по счету горизонтальный выпад. За мгновение до этого я зачерпнул немного Силы, и сухая дубовая палка, служившая

основанием бокена, глухо треснула и раскололась, взрезавшись в мое предплечье.

Похоже, что Сибата такого развития событий не ожидал. Во всяком случае, двойной удар в солнышко и по сопатке он даже не попытался блокировать, тупо воззрившись на свой безвозвратно испорченный спортивный инвентарь. От подачи ногою в пах, обладатель замысловатого пирсинга, протянувшегося тонкой цепочкой от уха до правой ноздри, рухнул на колени как подкошенный. Но начать стонать он не успел, поскольку тут же получил еще и пяткой в живот, проехав по земле не меньше метра и опрокинувшись на спину. Добивать этого придурка фирменным приемом школы Изясо - "копытом в лоб" - мне показалось уже чрезмерным.

Отряхнув мелкие щепки с гакурана, я подобрал свою сумку и вернулся к начавшему слабо стенать оппоненту. Переносица Сибаты к этому времени уже начала разбухать и наливаться фиолетовым цветом. Впрочем, разглядеть меня, появившегося в его поле зрения, отморозок сумел вполне отчетливо и сразу заткнулся.

- У тебя чего, дебил, мозг протек? - поинтересовался я у замолчавшего панка, скорее для проформы, чем действительно из желания знать, какого лешего он на меня набросился.

Надо же хотя бы попытаться узнать причину нападения. А то этот обмылок все-таки среди шестерок того же Тори числится, как бы потом непоняток не было. Хотя на выпад или провокацию со стороны самого одноглазого произошедшая пантомима точно никак не походила. И уж точно ей не было места после только что состоявшегося разговора.

- Так это, Угрюмый, - проглотил комок в горле Сибата. - Я это...

- Чего это?!

- Ты же теперь чемпион, и я подумал... ну, что если я...

Дальше можно было не объяснять. Ничего более умного, чем попытаться напасть на меня из-за угла в надежде вырубить, после чего резко подняться в глазах окружающих, этот урюк не придумал. Таких мне за месяц не меньше трех-четырех встречалось и до своего "чемпионства", будь оно неладно. И главное, до смешного доходит, когда уже одни и те же идиоты попадаются, а ведь вроде должны все были с первого раза усвоить...

- Точно, потек и вытек, - буркнул я и демонстративно замахнулся ногой, имитируя удар в лицо. Сибата тут оборвал свое сумбурное блеянье, испуганно каркнул и инстинктивно вскинул руки, прикрывая рожу. Только когда он понял, что удара

не будет, и опустил свои грабли, я изложил ему окончание собственных мыслей. - Исчезни с глаз моих, а вылезешь еще хоть раз, вырву тебе твою цепь вместе с мясом с обеих сторон.

Глядя на то, как очередной типичный представитель старшей школы Изясо поспешно ковыляет за угол, придерживая рукой помятые ребра, я лишь тяжко вздохнул и снова направился в сторону котельной. Нет, одной сигареты мне сегодня определенно не хватит.

* * *

Человек, стоявший по другую сторону забора в тени деревьев и наблюдавшей за всей той короткой сценой, что произошла только что в одном из закоулков у школы, вытащил из кармана плаща блестящий портсигар с серебряной гравировкой и извлек на свет дорогую темно-коричневую сигарилью с обрезанным краем. Раскурив ее от хромированной пьезо-зажигалки, наблюдатель выпустил облачко почти прозрачного белого дыма и обернулся в сторону раздавшихся рядом шагов.

- Вот, Горуи-сан, как вы и просили, - пытаясь улыбнуться, сообщил один из участников недавних событий и, морщась, снова потрогал бок под гакураном. - Надбавить бы, а? За риск, за травмы, там...

- Разумеется, - даже и не подумал спорить хозяин ломбарда, плавным жестом извлекая из кармана уже подготовленную круглую скатку. - Хорошая работа - хорошая оплата.

В глазах у Сибата при виде денег вспыхнули маслянистые огни и, позабыв про всякую боль, парень тут же бросился пересчитывать цветные купюры. Горуи Зарасу затянулся еще раз, глядя в ту сторону, куда ушел Одавара. Сибата, пересчитав все деньги, принялся делать это снова.

- Что ж, я действительно не ошибся, - делец отбросил едва раскуренную сигарилью и безразлично покосился на своего "помощника", начавшего шелестеть купюрами уже в третий раз. - Это, может быть, весьма интересно.

Развернувшись, владелец ломбарда неспешно двинулся по протоптанной тропинке в сторону невысокого травяного откоса, по которому проходила автомобильная дорога. А Сибата так и продолжил стоять, пересчитывая доставшиеся ему деньги. И лишь когда после ухода Горуи миновало порядка десяти минут, парень вдруг вздрогнул и удивленно осмотрелся по сторонам. Однако, вспомнить того с кем он говорил, откуда у него взялась столь немалая сумма наличных, и даже то, кто сломал его бокен и так сильно отделал его самого, Сибата не смог при всем старании.

Впрочем, сунуть деньги в карман и побыстрее убраться с этого странного места, это ему ничуть не помешало.

* * *

Неожиданный разговор и предложение от главных школьных бонз еще некоторое время не давали мне покоя, но с приближением вечера они все больше отступали в памяти куда-то на задний план. На тренировки в додзё я пока не ходил, благо Харада-сенсей милостиво выделил мне на отдых целую неделю, однако сила привычки и определенное желание вернуться к обыденным физическим нагрузкам уже давали о себе знать. Нет, завтра точно пойду, плечо отошло почти полностью, синяки окончательно пожелтели, и слоняться без дела до понедельника нет никакого смысла. Но не сегодня. В моих сегодняшних планах значилось куда более приятное времяпрепровождение.

Зайдя к себе в общагу и наскоро перекусив, я прошелся по своему этажу, наведя среди обитателей соседних комнат, уже вернувшихся с занятий, небольшой шорох. Результатом моего рейда стала приличная "гавайская" рубаха в темно-синих и черных тонах, при этом не слишком яркая и цветастая, а также новый пояс с "захлестывающейся" пряжкой, не слишком сильно режущей глаз своей броскостью. Что поделать, с приличным гардеробом у меня дело обстояло по-прежнему туго. С брюками и обувью ситуация была куда проще, тут вполне годилось и это, что я носил в повседневной жизни. Однако ехать на свидание в полной школьной форме было не столько некрасиво, сколько попросту глупо. Наши-то "рубленные" приютские гакураны неспроста отличаются от той формы, что введена среди учащихся в Нагаоке. Чтобы, значит, сразу было видно, кто и откуда. Прямым текстом об этом, ясен пень, никто из взрослых никогда не скажет, но и мы давно просекли эту фишку, еще в средней школе. У нас всегда хватало любителей наведаться в соседний городок за случайным хабаром и другими приключениями на пятую точку, и не заметить того, как тамошние "синепузы" и прочая активная общественность мгновенно реагирует на наш внешний вид, было довольно трудно. К тому же, даже если я буду вести себя максимально тихо и благопристойно, от стычек с местными отморозками это не убережет никоим образом. Ходить в нашей форме по вечерним улицам Нагаоки, все равно, что вылезти на арену для корриды в красном комбинезоне. Ведь, чего-чего, а своих придурков, которые непременно начнут качать права на извечные темы типа "чёй ты тут забыл, а, пришлый?!" и "какого ты тут с девчонкой из наших гуляешь?!", там хватало

более чем. И главное, сколько я себя помню, нагаокские быки всегда и везде, за самым редким исключением, огребали у изяских крыс по-черному, но ни гонору, ни спеси это у них ничуть не умерило. Да и мозгов видать не добавило...

Приведя себя в наиболее презентабельный внешний вид, я не без большого труда отбился от прискакавшего с тренировки Коджимы, вознамерившегося составить мне компанию на предстоящей встрече. Конечно, понимаю, что мелкого просто распирало от любопытства и все такое, но мои сугубо эгоистические мотивы уверенно взяли в этой ситуации верх. И где-то уже примерно через час я отправился на автобусную остановку, чтобы в начале седьмого оказаться на территории Нагаоки. Место встречи мы с Тацуэ согласовали еще днем, но я ориентировался в чужом городе не так хорошо, как в родных подворотнях, и в результате умудрился слегка опоздать. Впрочем, особого влияния на дальнейшее развитие событий вечера это не оказало.

Я никогда не был большим любителем романтики и прочих "розовых соплей", но стоило признать, что удовольствие можно получать и от этого дела. Главное тут - это, конечно, компания. И тогда, всякие неторопливые прогулки по парку с шутками и беседы "ни о чем", аттракционы и приятное общение начинают выглядеть совсем по-другому. Ну и забывать о том, что это было фактически второе настоящее свидание в моей жизни, тоже не стоило. Да и Тацуэ на этот раз подготовилась к встрече, похоже, по полной программе. Легкое платье, почти незаметный макияж и возможность воочию убедиться в стройности длинных ног каратистки, силу которых я уже не раз наблюдал, без особого труда сумели заполнить мою голову легким дурманом.

Болезненных тем в наших разговорах, в особенности о событиях на чемпионате и после него, из-за которых собственно никто из нас двоих так и не смог нормально расслабиться после соревнований, мы не поднимали. Более того, мне сразу было поставлено условие - или полностью забыть на один вечер обо всем этом и отдыхать, или получить по загривку свежим увесистым гипсом. Причем, это может быть будет и не слишком сильно, но зато, так сказать, профессионально и со знанием дела. В общем, рисковать после таких угроз я не решился.

Закончилась вся эта подростковая идиллия, когда на улице уже стало заметно прохладней, а на чистом небосводе зажглась разноцветная россыпь из крапинок-звезд. Проводив Тацуэ до дома, мне довелось получить на прощание довольно многообещающий поцелуй. После чего, не обращая внимания на две пары любопытных глаз, разглядывавших нас из щелей

оконных жалюзи на всем протяжении нашего "топтания" у порога, я, будучи жутко довольным, поплелся уже обратно, чтобы успеть на последний автобус в Изясо. Путь предстоял неблизкий, ведь дом семейства Курода находился в глубине одного из районов частной застройки, а таких в Нагаоке было аж несколько. И этот конкретный располагался практически с другой стороны от трассы, по которой ходил междугородний автобус.

Высокие заборы и узкие безлюдные улочки частного сектора выглядели как декорации к трэшовым фильмам ужасов, но дремавшая во мне Сила не подавала никаких признаков тревоги, а настроение было слишком хорошим, чтобы с упорством параноика думать об опасностях даже в такой момент. Поэтому, стоит сказать спасибо, что кроме всего этого, у меня были еще и отточившиеся за годы инстинкты. Ведь именно это чутье и заставило меня остановиться за три шага до очередного перекрестка, отойдя от дома Тацуэ всего-то на пару кварталов. Неприкрытые враждебные эмоции человека, стоявшего за поворотом, я ощутил почти физически. Вечер стремительно переставал быть томным...

Поняв спустя минуту, что я каким-то образом его заметил и больше пока не собираюсь продолжить свой путь, неизвестный сам двинулся вперед, выходя в поле моего зрения. Внешность у парня оказалась не особо примечательной, но пару занятных деталей сразу же бросилось в глаза. Поджарый угольно-черный брюнет, возраста примерно моего, почти на голову выше в росте, но лишь немного шире в плечах. Узкое скуластое лицо с волевым подбородком, от которого, должно быть, были в восторге все знакомые девчонки этого парня, представляло сейчас собой закаменевшую маску спокойствия. Но глаза за тонкими линзами изящных очков в хромированной оправе пылали неприкрытой злобой, метая громы и молнии. Простой на вид спортивный костюм серого цвета щеголял известным лейблом и стоил, наверное, очень недешево. Сказать точнее я бы не взялся, не разбираюсь я в этих вещах. А вот что касается кроссовок незнакомца, то тут другое дело. Статьи в журналах о такой жизненно важной, особенно в моем случае, штуке, как удобная обувь, никогда не проходили мимо моего внимания. И я знал, что это за кроссы... Такая пара неприметных и совершенно некичливых "тапок" была не просто фирменной. Такие не продавали в розницу даже в лицензионных магазинах Токио и Осаки. Такие заказывали с индивидуальной подгонкой, шили не на китайских или тайваньских фабриках, а в настоящих обувных мастерских и везли через океан с личной доставкой в руки заказчику. И это маленькое обстоятельство окончательно

заставило меня стряхнуть с себя всякую былую расслабленность и подобраться по-настоящему. Я пока еще толком не знал, что здесь происходит, но выводы напрашивались самые нехорошие. Да и ни одного человека на пустых улицах этого района в такой час не наблюдалось, что тоже позволяло роиться в голове всяким неприятным мыслишкам.

Окинув меня долгим взглядом, одновременно оценивающим и презрительным, очкарик, как бы нехотя, выдал:

- Так это правда? Тацуэ действительно встречается с обмылком из приюта в Изясо?

- Тебе-то до этого какое дело? - тон в тон ответил я, хмуро уставившись на языкастого красавчика исподлобья. - На брата ее ты что-то не очень похож. А на отца так, тем более, по возрасту не тянешь.

- А это уже тебя не касается, Одавара Моэясу, - хмыкнул мой собеседник, особо выделив голосом в конце предложения мое имя. Видать, пытался дополнительное впечатление произвести своей осведомленностью. Ну-ну, удачи...

- Не пойму тогда, как это тебя касается, мистер "понт из-за угла, который знает мое имя, и рискует получить по морде без объяснения причин"?

- Ха, - судя по выражению лица, очкарик и вправду ни на секунду не поверил в то, что я смогу ему что-то сделать. - Не гавкай слишком громко, охрипнешь еще. А дорогу к дому Тацуэ с этого дня забудь, мой тебе совет, крысё...

- Не много ли гонору от такого хмыря, у которого недостаточно крепкие яйца, даже чтобы сказать мне свое имя? - резко перебил я брюнета, не давая договорить.

На скулах неизвестного отчетливо проступили желваки. Похоже, мой вопрос, заданный самым насмешливым тоном, на который я был способен, угодил точно в цель.

- Меня зовут Котаро, обмылок, - сквозь зубы выплюнул он. - И я тот человек, за которого Курода Тацуэ, рано или поздно, выйдет замуж. И никакая мелкая помеха вроде тебя не встанет у этого на пути...

- Ых, - я снова не смог сдержаться, откровенно хохотнув. - Понятно все с тобой. Слушай, жених, - теперь уже была моя очередь выделять слова, но только не угрожающим тоном, а эдаким глумливо-презрительным, - а сама-то Тацуэ-тян в курсе твоих великих планов? - при упоминании в моей речи имени каратистки с соответствующим "мягким" суффиксом, брюнет заметно вздрогнул. - Или до таких мелочей дело еще не дошло? А может, просто боишься, что невеста, узнав о таком свалившемся на нее счастье, на радостях тебе с ноги по зубам зарядит?

Пальцы Котаро сжались в кулаки, а от взгляда можно было теперь прикуривать. Как я и предполагал той издевательской интонации, с которой задавались мои вопросы, парень не вытерпел, сорвавшись практически сразу. Мгновение, и его фигура превратилась в серую размазанную тень.

Все-таки я расслабился чуть больше, чем следовало. Очкарик оказался чудовищно быстр. Куда там кому-то из братьев Рёманмару. Пожалуй, даже Гендо-семпай сумел бы показать такую скорость лишь на пике формы, и она точно почти ни в чем не уступала навыкам Кампаку Рюдзаки. Признаться, я этого не ожидал. Но рефлексы тела начали работать до того, как к этому процессу успел подключиться главный "управляющий" центр. Полушаг в сторону, чтобы уйти от кулака, летящего в нос, упреждающее движение левой ладонью, демонстрирующее готовность блокировать вторую атаку "снизу изнутри", и отскок назад, чтобы на мгновение разорвать дистанцию и принять нормальную защитную стойку.

- Хм, - Котаро замер на месте, похоже, не собираясь продолжать дальше начатый бой, и снова окинув меня взглядом. - Значит, то, что ты дрался на чемпионате тоже правда.

Я не ответил. И рук из стойки тоже опускать не стал, в отличие от противника.

- Мараться неохота, - вдруг резко выдал очкарик, причем, я готов поклясться, это не было попыткой соскочить, он действительно говорил то, что думал. - Поэтому радуйся. И совет мой не забудь. Увижу тебя поблизости от Тацуэ еще раз - размажу по местности тонким слоем. Причем никакие сраные стероиды с анаболиками тебе, урод, тогда не помогут.

И криво усмехнувшись, окатив меня очередной долей презрения, Котаро развернулся с явным намерением уйти. Вот только он не учел тот факт, что к этому моменту меня ему тоже удалось разозлить по-настоящему. Не надо играть со мной в крутого и пытаться уйти с поля боя, едва получив такое крохотное моральное преимущество. Решил сделать вид, что типа "дернулся" на меня? А я как сопляк воспринял это всерьез? Но неужели, Котаро, ты думаешь, что я после этого буду просто стоять, жевать сполии и смотреть тебе в спину?

Улица учит, что прогибаться нельзя даже тогда, когда рядом нет чужих глаз и ушей. Этого нельзя делать просто потому, что достаточно будет всего одного-единственного свидетеля случившегося падения - тебя самого. А отмазаться и оправдаться перед самим собой не получится уже никогда. Кроме того, мой противник решил меня проверить на дрожь в коленях, так разве у меня нет ответного права? К тому же была еще одна причина, из-

за которой я не мог позволить этому ублюдку так просто взять и уйти. И была она, пожалуй, даже важнее всех остальных вместе взятых.

- Хэй, женишок, - мой оклик едва не заставил Котаро споткнуться. Обозленный взгляд парня, устремленный на меня после этого через плечо, был очень красноречив. - Далеко собрался? Или думаешь, это ты тут решаешь, когда беседа окончена, а когда нет? - как правило, я не накручиваю себя перед дракой, но в этот раз цель у моих слов была двоякой.

- Так ты, мудак, пришел на чужую территорию, лезешь к чужой девушке и еще смеешь тут борзеть?! - очкарик снова развернулся ко мне всем корпусом.

- Да! - рыкнул я в ответ. - Потому, что мне насрать сейчас на территории и остальное по одной лишь очень простой причине. Пока я здесь и пока я дышу, я не позволю, ни одному чванливому засранцу решать за Тацуэ-тян без ее ведома что бы то ни было. И в этом вопросе, я уж точно не буду делать исключения для такого зарвавшегося говнюка как ты!

И, как это уже было в первый раз, Котаро сорвался легко и быстро. Человека, с детства не привыкшего получать отказы и сдерживать свой горячий темперамент видно сразу. Тут достаточно было услышать, как "по-хозяйски" он говорил о Тацуэ, чтобы понять с кем я имею дело. Дорогие шмотки - лишнее подтверждение. Мой нынешний оппонент может и не был рыхлым тюфяком, но это не отменяло того факта, что передо мной чей-то наглый богатенький сынок, не привыкший к самоограничениям в своих желаниях. И, конечно же, он не сумел стерпеть противления с моей стороны и отказа играть по его правилам, да еще и в столь грубой форме. К тому же, Котаро явно давно привык разбираться с подобными проблемами при помощи грубой силы и не собирался утомлять себя поиском иных путей.

То ли дело было в моей полной готовности на этот раз, то ли причиной послужила ярость, окончательно ударившая противнику в голову, но повторную атаку со стороны брюнета я сумел просчитать без труда. Достаточно было только увидеть разворот корпуса и то, как он начал переносить всю тяжесть тела на левую стопу. Сделать шаг вперед на опережение и поймать блоком на середине пути сокрушительный боковой удар ноги, нацеленный мне в голову, было не слишком сложно. Мое предплечье резко обожгло тягучей болью от той внушительной силы, которую Котаро вложил в свою атаку, но это было невеликой платой за то, чтобы закончить схватку спустя полторы секунды. Мой хлесткий тычок правой в открывшуюся промежность заставил глаза противника сначала резко

округлиться, а затем спустя мгновение сильно зажмуриться. От боли у парня вырвался тихий стон, и брызнули слезы. Ухватившись руками за поврежденную область, Котаро поломанной марионеткой осел на асфальт, хрипя и плюясь сквозь зубы.

Да, это не спортивная арена, и если кто-то допускает слишком большую ошибку в бою, то должен заплатить за это сполна. Окончательно добивать несчастного брюнета в этой ситуации было излишне. Я даже в пах ему зарядил едва на треть от того, что представлял собой мой обычный удар. В конце концов, еще неизвестно, кем этот дебил приходится для Тацуэ. Он может и идиот с завышенным самомнением, но хорош буду я в глазах девушки, если вдруг выяснится, что мне довелось отметелить по полной программе до состояния отбивной какого-нибудь ее лучшего друга детства. Да и вообще, не нужны мне лишние проблемы в Нагаоке ни с кем, своих дома хватает.

- Ладно, жених, - сказал я на прощание все еще скорчившемуся на земле Котаро. - Бывай. И в следующий раз думай большей головой, а не задницей, кому и что ты говоришь.

Развернувшись, я быстро зашагал прочь по темной улице. Теперь вот из-за этого болвана придется торопиться, чтобы успеть на автобус.

* * *

На пластиковой лавке у дальней стенки бетонного забора, ограждавшего по периметру внутреннюю территорию станции, развалились Ган и еще пара знакомых рож из числа выпускного класса. Лица у всей этой троицы выражали полную апатию и безразличие к происходящему вокруг, а огромные расширенные зрачки в глазах у каждого являлись этому прекрасным объяснением. Судя по всему, дело не ограничилось алкоголем и легкой травкой, жирдяй и его приятели обдолбались по полной. И в этом тоже не было ничего удивительного. До каникул оставалось всего полторы недели, а все оставшиеся в Изясо выпускники, за исключением местных, начали отмечать свое вступление во взрослую жизнь еще на прошлых выходных. И Ган на общем фоне был совершенно неоригинален. Неопохмеленных морд вокруг общаги с каждым утром становилось все больше, а двое придурков, по слухам, еще вчера загремели в больничку с передозом и мелкими травмами. Теперь, видать, составят компанию моему знакомому наркоту и, по совместительству, грабителю-неудачнику Чонси.

Впрочем, Гана и его приятелей в ближайшем будущем тоже

могла ожидать схожая участь. Патруль из двух легавых уже плясал возле "безжизненных тел", достигших высшего дзен, и безуспешно пытался добиться от них хоть какой-то реакции. Один блюститель все время бурчал что-то в рацию, закрепленную у плеча, второй щелкал пальцами перед носом у толстяка. Последний рейсовый автобус выгрузил немногочисленных пассажиров как раз неподалеку от этой живописной композиции. Я выбрался из салона одним из последних и, сунув руки в карманы брюк, без лишних задержек шустро ретировался к травяному откосу, спускавшемуся к дороге.

Ближайший из "синепузых" бросил на меня косой взгляд и, кажется, даже окликнул, но у меня не было никакого желания тратить на них свое время. Да и ничего нового или хорошего легавые мне сказать не могли, а вот загрести за компанию вместе с остальными кайфанутыми утырками - это всегда запросто. Гоняться за мной охранители порядка, видимо, сочли для себя слишком ленивым, поэтому окриком дело и ограничилось. А я через десять минут пути по дворам и закоулкам уже оказался в приютском парке.

У входа в общагу на спинке длинной скамьи, покрытой не самым удачным граффити, расселась еще одна компания, но побольше той, что на станции. Танагава и ближний круг Блондина, включая Кумо, похоже, ждали кого-то, закидав окурками и пустыми пивными банками все подходы к своему "наблюдательному пункту". Нарываться на драку после всего случившегося этим вечером было, конечно, не лучшим завершением дня, но бегать от таких вещей я не привык, а потому просто продолжил свой путь к дверям.

Как выяснилось, мои опасения были напрасны. Кого бы метисы не караулили, но точно не меня. Вскинувшись всей сворой на звук приближающихся шагов, бойцы Блондина тут же расслабились, едва только тусклый свет ближайшего фонаря озарил перед ними мою физиономию. Танагава, а вслед за ним и остальные одарили меня короткими почти незаметными кивками, когда я проходил мимо них, и получили такое же "приветствие" с моей стороны в ответ. Несмотря на показную невозмутимость, было заметно, что Блондин чем-то жутко раздражен. Судя по всему, кто-то этой ночью знатно отхватит на орехи.

Пихнув ногой обшарпанную дверь, я прошел мимо зарешеченного окна, с другой стороны которого, разложив покерную партию, сидела четверка охранников. Моя ступня уже была на первой ступени лестницы, ведущей наверх, когда сзади раздался знакомый голос.

- Одавара-кун, - приютский комендант Шунсукэ был,

наверное, единственным человеком, помнившим всех обитателей нашей общаги по фамилиям.

- Шунсукэ-сан, - я обернулся к старику, выглядывавшему из дверей своей жилой комнаты, примыкавший к помещению охраны и нескольким кладовым, расположенным на первом этаже. - Вопросы?

Я никогда не искал лишнего повода для ссоры с комендантом, тем более что хорошие отношения с Шунсукэ давали куда больше плюсов. Последние пару лет мы поддерживали со стариком некое партнерское соглашение. Он был вполне благодарен мне за то, что я не устраиваю на своем этаже никаких беспорядков, не даю разойтись в этом деле другим и даже поддерживаю (если надо кулаком) вывешенный график уборки коридоров, а у меня в свою очередь уже давно не возникало никаких проблем в вопросах получения чего-либо из казенных закромов общаги, будь то новый гакуран или пару лишних матрасов.

- Да вот, просили передать тебе, когда появишься, - старик протянул мне запечатанный белый конверт, на поверхности которого не было никаких либо знаков или надписей.

Было заметно, что играть роль случайного посыльного, для Шунсукэ не очень-то приятно, но по какой-то причине он все же пошел на это.

- А от кого? - я повертел послание в руках, ощутив нечто плотное внутри, и оторвал сбоку полосу клейкой бумаги.

- Один уважаемый человек попросил, - как-то странно протянул комендант, и на его лице проступило необычная смесь из сомнений и непонимания, как будто он не был совсем до конца уверен в своем ответе.

- Хм...

В моей руке оказались несколько крупных купюр, скрепленных плоской широкой скобой из полированного металла. Поверх денег обнаружилась еще и небольшая записка. Текст послания не был подписан и содержал всего одну лаконичную фразу: "Благодарю за то, что вернули мои часы". Не сразу я смог понять, о чем идет речь, и вспомнить о том случае почти недельной давности. Выходит хозяин той дорогой игрушке отыскал свою потерю и решил меня поблагодарить? Понятно, что скрывать мои данные легавые не имели причин, так что вопросом о том, как меня разыскали, можно было не задаваться. Надо же, еще есть на свете такие люди... И кстати, приличная сумма.

- Понятно, - я выдернул верхнюю купюру и, не дожидаясь реакции со стороны старика, сунул ее ему в нагрудный карман на потертом пиджаке коменданта. - Спасибо, Шунсукэ-сан, послание

просто отличное.

- Одавара-кун, не надо... - попытки протестов со стороны собеседника я слушать не стал и, прежде чем он сумел вытащить смятую бумажку обратно, был уже где-то на середине лестничного пролета.

А удачный сегодня получился денек, как это ни странно. Просто прямо на удивление.

* * *

Среда в этом году всегда была днем гораздо более приятным, чем проклятый четверг. Но особенно хорошей в данный момент ее делало то, что все контрольные тесты были давно написаны, а на утренних занятиях не было практически никого, кроме городских парней и девчонок. Два часа анатомии, потом еще два физике, тема в обоих случаях одна и та же - "Задай вопрос учителю!". Забывать о полезности теоретических знаний я не собирался, и желания продолжить свою всестороннюю подготовку к неумолимо приближающемуся будущему не потерял, даже, несмотря, на все победы и удачи, свалившиеся мне на голову в последнее время.

К концу учебного дня намечалась еще математика с геометрией, и этому я уже не сильно радовался. С одной стороны, мне было понятно, что та часть моей Силы, которая связана с положением "если", так или иначе завязана на всевозможные теории игр и вероятности, пределы и прочие логарифмы. И это, вроде бы, должно было быть большой мотивацией к тому, чтобы поглубже забраться в мир цифр и функций. Но на деле все обстояло не так легко и просто. Чтобы заняться углубленным изучением высшей математики, нужно было заранее (намного заранее, чем сейчас!) начинать готовиться к поступлению в колледж на соответствующий факультет. Одаренным гением я все-таки не был, и разобраться во всей этой мешанине лишь при помощи самостоятельных занятий мне не светило. В результате, я отставил эту сферу своих "профессиональных" интересов на самое последнее место и возвращался к ней все реже и реже, откладывая и откладывая начало серьезного освоения на потом. Изматывающих тренировок в додзё, разборок с социальным окружением и изучения дополнительных материалов по естественным наукам, иногда переходившего в откровенное набивание знаний в память, мне было и так выше крыши. Но вернуться к интересующим разделам математики я обязательно собирался, хотя бы уже после школы.

Душевно потерроризовав преподавателей своими

дотошными вопросами, мне удалось заметно улучшить свое настроение, бывшее и без того необычайно высоким с самого утра, и отправиться на обед в самом благодушном расположении духа. "Мое" место в столовой за угловым столом в дальнем углу, как обычно, было свободно, и не успел я еще поставить поднос с едой, когда напротив нарисовалась ярко-рыжая шевелюра Коджимы.

- Авара-семпай! - сходу оглушил меня мелкий. - Авара-семпай, там такое!

- Какое? - уточнил я с кривой усмешкой и принялся при помощи палочек "хоронить" маринованную спаржу в картофельном пюре.

- У! - возмутился моей меланхоличной реакцией шкет. - Там такое происходит, а вы тут сидите! Во дворе прямо напротив центрального входа...

Коджима продолжал тараторить, а я, тем временем, краем глаза заметил, что народ в столовой и вправду зашевелился, потянувшись активно на выход. Приглушенный шум от толкучки в дверях усиливался с каждой секундой.

- Так что там такое?

- Там какие-то чужаки, - рыжий сделал большие глаза, - в смысле, вообще не из Изясо! И они там устроили бучу! Ищут кого-то, ко всем старшакам цепляются...

- А кого ищут?

- Я не понял, - шмыгнул Коджима.

- Тогда иди, и обед себе возьми, - я снова не удержался от ухмылки. - Тоже мне, великое событие прямо случилось, чтобы пропускать...

Расталкивая еще толпящихся в дверном проеме учеников, в столовую на полной скорости ввалился Кип. Не став крутить головой по сторонам, парень сразу же ринулся в сторону углового стола, на ходу убеждаясь в моем присутствии за ним.

- Авара!

Нехорошее предчувствие кольнуло меня где-то глубоко в груди.

- Чего? - я хмуро воззрился на парня.

- Там это, такое, - совсем как Коджима, начал Кип, точно также размахивая руками.

- Чужаки у главного входа, - перебил я его. - Ищут кого-то. Я знаю. Что дальше?

- Тебя ищут, - сбившись на мгновение, выдал все-таки Кип.

- Меня?

- Тебя, точно, - кивнул "блондин". - Борзые такие, на пяти машинах, заехали прямо к нам на территорию. Всех, кто

постарше, сразу прессовать у крыльца начали. Там Сатоми был с десятком своих как раз, так они им попытались укорот дать, а те их сходу постелили...

Учитывая норов Сатоми, удивляться было нечему. Но то, что у кого-то хватило смелости (или глупости) начать такое на территории спецшколы Изясо, это уже интересно. Может, Рёманмару? Хьёгуро, конечно, клятвенно обещал уладить мой конфликт с ними, но эти наглые детишки амакудари могут вполне положить с прибором на всякие договоренности. Кроме них я, вроде бы, ни с какими серьезными людьми в последнее время не ссорился.

- Понятно...

Делать и вправду было нечего. Ну не убегать же мне куда-то и не прятаться там, в конце-то концов? И поэтому, резко поднявшись из-за стола, я зашагал к выходу из зала. Кип и Коджима тут же пристроились ко мне "в хвост", отсылать мелкого было бесполезно в такой ситуации, это я уже знал по опыту, а вот верзила мне и вправду был еще нужен.

- Кто они такие непонятно? - уточнил я уже в коридоре.

- Да быки какие-то, - поморщившись, пожал плечами "блондин". - Есть молодые, есть в возрасте, все в крутых костюмах и очках, типа настоящие якудза. Верховодит тип какой-то непонятный.

- А что охрана и учителя?

- Так это...

Мы как раз спустились по лестнице в холл, и я увидел ответ на свой вопрос, не дожидаясь, когда Кип нормально его сформулирует. В просторном школьном холле с давным-давно облупившейся на стенах краской собралось столько приютских охранников, сколько я не видел в одном месте еще ни разу в жизни. Похоже, что тут сейчас собралась целиком вся дежурная смена. Рожи у большинства были кислые, некоторые хмуро уставились в пол и стены, не глядя по сторонам, а сама атмосфера была довольно поганой. Начальник смены Сибецу Тоши, тертый мужик, когда-то учившийся у Харады-сенсея (видел я его на одной из фоток в додзё), выглядел не лучше своих подчиненных, и при этом еще вынужден был единолично принимать на себя "эмоциональную" атаку со стороны директора и его заместителя по дисциплинарным вопросам. Физрук, мрачный как предгрозовая туча, и еще несколько человек из числа преподавателей торчали поблизости, но в разговор не вступали, как и люди Сибецу.

- Вы хотя бы понимаете, чем может обернуться ваше преступное невмешательство?! - во всю мощь своих легких

надрывался директор.

- Я уже сказал вам, - едва не скрежеща зубами, тихо, но раздельно ответил охранник. - Я и мои подчиненные туда не пойдем. У нас есть более чем веские причины так поступать. И недвусмысленные указания сверху, - добавил Сибецу.

- Вы ставите под угрозу жизни учеников! - вклинился замдиректора.

- Ваши ученики ежедневно рискуют ничуть не меньше, - отрезал оппонент. - И мы с вами все здесь это прекрасно знаем. Мне гарантировали, что никаких серьезных последствий для здоровья учащихся не последует.

- Вы не можете! Вы не можете просто так взять и не выполнять...

- Пожалуйста, звоните в полицию, - перебил начальник смены директора и с новой ноткой в голосе добавил. - И посмотрим, что вам скажут они.

- Это просто возмутительно, - булькнул заместитель.

- В происходящем ровным счетом нет ничего неожиданно, я даже удивлен, что до сих пор не случалось чего-то подобного прежде, - Сибецу оставался непробиваем, однако его лицо открыто выражало все нежелание охранника занимать сейчас именно такую позицию.

По всему выходило, что приехавшие к нам гости сумели каким-то образом надавить на контору, которая официально сторожит наш гадюшник. Учитывая, что эта фирма, как и школа, находится на содержании у Кланов, то изумляться тут нечему. А вот намеки насчет легавых, которые бросал тут Сибецу, заслуживают куда большего внимания. Это надо очень постараться, чтобы заставить полицейских бездействовать, даже когда речь заходит о таких вещах, как разборки в закрытом полукриминальном приюте.

- В конце концов, все разрешится куда быстрее, если они получат того, за кем пришли...

Сибецу сбился на середине фразы, только сейчас заметив меня, уже спустившегося с лестницы и пересекающего холл. Колючие взгляды взрослых тут же засверлили меня со всех сторон, но я не стал обращать на это внимания. Какая к дьяволу разница как смотрят на меня и что думают обо мне все эти люди? Ведь, несмотря на опыт, знания, прожитые годы и все остальное, они остаются всего лишь кучкой обычных трусов. И их поступок, сам факт того, что они сейчас здесь, а не там, не снаружи, открыто говорит об этом. Я тоже не люблю глупого чрезмерного риска, но эта боязнь и примитивный страх перед людьми и обстоятельствами - не одно и то же. Если человек желает

оставаться человеком, оставаться личностью и требовать уважения к своей воле, то он должен иметь внутренний стержень, который не позволит его согнуть. Ты можешь знать, что ничего не сумеешь сделать, но если ты должен - то ты пойдешь и сделаешь хоть что-нибудь, невзирая на все возможные последствия. Но если ты, чтобы уйти от столкновения с тем, что тебя страшит, прибегаешь к доводам об оценке рисков, поминаешь все время о концепции "разумного труса" и даже где-то гордишься этим - то не удивляйся, что в какой-то момент никто не придет к тебе на помощь. И не плачься о несправедливой судьбе, которая загнала тебя на самое дно. Трусов, раскрывших себя перед другими, никто не любит, и, конечно, никто им не доверяет, в особенности они сами. И хорошо, если у человека хватает сил стыдиться собственной трусости. Это, значит, у него еще есть шанс на что-то. Того же, кто превозносит свою гнилую слабость ждет лишь всеобщее презрение от всех нормальных людей, чего бы он там не добился в итоге, да разъедающий душу яд из гордыни и спеси, взращенных почитанием таких же жалких ублюдков, только рангом помельче.

В полном молчании я пересек замерший холл и вышел навстречу яркому солнцу, угодив прямо под обрушившийся на меня водопад из криков и гула многолюдной толпы. Вокруг, сколько хватало глаз, все было заполнено темной ученической формой, причем не только старшей школы, но и средней, и даже младшей. Похоже, здесь собралось разом не меньше восьмидесяти процентов всех тех, кто постигал науку в стенах школы Изясо. И зрелище, представшее мне с крыльца, действительно заслуживало такого внимания.

Маленькая площадка перед главным входом в здание школы была окружена плотным кольцом из учеников. Заборы и окрестные деревья тоже были густо облеплены фигурами подростков и детей. И все они наблюдали за тем, что творилось в центре свободного пространства, болея с не меньшим азартом и пылом, чем зрители на стадионе Йокогамы.

Изнутри по окружности гомонящей толпы виднелись фигуры рослых плечистых парней, о которых, видимо, и говорил мне Кип. Все в черных костюмах, начищенных ботинках и солнцезащитных очках, несмотря на разницу в возрасте и комплекции. А еще у каждого при себе имелась по увесистой полицейской дубинке, которыми чужаки для откровенной наглядности все время "поигрывали" в руках. Всего я насчитал десяток этих бойцов по периметру и еще несколько, стоявших небольшой группой внутри живого круга, но как бы чуть в стороне. Впрочем, все взгляды, и мой, в том числе, практически

сразу, оказались сейчас прикованы к другим участникам происходящего.

Тела Сатоми и его мордоворотов уже были кем-то заботливо оттащены к стене здания, и почивали в тенечке. Зато их место "на ринге" уже заняли выпускники из команды Юго-Юго. Впрочем, удача не была и на их стороне. Пятеро парней уже лежало на бетонных плитах, подавая лишь слабые признаки жизни, а на ногах по-прежнему держался лишь сам лидер банды. Несмотря на то, что физиономия Юго-Юго уже начала порядком заплывать от свежих кровоподтеков, а сам он занял исключительно защитную позицию, сдаваться один из лучших бойцов школы Изясо явно не собирался. Но не столько зрелище сразу двух почти повергнутых группировок поразила меня в этот момент, сколько то, кем оказался один-единственный противник Юго.

Темные волосы, очки в хромированной оправе, презрительная ухмылка. Вчерашний серый наряд Котаро сменился на новый, карминово-красный. И, видимо, не без причины, а чтобы лишний раз подчеркнуть именно то, что при встрече со мной этот парень как раз не очень старался выпячивать - его социальный и финансовый статус. Что ж, найти себе очередные неприятности на пустом месте я умел всегда...

Тем временем, события на "арене" продолжили развиваться.

- Последний шанс сдаться, признать поражение и уйти на своих двоих, - надменно бросил Котаро, глядя на своего оппонента.

- Да пошел ты, - едва различимо буркнул Юго-Юго и, подняв кулаки так, чтобы прикрыть лицо и корпус, шагнул вперед.

Противник не стал его ждать. Двигаясь с уже знакомой мне скоростью, Котаро вильнул вправо, обошел врага сбоку и нанес точный и очень сильный удар в голень, буквально срубивший беднягу Юго с ног. Хоть Югимари и был парнем крепким, но, видимо, Котаро сумел его к этому моменту порядком измотать. Как-то иначе я не могу объяснить тот факт, почему Юго после удара противника лишь с хлюпающим хряском впечатался левой стороной лица в землю, даже не успев выставить руки, и затих после этого, не пытаясь больше подняться. Окружающая толпа разочарованно застонала. Никого из работников приюта, преподавателей, охранников или просто взрослых, за исключением подручных Котаро, поблизости по-прежнему не было видно.

Очкарик отступил на шаг, показушно развел руками и громко хмыкнул.

- А гонору-то было, гонору, - потеряв к поверженному сопернику всякий интерес, Котаро обернулся к толпе и окинул ее

пристальным взглядом, безошибочно вычислив среди собравшихся самую "значимую" фигуру. - И сколько еще таких слабаков мне надо будет поставить на место, чтобы появился уже, наконец, этот ваш Одавара?

Хмурый Тори, стоявший в первом ряду в окружении своей свиты, с закинутым на плечо синаем лишь поджал губы по-змеиному, что для всех, знавших его хоть немного, было явным признаком едва сдерживаемой яростной злобы.

- Насчет этого понятия не имею, - сказал одноглазый в относительной тишине, повисшей над площадью. - Но ты угадал верно, янсу[8]. Сейчас я буду выбивать из тебя все дерьмо, но не из-за Авары или кого-то еще, а просто потому, что слишком сильно зарвался.

- Остальные говорили мне тоже самое, - с издевкой бросил очкарик и отступил назад на несколько метров, после чего изобразил обеими руками приглашающий жест. - Так давай! Можешь сам, если хочешь, а нет, так бери своих жополизов с собой.

Глава школьного клуба кендо уже качнулся вперед, намереваясь сделать шаг, когда мой окрик с крыльца остановил его на середине движения.

- Притормози-ка, Тори! - вся толпа в едином порыве обернулась в мою сторону, затихая. - Хочу поговорить с этим уродом до того, как он останется без зубов.

Одноглазый чуть улыбнулся и демонстративно кивнул мне, вроде бы как отвечая "всегда пожалуйста, жалко мне что ли?". А я уже начал спускаться на площадь и двинулся сквозь расступающуюся толпу к поджидавшему меня Котаро. На лице у четырехглазого сияла довольная предвкушающая улыбка. У меня же пока действительно было слишком много вопросов, чтобы так просто отбросить все и начать действовать.

Последними с моего пути ушли двое типов в черных костюмах. При этом я заметил, как все сопровождающие очкарика начали крутить головами и бросать на меня взгляды, стоило только мне вступить внутрь живого круга. Наверное, в их представлении Одавара Моэясу, за которым они сюда приехали, выглядел несколько по-другому. На фоне тех, кого уже уложил здесь Котаро, я выглядел не слишком-то внушительно. Тот же Шино из бойцов Сатоми или сам Юго-Юго были куда выше и мощнее по внешнему виду. Кое-кто из лакеев с дубинками даже слегка хмыкнул, увидев меня. Кто-то, уже за моей спиной, обменялся ехидным комментарием с другими.

- И что за клоунаду ты тут устроил? - задал я вопрос, не давая Котаро, уже открывшему было рот, начать диалог на своей

волне. - Мой вчерашний урок не пошел тебе впрок, как я посмотрю?

- Да, вчера тебе повезло, - упоминание о недавнем фиаско притушило энтузиазм брюнета. - Но только лишь в единичной драке. И не повезло в том, что ты решил не слушать моего совета, и не понял, с кем имеешь дело.

- Я прекрасно вижу, с кем имею дело, - отрезал я и снова указал вокруг. - С любителем дешевых уличных балаганов.

Может быть, и глупо было продолжать нарываться, так до конца и не разобравшись, с кем мне пришлось столкнуться лбами, но вокруг было слишком много людей, да и поступки, равно как и манеры очкарика меня начали порядком взбешивать.

- Так до сих пор и не пойму, храбрец ты или дурак, - процедил Котаро. - Но в любом из этих двух случаев ты не откажешься от того, чтобы покончить с нашим спором здесь и сейчас одни единым разом. Верно?

Это и вправду был лучший вариант для меня. Используя Силу, я бы, скорее всего, отбился от всей толпы лакеев в черном. Да и решись они полезть на меня всем скопом, остальные собравшиеся точно не остались бы в стороне и точно поддержали бы "своего Угрюмого" в стычке с чужаками. До этого массовая драка не началась лишь из-за поведения Котаро, демонстративно "дергавшего" на личные схватки вожаков школьных банд, причем еще и с сопровождением. Но для меня бой один на один был оптимальным решением.

- Вот здесь ты прав, - я покосился на толпу и сделал знак стоявшим там парням, чтобы они помогли Юго и его бойцам покинуть "арену".

Пока народ оттаскивал тела и о чем-то ожесточенно спорил, мы с Котаро продолжали стоять и сверлить друг друга взглядами. Но долгого молчания мой противник выдержать, по-видимому, просто не мог.

- Знаешь, вчера я еще очень злился на тебя, но сегодня наоборот, только рад тому, что мне попался именно ты, - лично я этой радости не разделял, но предпочел промолчать. - Ты не станешь вилять, и не будешь пытаться слиться, как некоторые. А наш бой, он будет очень показательным и очень к месту. Именно так и должны решать свои споры настоящие мужчины, когда спорят о чем-то слишком ценном для них обоих. Но в итоге, я все равно поставлю тебя на место, - юношеская восторженность в голосе Котаро сменилась глухой рычащей угрозой. - И именно для того, чтобы это видели все, и нужно было устраивать подобное сборище. Чтобы не только ты, но все обитатели этого крысиного питомника раз и навсегда поняли, что бывает, когда

кто-то из вас пытается прыгнуть выше собственной головы. Или начинает тянуть руки к чему-то чужому, переходя тем самым дорогу одному из тех, кто стоит несравнимо выше вас во всем. Чтобы все поняли, - парень повысил голос и демонстративно огляделся по сторонам, проверяя приковано ли к нему в этот момент всеобщее внимание, - поняли, что может случиться, когда такое ничтожество, как какой-то безродный Одавара, имеет дерзость встать на пути у семьи Асахикава!

Что ж, Котаро можно было поздравить. Последнее прозвучавшее имя и вправду произвело эффект взорвавшейся бомбы. Причем, нейтронной. Большинство учеников, особенно те, кто помладше, но не из числа совсем уж малолеток, оказался в полном шоке. А вот Тори что-то больно спокойным выглядит. Неужели знал? В любом случае, теперь все точно встало на свои места. Понты Котаро, его "хозяйские" манеры, эта блатная свита, разом "сдувшийся" Сибецу, чересчур меланхоличная полиция.

Клан Асахикава был одним из средних-младших партнеров в крупном альянсе якудза, построенном по типу конфедерации. И с некоторых пор, после небольшого передела территорий, район Нагаоки как раз отошел в качестве нового "острова" к этому семейству. Формально, в этот сима входил, наверное, и Изясо, но больших мест для "кормления" тут не водилось, да и вообще в городок при особом приюте никто из Кланов старался не лезть, чтобы не получить каких-нибудь потом обвинений со стороны друзей и конкурентов о "нарушении корпоративной этики".

И именно с этим семейством я умудрился теперь связаться. Причем схлестнуться повезло не с кем-нибудь, а, исходя из имени[9], с самим наследником Клана. Постулат об умении находить неприятности стремительно приобретал глубину и новые краски...

Но Котаро был прав, отступать я не собирался. Тем более что речь шла не только о моей, не слишком кому-то нужной и важной жизни, но и о судьбе девушки, которая была мне не безразлична. Не знаю, что там реально связывает ее и наследника из дома Асахикава, да и поздно думать об этом сейчас, но одно мне было ясно совершенно точно - пока я жив, этому четырехглазому ублюдку Тацуэ я не отдам!

Упомянутый гаденыш, меж тем, все еще стоял с жутко довольным видом и видимо ждал какой-то особенной реакции с моей стороны. Что ж, он ее получил.

- Ох, и горазд же ты языком молоть. Большую карьеру когда-нибудь в политике сделаешь, любят там таких бздунов... без смазки во все щели, - народ вокруг рассмеялся, снимая нервное напряжение, Котаро побагровел, а я принялся неторопливо

расстегивать застежки своего гакурана. - Но вот что я тебе отвечу на это все. Я предупреждал тебя не говорить о ней, как о своей собственности, и уже только за это с радостью переломаю тебе руки и ноги. Но, кроме того, теперь я действительно готов принять участие в этом шоу. И исключительно потому, что хочу посмотреть, как перевернется Вселенная, в тот момент, когда тот, кто несравнимо выше меня во всем, будет валяться у меня под ногами и тихо скулить. Как это уже было недавно...

Развеселившаяся толпа учеников поддержала меня громкими воплями и кровожадными призывами, похоронив в своем оре завершение фразы. Но Котаро смог расслышать ее, и помрачнел еще больше. Мое напоминание о его вчерашнем позорном поражении било по гордости этого потомственного якудза по-прежнему сильно. Как и следовало ожидать в ситуации с любым другим представителем этого "сословия".

- Ну ладно, посмотрим, насколько тебя хватит в деле, янсу, - рыкнул Котаро, к которому от той небольшой группы, стоявшей чуть в стороне, приблизился один из людей Клана с каким-то свертком в руках.

Сняв гакуран, я бросил его подскочившему Кодзи и остался в белой безрукавке. Шорох и звук рассекаемого воздуха заставили меня вновь посмотреть на Котаро. В правой руке у якудза сверкал на солнце полированным лезвием длинный самурайский меч с фигурной цубой[10]. И судя по виду, эта железяка была совсем не бутафорской. А человек из семьи Асахикава (теперь я видел, что это степенный старик) уже направлялся ко мне. Из черного шелкового чехла, который седой якудза держал на сгибе локтя, в мою сторону смотрела рукоять катаны, украшенная точно также замысловато и вычурно.

Мой слегка удивленный вопросительный взгляд не остался без внимания.

- Решим наше дело по-взрослому, Авара, - ядовитая улыбка вернулась на лицо Котаро. - Без этих детских состязаний "на кулачках". Как настоящие мужчины и воины. С кровью! И неизбежной смертью одного из нас в конце!

Ситуация выходила занятная. Очень хотелось выругаться, но я сдержался, сохраняя лицо беспристрастным настолько, насколько это было возможно. Вот мне и вновь достался старый урок, не воспринятый в свое время всерьез, и который приходится теперь познать исключительно на собственном горьком опыте. Никогда не надо думать, что ты самый умный, даже если ты уверен, что точно превосходишь своего оппонента в силе или каких-то навыках. Помню, в каком-то гайдзинском мифе

говорилось об одном маленьком парне, который убил великана в поединке, просто принеся с собой на бой пращу, и еще издали раскроив противнику голову камнем. Оказаться на месте этого великана было чувством не из приятных, но обратного хода не было.

По всему выходит, что если подготовка молодого якудза в кендо окажется не хуже, чем его навыки рукопашного боя, то мне придется туго. А ведь она может оказаться даже лучше, чем его умение махать ногами и руками. Никакая Сила и никакое "если" не смогут мне помочь защититься от остро наточенного лезвия, что легко отделит мою голову от остального тела. Меч это не прут арматуры и не бейсбольная бита. Да и игрушка в руках у Котаро не похожа на старинный, двести раз перекованный, "бутерброд" из паршивого болотного железа, который еще можно было бы попытаться согнуть или сломать прямым ударом другого клинка. Это была явно сталь, хорошая и качественная, а форма и стиль исполнения оружия лишь отдавали дань уважения старине и традициям. И четырехглазый ублюдок отлично подгадал с подходящим выбором.

Седой якудза, тем временем, уже остановился рядом со мной, и его поза была совершенно недвусмысленной. Мне предлагалось принять меч для поединка, но я прекрасно понимал - стоит только прикоснуться к рукояти катаны, и мне действительно придется рубиться не на жизнь, а на смерть с противником, подготовленным в это деле куда лучше меня. Отступиться было уже нельзя, и не столько из-за глазевшей на нас толпы, сколько по тем причинам, из-за которых я вообще полез в эту разборку. Но играть по чужим правилам совсем не хотелось. Кое-какие навыки обращения с длинным холодным оружием у меня имелись, в базовой подготовке дзюдзюцу без этого никак, но можно почти не сомневаться - наследник преступного клана, наверняка, получил не одни урок от настоящих мастеров в этом искусстве. Моя повышенная регенерация хоть и была хороша, но не настолько, чтобы в случае чего вернуть мне отсеченную руку или ногу. А Котаро был настроен очень решительно, без большой крови, похоже, дело и вправду не обойдется.

- Авара! - я еще пребывал в сомнениях, и внезапно возникшая в связи с этим пауза только начала затягиваться, когда меня окликнул один из стоящих в толпе.

Я покосился на Тори, а одноглазый, размахнувшись, швырнул мне свой синай. Моя правая рука сама, на чистом рефлексе, перехватила "подарок" в полете.

- С этим попроще будет, - хмыкнул главарь кендошников.

- Сойдет, - согласился я, крутанув кистью обманчиво легкий

на вид бамбуковый меч.

- Видишь, - не удержался от комментария Тори, - говорил же я тебе, что не стоило так сразу отказываться от нашего щедрого предложения. Хотел ты того или нет, а статус тебя сам нашел, по-другому и быть не могло. И теперь тебе придется его принять...

Словно в подтверждение своих слов одноглазый развел руками, как бы предлагая мне оценить целиком всю окружающую картину, и не согласиться с ним было трудно. Пускай я стою здесь сугубо по личным мотивам, и сам же являюсь катализатором, послужившим возникновению всей этой ситуации, но в данный момент это не имеет никакого значения для собравшихся здесь учеников. На территорию школы Изясо пришли чужаки, чужаки повели себя нагло и дерзко, лидеры банд, бросившие им вызов, оказались сокрушены на глазах у всех, и теперь явно наступало время развязки. Тори был прав. Хотелось мне того или нет, но для гомонящей вокруг толпы и для многих других, кто узнает о случившемся позже, трактовка моей схватки с Котаро будет вполне однозначной, даже если потом народ выяснит личную подоплеку событий. Я не принял на себя титул "имени школы", не захотел оказаться боссом всех боссов, но юмористка Судьба решила, что мне все-таки придется им быть, как минимум здесь и сейчас.

- Это еще ничего не значит, - бросил я Тори в ответ, в этот раз особо не веря в свои слова.

- Ну, конечно-конечно, - хмыкнул председатель клуба, слегка кивая, и как бы признавая за мной право еще немного поартачиться и набить себе цену.

- Надеюсь, никто не против? - я перевел взгляд на очкарика, демонстративно закидывая синай себе на плечо.

- Кхм, - якудза выплюнул ядовитый смешок, - как знаешь.

Сопровождающий Котаро, одарив меня "безнадежным" и даже немного жалостливым взглядом поверх очков, завернул шелковую ткань чехла и отступил обратно в сторону. Мой противник повел плечами, разминая суставы, и принял классическую стойку, из которой одинаково удобно было как нападать, так и обороняться. Я сохранил прежнюю позу, не собираясь играть на публику.

- Ну что, готов познать свое место в этом мире? - оскалился четырехглазый за мгновение до того, как сорваться в атаку.

Разбуженная Сила легким вихрем закружилась внутри моего тела, равномерно растекаясь по всем мышцам и сухожилиям. Мир вокруг меня стал значительно ярче, звуки куда более отчетливыми, а движение всего и вся напротив, будто бы слегка замедлилось. Но даже так первые выпады Котаро были пугающе

быстры и стремительны.

Я ушел от диагонального рубящего удара, отскочив назад, и тут же сместился влево, избегая возвратной атаки снизу. Выдерживать подходящую дистанцию и уклоняться - было пока с моей стороны наиболее разумной тактикой. Если получится продержаться - узнаю, на что реально способен якудза, если нет - то он и так бы меня зарубил без особых проблем. Впрочем, для противника просчитать мои действия труда не составило.

Котаро орудовал катаной в классической манере, используя сразу обе руки и оставаясь довольно открытым для контратак. Простой синай в столкновении с мечом якудзы не был бы слишком надежной защитой, по его мнению, и поэтому он не боялся наносить простые прямые удары, оперируя грубой силой. Хотя с учетом качества мечей, начиная с тех времен, когда императорская армия начала пускать на личное оружие для своих офицеров английские рельсы, сам стиль того, что можно было бы назвать боевым фехтованием, на наших островах несколько отошел от древних и куда более "традиционных" форм кендо. Минуло полтысячи лет с тех пор, когда в кодексе бусидо еще имелось занятное правило, что требовало дать противнику какое-то время на то, чтобы распрямить свое оружие, если оно погнется в бою. И работа с холодным оружием, которая раньше, по большей части, представляла собой сложный набор отводов, скользящих блоков, упреждающих ударов и уклонений, дополнилась многими куда более жесткими и силовыми приемами. Во всяком случае, после того, как сломать свою катану во время обоюдного встречного удара, стало можно не опасаться, целые направления и стили кендо как-то быстро превратились лишь в "театральную" традицию и часть той самой особой, но бесполезной в современном мире культуры прошлых веков.

В какой-то момент, Котаро резко пошел на сближение, будто бы нарочно подставляя мне свое правое плечо. Я пропустил очередной горизонтальный выпад якудзы и сделал вид, что купился, совершая притворный замах синаем. Разжав пальцы на левой кисти, мой противник тут же нанес резкий обратный удар, используя теперь только правую руку и, как я и подозревал, демонстрируя, что он лишь очень старательно изображал ранее свою "классическую" подготовку. Ну, да другого от этого парня и нельзя было ожидать. Якудза пускай по большей части и делают вид, что соблюдают некие самурайские традиции, но когда дело доходит до реальной схватки, то разница между ней и поединком буси такая же, как между моим выступлением на спортивной арене и дракой в подворотне против трех-четырех врагов одновременно. Правил нет, и это все знают. И соглашаются с

этим, когда начинают бой, а потому...

Я успел опустить бамбуковый меч "острием" вниз, выставляя его на пути у отточенного лезвия, уже несущегося к моей шее, буквально в последний момент. Котаро изначально полностью проигнорировал мои действия - перерубить столь незначительную преграду и довести смертоносный выпад до конца, наверняка, не представлялось парню чем-то таким уж трудным. И оттого-то сюрприз вышел таким удачным. Волокна бамбука послушно дали рассечь свою сушеную плоть. Однако, преодолев первый слой на своем пути, катана якудза с отчетливым лязгом наткнулась на непреодолимое препятствие. Прежде, чем опешивший очкарик успел что-либо сообразить, я, пользуясь моментом, прописал ему по физиономии слева. Правда, инстинкты и подготовка у парня никуда не пропали, и он успел начать отклоняться, в результате чего мой удар лишь пришелся ему по касательной в челюсть. От пинка в колено Котаро ушел, отскочив назад, выходя из зоны ближнего боя.

- Какого... - на лице у якудза была прописана неприкрытая ярость.

- Ты чем-то недоволен? - я лишь боднул его хмурым взглядом исподлобья, не позволяя в такой ситуации взять верх внутри себя излишней браваде или бесшабашности. - Или, быть можешь, уже хочешь сдаться?

- Да пошел ты! - ощерился очкарик. - Вместе со своими подлянками...

- Пасть заткни, а, - перебил я его, не повышая голоса, но заставляя свои слова прозвучать весомо и отчетливо, - кто бы уж гавкал о подлых разводках.

Не помню, чтобы мы предварительно оговаривали какие-то правила нашей дуэли. К тому же, даже у красноволосых во все времена выбор оружия всегда оставался за вызываемой стороной. А у нас или всяких сангокудзин с этим делом вообще не было жестких рамок. Помнится, незабвенный мечник Миямото Мусаши, когда его вызвал на смертельный бой какой-то мастер иайдо[11], забил несчастного при помощи обычного лодочного весла. Тот бедняга даже не особо успел понять, что происходит. И это, между прочим, был поступок одного из самых выдающегося буси своего времени. Кроме того, мы тут вроде бы не благородные аристократы из древних семейств (насчет Асахикавы утверждать точно не возьмусь, но за себя я спокоен в этом вопросе). А потому после предшествовавшего развода меня со стороны Котаро на поединок с мечами, я, по всем "уличным понятиям", имел полное право использовать скрытый козырь, который мне подкинул Тори. О том, что личный синай у главаря

наших кендошников штука особая, в Изясо знало довольно много народа, а вот для человека совершенно постороннего, такого как, например, Котаро, это всегда становилось весьма неприятным откровением.

Толстая металлическая труба, чуть меньшего диаметра, чем "лезвие" меча одноглазого, скрывалась внутри бамбукового стебля. И о том, что она там есть, мне когда-то пришлось узнать на собственных ребрах. В первый раз эффект был особенно сокрушительным, надо сказать. Для тренировок в клубе этот якобы спортивный инвентарь Тори, конечно, обычно не использовал, а вот на сходки и даже в повседневной жизни таскал при себе постоянно. Вот же не думал никогда, что сам возьму эту штуку в руки. Но для того, чтобы научить кое-кого уму-разуму, такая "указка" должна была оказаться в самый раз.

Поняв, что его противник вооружен отнюдь не декоративной палкой, а чем-то куда более существенным, Котаро тут же сменил тактику боя. Он прекратил попытки пролезть ко мне слишком близко и стал стараться достать издали острием меча, выдерживая дистанцию теперь уже со своей стороны. Полным дураком Котаро все-таки не был, и с этим нужно было считаться. Самым опасным противником всегда становится не только тот, кто с самого начала пытается навязать другим свою игру, но и тот, кто готов принять новый неожиданный расклад и даже, до поры, до времени, играть в рамках предложенных ему правил. И конечно, он непременно попытаться обратно поменять их в свою пользу при первой возможности.

Наверное, мне стоило получше реализовать свое неожиданное преимущество с синаем. Может быть, даже попытаться закончить бой одним-единственным ударом. Но как теперь получилось, так, значит, и получилось. В конце концов, мне были уже известны и слабые стороны своего оппонента, причем не только в боевых навыках. Гордыня и эмоциональность у парня зашкаливали по всем параметрам, сразу видно человека, который не привык себя сдерживать еще с детских лет. И вот как раз на этом-то, в том числе, хорошо было бы и попытаться сыграть.

Тянуть и осторожничать мы оба могли бесконечно долго, и поэтому я решил проявить инициативу и вновь перевести поединок в более активное русло. Техника работы с мечом была у Котаро намного лучше, а мое оружие заметно тяжелее, чем у якудза, но, благодаря Силе, наши возможности были практически равны. Во всяком случае, по чистой скорости мы друг другу не уступали, и насколько атаки очкарика были опасны своей точностью и остротой, настолько же весомым фактором для моего

оппонента была грубая пробивная мощь "дубины" одноглазого Тори.

Котаро пришлось самому начать петлять и уворачиваться от града моих вертикальных и диагональных ударов. Несколько он блокировал, приняв их на лезвие катаны, но слишком быстро осознал, что его меч не способен полностью и до конца останавливать подобный "синай", который попросту "продавливает" его защиту. Да и несколько грубых сколов, образовавшихся на острой грани клинка, не прибавили якудзе оптимизма.

В какой-то момент, я оттеснил противника почти к самой живой стене из зрителей. Народ опасливо подался назад и в стороны, да и лакеи в черном быстро отжали толпу, оставляя своему подопечному простор для маневра, и мне пришлось усиливать свой прессинг. При очередном встречном ударе наши мечи пересеклись, и от бамбукового "лезвия" моего отлетела длинная щепка. Кусок сухого стебля оказался практически начисто срезан вдоль бока от самого верха до цубы, а Котаро хитрым финтом отбросил мой синай влево, а сам ушел юлой в правую сторону. Крутанув корпус и стараясь уйти от удара, я переступил назад на пару шагов и вскинул оружие перед собой, но клинок якудза, подобно змее, с молниеносной скоростью обошел мою защиту и добрался до цели. Мне пришлось еще поспешнее разрывать дистанцию, но, впрочем, Котаро тоже не пожелал рисковать и не полез вдогонку. Безрукавка у меня на груди оказалась украшена длинным разрезом, и края плотной материи уже стали алеть от впитавшейся из царапины крови. На лицах быков из сопровождения наследника клана нарисовались довольные усмешки. Толпа вокруг тихо застонала, и со стороны снова раздалось пару призывов, советующих мне побыстрее проломить башку этому "расфуфыренному мажору".

- А не так уж ты и крут, как все время себя подаешь, - четырехглазый своих успехом был очень доволен. Как будто, кто-то сомневался, что будет по-другому...

Новую атаку Котаро начал уже сам, и спустя четверть минуты, изобразив какое-то другое "танцевальное па", оставил на моем левом плече еще один глубокий порез. Было видно, что эти хитрые финты появились в арсенале якудза не на ходу, а были давно разучены и отточены до автоматизма. Но это никоим образом не мешало им быть очень успешными, а я при всем желании так и не успевал зацепить этого подонка хотя бы краем меча или ногой. Раной на которой я, кстати, поплатился в третий раз после безуспешной попытки достать Котаро подсечкой. Очкарик, видя происходящее, закусил удила и завертелся вокруг

меня бешеным вихрем, заставляя вернуться к центру свободной площадки. К трем предыдущим царапинам добавилось еще две на правом боку, одна на груди, перпендикулярно первой и значительно меньше, и на правом же предплечье. В последнем случае Котаро явно метил по сухожилию на запястье, и если бы сумел попасть, то я бы остался не только без синая, но и без рабочей руки. Единственным положительным моментом оказалось то, что увлекшись режущими вскользь ударами, парень, похоже, почти окончательно позабыл о колющих и рубящих, бывших куда более опасными.

- Ну что, Авара, сдулся? - в голос якудза вернулась желчная насмешка.

Со стороны у меня сейчас был, наверное, не самый презентабельный вид. Изрезанный, окровавленный, вынужденный постоянно защищаться, причем не слишком удачно. Кроме того, если бы не Сила, то свою вескую лепту во все происходящее уже начала бы вносить кровопотеря. Мои раны были не слишком глубокие, но болезненные и обширные, а это давало о себе знать. На такой исход Котаро, видимо, и рассчитывал, когда изменил свою тактику. Не сумев победить нахрапом, он решил вымотать и ослабить своего противника, чтобы после разделаться с ним, едва стоящим на ногах, без особых проблем.

- Вот так оно всегда и бывает со слишком ретивыми придурками, которые не могут понять простого "Знай свое место!", - продолжил воодушевленно трепать языком якудза.

Правильно, говори, говори... Ты уже победил, ты ведь не просто веришь в это, ты это совершенно точно знаешь, янсу... Давай, не стесняйся, насладись моментом, почувствуй полностью свое превосходство. Я с удовольствием подожду твоего финального аккорда. Только уж не подведи меня, приятель!

- К этому все и шло с самого начала, и не могло быть по-другому. А ты, видать, принял свою мелкую победу в тот раз за настоящий триумф, да? - рассмеялся очкарик. - Но все, хватит лирики. Пора прощаться, крысёныш!

Четырехглазый сменил позу, отставляя правую ногу чуть-чуть назад и вновь перехватывая свой меч обеими руками. Проклятье. Это был не тот вариант, на который я по-хорошему рассчитывал. Если бы Котаро окончательно расслабился и уверился в своем успехе, то мне было бы проще удивить его, когда он в наглую полезет заканчивать бой. А вот ловить его на очередном заготовленном приеме будет куда сложнее. К тому же это, наверняка, будет какая-то "коронная фишка". И хотя он сейчас намерен использовать ее лишь для того, чтобы посильнее выпендриться перед многочисленными зрителями, сам факт того,

что якудза еще хватает ума использовать такие комбинации, а не переть грубо на рожон, вполне заслуживает внимания и опасения.

Демонстративно медленно отведя лезвие катаны вниз параллельно чуть согнутой ноге, Котаро выждал еще целую секунду, видимо, чтобы все прочувствовали и "насладились" моментом. А потом он метнулся ко мне, привычно превращаясь в кровавый размазанный силуэт и вскидывая меч для сокрушительного удара по восходящей. Я в этот момент как раз держал синай Тори перед собой на уровне груди и, без замаха, одним лишь скупым движением кисти швырнул его в ноги противнику. На то, чтобы среагировать у якудзы ушло какое-то мгновение. И хотя вращающийся пропеллером "меч" даже успел зацепить его по голени, Котаро без труда уклонился от моего броска, почти не сбавляя начальную скорость атаки. Но все же это было "почти", и на это были затрачены те самые крохи времени, которые понадобились мне, чтобы оказаться прямо перед врагом.

Моя левая ладонь успела лечь поверх запястий якудзы, останавливая только начавшийся выпад меча, а согнутый правы локоть с двукратным усилением, за счет наших встречных скоростей, врезался Котаро в лицо. Точнехонько между глаз, чуть повыше переносицы. Хромированная оправа очков беззвучно согнулась, линзы (я не знаю точно, из чего они там были сделаны, но явно не из обычного оптического стекла) покрылись сетью трещин, но не разбились и не рассыпались, а голову моего оппонента откинуло назад. После такой подачи и в столь удачную точку любой человек, как минимум на секунду, оказывается полностью ослеплен, оглушен и дезориентирован. А секунда - это более чем достаточно в таком деле как драка без "оградительных барьеров".

Разогнув правую руку, я прихватил Котаро за волосы на затылке и дернул его обратно на себя и вниз, попутно сгибая колено. Удар под диафрагму окончательно выбил из якудза весь дух. Бросок через бедро с подсечкой стал завершающим штрихом. Парень треснулся об бетонные плиты, потеряв в полете свой меч, и покатился по земле. Умудрившись после этого остановиться и, так и не потеряв сознание, Котаро начал вставать с четверенек, похоже, на чистом рефлексе. Что же боец он был действительно неплохой, не всякий сумел бы найти в себе силы на это. Но отдавать лишнюю дань уважения его упорству и готовности продолжать борьбу я не собирался. Якудза был еще только в начале подъема, когда я очутился рядом и без изысков заехал парню ногой по лицу. Тонкая подошва моего "теннисного" кроссовка прекрасно дала почувствовать, как основание стопы со всей силы впечаталась наследнику клана Асахикава в зубы.

Опрокинувшись резко назад, Котаро сначала пролетел несколько шагов, не касаясь земли, потом знатно приложился спиной о бетон и "проехал" по нему еще не менее метра. На мгновение замершее скопище подростков, наблюдавших за происходящим, буквально взорвалось, издав нечленораздельный вопль радости, на фоне которого я все-таки сумел отчетливо расслышать победный клич Коджимы. Сопровождение Котаро, все как один, замерли с потерянным видом и неверяще пялились на затихшее тело совершенно пустыми глазами. Бедные парни, ничего хорошего их теперь точно не ждет, особенно когда их работодатель узнает, что что-то серьезное случилось с его старшим отпрыском. Почему-то за себя я в этой ситуации переживал гораздо меньше. Мне бросили вызов, я принял его и победил - и надо быть совсем гнилыми уродами, полностью положившими на все старые принципы борёкудан, чтобы докопаться ко мне в такой ситуации.

Человек в красном спортивном костюме заметно дернулся, издав кашляющий звук, но все-таки опять попытался подняться. Рука, на которую Котаро поначалу опирался, сразу же задрожала и окончательно не выдержала всего спустя мгновение, заставив парня снова распластаться на земле.

- Готов огрызок мажорный, - услышал я краем уха комментарий со стороны одноглазого Тори, сделанный донельзя довольным голосом.

Однако, несмотря на утверждение лидера банды кендошников, молодой якудза снова попробовал встать, и на этот раз у него получилось заметно лучше, чем в предыдущий. Приняв кое-как сидячее положение, Котаро большим пальцем правой руки стер кровь с разбитой нижней губы и со злым шипением отшвырнул в сторону потрескавшиеся очки. Надо заметить, что без них физиономия у этого засранца приобрела куда более хищное и жесткое выражение. Даже сразу стало видно то, что в нашей среде именовали "породой".

Попробовав поначалу опереться на правую ногу, Котаро лишь болезненно скривился и вынужден был выбрать в качестве опорной левую. Оно и понятно, как раз правая нога якудзы и угодила в мою "ломающую" подсечку, полный эффект от которой наступал не сразу, а чуть погодя. Толпа зрителей, заметно воспаривших духом, немного притихла, с интересом наблюдая за тем, что же мой противник собирается делать. Как ни крути, а текущее физическое состояние Котаро оставляло желать намного лучшего. Я был тоже не первой свежести, но, по крайней мере, крепко стоял на обеих ногах и не валялся, пока, ни разу в

нокдауне.

Помятый брюнет, прихрамывая, сделал несколько шагов в мою сторону. Предлагать ему закончить или сдаться я не собирался. Ни на первое, ни на второе парень точно бы не согласился. Это было видно по глазам якудза, где не осталось уже места ничему, кроме пылающей злобы и ненависти. Подняв руки, я изготовился к продолжению боя, планируя как бы мне вырубить настырного урода с одного-двух ударов и побыстрее закончить со всем этим цирком. Сила Силой, а в голове у меня от кровопотери стало заметно гудеть.

Седой якудза из окружения Котаро, тот который недавно предлагал мне принять в руки меч, появился за спиной у своего юного начальника, двигаясь с удивительной для его возраста плавностью и тишиной. Широкая ладонь старика легла на плечо наследника клана, и тот раздраженно вздрогнул, бросив назад горящий яростью взгляд.

- Что?! - спросил молодой якудза, едва не срываясь на рык.

- Котаро-сан, - голос седого был полон спокойствия и учтивости. - Асахикава-сама желает переговорить с вами, - дорогой мобильный телефон с сенсорной панелью, который старик протянул в другой руке, судя по сияющему экрану, был в активном режиме. - Ему уже доложили о вашем... деловом выезде.

Лицо моего противника стремительно переменилось. Гнев и злоба никуда не исчезли, а вот решимость как будто бы ветром сдуло. Взяв предложенный ему мобильник, Котаро приложил его к уху и произнес лишь одно короткое "Да". Больше на протяжении всего дальнейшего "разговора", свидетелями которого были практически все ученики старшей и средней школы Изясо, мой неудачливый оппонент не сказал ни единого слова. Что именно звучало на другом конце незримой линии связи, тоже никто не узнал, но судя по тому, как все больше и больше хмурились брови, и наливалось кровью лицо Котаро, общий контекст его непродолжительного общения с родителем угадать было несложно. Наконец, экран телефона погас, перестав бросать серебристый отсвет на слегка разбитую физиономию якудза, и парень, молча, протянул мобильник обратно седому.

- Не думай, что мы закончили, - удержаться от этой угрозы Котаро так и не смог, я в ответ лишь насмешливо хмыкнул, заставив его заскрипеть зубами. - Мы уходим.

Последние слова предназначались для членов свиты в черных костюмах, подобравшихся и прибывавших в заметно напряженном состоянии еще с того момента, как прозвучало имя "Асахикава-сама". Трудно было не заметить, что после отданного приказа, со стороны тех якудза, чьи рожи не были обезображены

излишним интеллектом, раздались облегченные выдохи. А вот у некоторых других лица наоборот стали такие, как будто их заставили разжевать неспелый лимон. Понять их было несложно, а вот жалеть что-то совершенно не хотелось. Какое бы там наказание не измыслил их босс по возвращении, я буду только обеими руками "за". Чтобы в следующий раз неповадно было бегать и выполнять приказы всяких малолетних придурков, пускай они и приходятся ближайшей родней оябуну.

Путь до пяти припаркованных автомобилей прошел для якудза под сыплющиеся со всех сторон насмешки и улюлюканье. Поняв, что "враг" окончательно посрамлен и вынужден "бежать с поля боя", приютские отморозки отрывались вовсю. Впрочем, им хватило ума ограничиться лишь словесными формами воздействия. Под свист и смех, Котаро и его сопровождающиеся погрузились в машины и выехали с территории школы, а народ продолжил ликовать, переключив теперь свое внимание на мою персону. На крыльце у главного входа замелькали фигуры учителей и охранников.

Получив свою порцию поздравлений и прочих восторженных "Ну, ты - мужик!", я с благодарностью отдал Тори его синай и, так и не дав одноглазому втянуть себя в разговор, который он явно собирался завести, пополз в сопровождении Коджимы в школьный медпункт. Куда-либо еще в моем состоянии отправиться было бы глупо. Тем временем, директор, его зам и начальник охранной смены внезапно вспомнили о своих прямых обязанностях и принялись с помощью подчиненных наводить порядок на площади. По большому счету, их действия сводились к тому, чтобы просто побыстрее разогнать народ на занятия или куда-нибудь подальше отсюда.

Большинство порезов, оставленных мне на память Котаро, действительно оказались лишь царапинами. Но в паре мест фельдшер все же счел за лучшее не ограничиваться повязкой и йодом. В наложении швов наш школьный медик был, по понятным причинам, хорошим специалистом. Лично мне довелось это узнать еще четыре года назад, когда он еще до приезда "неотложки" мастерски заштопал мне бедро, "красиво" распоротое в очередной драке обломком железного прута почти на всю длину. Тонкий белесый шрам, оставшийся на том месте, был единственным сейчас напоминанием о случившемся.

А пока фельдшер приводил меня обратно в божеский вид, я не переставал думать о том, что же все-таки значили те события, в которых я тут недавно принял участие. Наверное, не стыдно будет признать, но в состоявшейся драке с наследником клана Асахикава мне пришлось использовать Силу в гораздо больших

количествах, чем во время разборок с братьями Рёманмару, или тогда в гостиничном номере, где мы впервые пересеклись с Хьёгуро. До того полного опустошения резервов, как в бою с йокаем, напавшим на Кодзи, дело, разумеется, не дошло, однако Котаро заставил меня изрядно потратиться. Боевая да и просто физическая подготовка у якудза были отменные. Не знаю, употребляет ли он там что-то или нет, но на прошедшем чемпионате в Йокогаме четырехглазый смотрелся бы очень внушительно. У таких участников как "братец Рё" или тот же Сакугава против Асахикавы не было бы ни единого шанса. Даже не берусь точно сказать, кто вышел бы победителем, схлестнись этот урод с Рюдзаки. В общем-то, какой-никакой повод для своего гонора и чувства собственного превосходства у Котаро был. Даже без учета его происхождения и всего такого прочего, большинство предыдущих соперников, осмелившихся идти против этого ходячего воплощения дерзости, наверняка, постигала участь сходная с той, что выпала сегодня на долю Сатоми и Юго-Юго. Просто в этот раз ему не повезло нарваться именно на меня.

Больше всего, как я догадывался, моей Силы ушло на то, чтобы унять многочисленные кровотечения. Но и так, некогда белая безрукавка теперь практически вся приобрела алый, а на краях разрезов даже багряно-красный оттенок. Все-таки, Сила давала мне многое, но не делала совсем уж неуязвимым, и об этом не стоило забывать. Да, мне уже доводилось пробивать голым кулаком кирпичные стены и толстые доски, не получая ни царапины, гнуть о собственные блоки прутья арматуры, раскалывать затылком бейсбольные биты и даже однажды ловить налету пистолетную пулю, но меч, как и любое другое холодное оружие, был для меня штукой особо опасной. Не будь Силы, удары ножей, которые мне периодически доставались, могли бы быть куда точнее и опаснее, но остановить острый металл и не дать ему проникнуть сквозь кожу я не мог. К тому же, после прутьев и бит тоже оставались синяки и шишки, и даже пуля в тот раз превратила мою ладонь в рваное месиво. Повязка, сделанная после того случая, кстати, до сих пор украшала мою ладонь. Может быть, кому-то и могло показаться, что нет особой разницы между "поймать пулю" и "перехватить лезвие катаны", но... Во-первых, тогда в гостиничном номере у меня все получилось почти случайно, практически на чистом везении. Я в тот момент все-таки не особо осознал, что же именно совершаю. А во-вторых, палиться своими возможностями перед всей школой я точно не собирался. В том, что у меня должно получиться разделать Котаро и без этих красочных фокусов, сомнений-то особых не было. А потому, пока речь в бою не зашла бы напрямую о

неизбежной угрозе для сохранности моей бренной жизни, я намеревался не светить лишний раз своими способностями. Кто знает, сколько еще на свете может оказаться таких людей, как Хьёгуро, и какие безумные мысли роятся у них в головах. Мне пока и так хватает проблем с кумитё Йокогамы и пожирающими души йокаями, что могут вдруг вылезти из ниоткуда в любой момент. А Котаро и без этого вполне хватило люлей, что я ему щедро отсыпал.

Впрочем, все это, по большому счету, отступало на задний план, из-за тех вещей, которые волновали меня сейчас куда сильнее. И это были даже не вероятные проблемы с семьей Асахикава, что могли поджидать меня в будущем. Точнее не совсем. Главные тревожные вопросы были для меня связаны не только и не столько с этими якудза, сколько с другим моментом, напрямую касавшимся происходящего...

Вчера вечером, столкнувшись с Котаро впервые, я не придал случившемуся большого значения. Пускай мне раньше не приходилось участвовать в разборках из-за своей девушки, но что это такое и с чем это едят, я знал прекрасно. Драки на этой почве между парнями в старшей школе были обыденной частью окружавшей меня реальности. Да и многие наши девчонки этим делом тоже довольно часто грешили. Чего-чего, а жестоких стерв и задиристых пацанок в нашем заведении тоже всегда хватало. И поэтому, первая наша стычка с Котаро выглядела вполне... житейски. Ровно до того момента, когда я узнал, кто он такой. В драке об этом некогда было думать, а вот теперь...

Сын якудза в "-надцатом" поколении и наследник самой влиятельной борёкудан округа не станет с такой яростью и пылом вступать в борьбу за простую девушку, сходу объявляя себя ее женихом и не останавливаясь ни перед чем. Конечно, я не знаю, какие отношения их реально связывают с Тацуэ. Вполне может быть, что Котаро просто захвачен чувством, и мне, откровенно говоря, с такого ракурса его нетрудно понять. Будь у меня такой же темперамент, как у этого парня, и кто знает, насколько мало бы мои реакции отличались бы от его поведения. Но, кем бы ни была Тацуэ - спортсменкой, чемпионкой, красавицей - для такого сословия как якудза, это ровным счетом ничего не значило. Среди Кланов уже давно имела место практика "династических" договорных браков, да и вообще людей со стороны туда старались не принимать. А тут вдруг такое откровенное заявление и неприкрытые претензии со стороны молодого Асахикава на руку Тацуэ. Что это? Кровь играет у парня? Если так, то остальной клан и в особенности папочка будут поведением сыночка и его "клоунадой" крайне недовольны. А если нет? Кем же тогда

должна быть Тацуэ, чтобы прочие Асахикава не пытались сразу вправить мозги своему наследнику. Впрочем, я ничего не знаю о том, как обстоят дела внутри клана якудза. Может, это у сына такая форма протеста против "родительской чрезмерной опеки" или что-то еще. Но с другой стороны, я и о семье Курода знаю очень немного. Если уж быть точным, только то, что у Тацуэ есть младшие сестра и брат, мать не работает и ведет домашнее хозяйство, а отец занимается каким-то "наследным" делом, переросшим в солидный бизнес. Однако о том, что последнее может быть как-то серьезно связано с криминалитетом, не было ни слова, ни намека. Совсем-то несвязанным с якудза в нашей стране не может быть ни один бизнес, крупнее уличного лотка лапши, и то через два на третьего. И, тем не менее, от Тацуэ ничего такого я не слышал, да и вообще о существовании семьи Курода до нашего знакомства понятия не имел, в отличие, например, от имен большинства местных Кланов и их "вспомогательных сил".

В общем, вот такой винегрет из мыслей вращался в моей голове, пока школьный коновал накладывал на мой торс и руки все новые и новые повязки. Разрез на ноге под распоротой штаниной обработали в первую очередь. О том, что задать интересующие меня вопросы я сумею уже совсем скоро, мне в тот момент не суждено было знать.

Ученики давно разошлись по классам на уроки либо собрались группами на где-то на внешней территории школы, чтобы за крепкой сигаретой обсудить случившееся вдали от ушей преподавателей, и поэтому быстро приближающиеся шаги в пустом коридоре я услышал еще за несколько секунд до того, как распахнулась дверь медкабинета.

- Моэ!

Я обернулся на знакомый голос и почти не удивился тому, что увидел перед собой Тацуэ. Хотя тут было чему удивиться. Точнее, не удивиться, а задуматься. Причина примчаться сюда в разгар дня из Нагаоки и искать меня могла быть у девушки только одна - она узнала о том, что здесь случилось или должно было произойти. И я сомневаюсь, что кто-то из учащихся школы Изясо мог бы ей об этом сообщить. Равно как и любой другой из местных. А значит оставался только один источник.

- С тобой все..? - голос брюнетки звучал с неподдельным волнением.

- Нормально, - я не дал Тацуэ закончить вопрос. - Оцарапался только.

Фельдшер, уже закончивший работу, покосился на нас хитрым взглядом и дипломатично вышел в соседнюю комнату,

прикрыв за собой дверь. А вот Коджима, сидевший на койке напротив меня, как раз наоборот состроил грозную моську и скрестил на груди руки, словно знаменуя, что скорее небо упадет на землю, чем кто-то сможет сейчас выставить его отсюда. Устраивать баталию с мелким по этому поводу мне показалось чрезмерным, если уж так хочет, то пусть сидит.

- Когда мне сказали, что ты в медпункте, то я испугалась, что с тобой что-то серьезное, - я посмотрел на вновь заговорившую Тацуэ, которая прошла в кабинет, но все еще стояла у порога в какой-то нерешительности.

Странно было видеть в глазах у брюнетки легкие искры страха, которых не было даже во время нашей беседы с Хьёгуро. Точнее, это был не совсем страх, а скорее боязнь того, что может случиться. Боязнь того, как человек, что сидит перед ней, отреагирует в конечном итоге на случившееся.

- Нет, вполне в пределах нормы, - я без радости ухмыльнулся самым краешком губ. - А вот моему новому знакомому из семьи Асахикава досталось куда серьезней.

Нельзя было не заметить, как при упоминании Котаро вздрогнули плечи Тацуэ.

- Это... Это получается из-за меня все так вышло, но я не думала, что... - вдруг опустив глаза начала каратистка, и я понял, что мне болезненно неприятно слышать в ее голосе эти неожиданно появившиеся извиняющиеся нотки.

- Сядь, - снова перебил я ее и указал на место рядом собой. Кажется, мой уверенный тон и спокойное поведение подействовали на Тацуэ умиротворяющее, заставив сразу взять себя в руки. - Сядь и просто расскажи мне уже, наконец, какого дьявола здесь происходит?

Рассказ Тацуэ не занял слишком много времени. С другой стороны, нельзя было сказать, что он оказался прост и банален. Во всяком случае, ряд очень занимательных деталей и, так называемых, "сюжетных поворотов" в нем, безусловно, присутствовал. Но, обо всем по порядку, как это было изложено самой каратисткой.

В контексте произошедших событий, давнее знакомство между главой семейства Курода и патриархом клана Асахикава стало для меня моментом достаточно предсказуемым. Несмотря на то, что отец Тацуэ происходил из приличной семьи, несвязанной с якудза и криминальным миром, это ничуть не помешало ему еще в старшей школе свести близкое знакомство с грубоватым, но на удивление харизматичным и (еще более на удивление!) прилично учащимся парнем, заправлявшим всей школьной шпаной. События тех дней происходили в Осаке еще в

начале семидесятых, и нет ничего странного в том, что один из наследников древней семьи Асахикава, на тот момент никак не претендовавший на отцовский "престол", жил и учился инкогнито в отдалении от остального клана под надзором лишь нескольких охранников и слуг. Сама Тацуэ не знала всех подробностей, благодаря которым так тесно сошлись ее отец и папаша Котаро, но факт крепкой дружбы оставался на лицо, даже несмотря на то, что уже многие годы социальное положение и образ жизни бывших одноклассников существенно разнился. Впрочем, надо полагать, что определенное покровительством делам бизнесмена Курода со стороны оябуна Асахикава оказывалось регулярно. Так, например, Тацуэ полагала, что совсем неспроста восемь лет назад ее отец сорвался с "насиженного" места в Осаке и перебрался вдруг со всей семьей и фирмой в провинциальную Нагаоку. Как раз в то же самое время, когда закончился последний большой передел территорий среди борёкудан в этой части провинции.

Знакомство же между детьми двух старых школьных приятелей, в частности между моей девушкой и одним заносчивым очкариком, состоялось еще раньше упомянутого переезда. Тацуэ и Котаро попали в лучшую осакскую школу каратэ еще в возрасте лет четырех и, надо полагать, не без протекции со стороны главы клана Асахикава. И если для моего нового хамоватого знакомого данные занятия были своеобразной частью необходимого житейского базиса, полагавшегося сыну большого якудза, то для Тацуэ рукопашный бой стал на тот момент просто занятным времяпрепровождением, постепенно переросшим в профессиональное увлечение и даже частично в сам образ жизни. И вот тут и началось самое интересное...

Успехи брюнетки на спортивном поприще (победа на прошедшем чемпионате была уже не первым ее достижением, пусть и самым внушительным) росли год от года. Пока я учился по крупицам выдавливать Силу, раздавал люлей школьным знакомым да пытался своим умом разобраться в науках, зачастую выходивших далеко за привычные рамки предусмотренной школьной программы, Тацуэ день ото дня улучшала свои результаты. В это же самое время, Котаро улучшал свои не столь афишируемые на публику навыки, постепенно полностью подключался к работе в "семейном бизнесе" и в какой-то момент, неожиданно для себя, обнаружил, что его подруга детства вдруг выросла в очень даже симпатичную девушку с боевитым и задорным характером.

Наступление Асахикава-младший начал стремительно и по всем фронтам, но амурный блицкриг в его исполнении потерпел жестокое фиаско. По словам самой каратистки, она при всем

желании не могла, да и, честно говоря, не хотела, воспринимать Котаро всерьез в таких вопросах. Кроме того, избранница наследника клана прекрасно знала не только сильные, но и слабые стороны его личности, такие как любовь к выпендрежу, чрезмерная гордыня и демонстративное позиционирование себя "королем мира и его окрестностей". Обычно все это вызывало у девушки лишь улыбку и было объектом беззлобных подколок, но отнюдь не когда речь зашла о вещах столь важных и неоднозначных.

Попытавшись впечатлить Тацуэ своим положением и статусом, Котаро лишь еще жестче обломался. Ни то, ни другое брюнетку совершенно не интересовало, несмотря на все те "завязки", что были у ее отца. Свой последний штурм очкарик предпринял на спортивном татами и, вполне ожидаемо, получил по ушам, скорее всего, как и при нашей первой встрече, просто изначально не восприняв противника всерьез. Однако все эти неудачи ничуть не смутили Котаро, а даже наоборот. Молодой якудза окончательно уверился в том, что лишь одна девушка на всей планете достойна того, чтобы он связал с ней свой дальнейший жизненный путь.

В результате, вот уже более полугода этот маньяк, не стесняясь, заявлял всем и каждому о своей неизбежной грядущей помолвке с Тацуэ, периодически пытаясь подступиться с этим вопросом вновь к самой каратистке, благо законодательство позволяло, и, получая неизменные отказы, а также посылы "на" и "в". Судя по набранному темпу и растущим объемам подарков, на которые Котаро не скупился, отступаться на данный момент он по-прежнему не собирался.

Отношение к происходящему со стороны старших Курода и Асахикава было, так сказать, умеренно-нейтральным. По большому счету, против подобного союза не возражала даже клановая верхушка преступного клана. Несколько попыток устроить для Котаро более привычный договорной брак с представительницей другой криминальной семьи были полностью порушены твердолобым упрямством наследника дома. Рассказывая об этом, Тацуэ пояснила, что ей не только пришлось слышать об этом, но и даже невольно принять участие в нескольких... инцидентах. К счастью, до серьезных разборок с оскорбленными группировками дело так ни разу и не дошло. Хотя пару раз Тацуэ все же пришлось отбиваться от излишне горячих попыток потенциальных невест доказать на практике свое превосходство над той, кого они полагали своей главной соперницей на пути к удачному (для их собственного клана, конечно же!) браку.

Упомянутые случаи были, пожалуй, единственным, кроме настойчивости Котаро, что вызывало у Тацуэ неприязнь и раздражение. И не то, чтобы ей нравилось издеваться над влюбленным парнем и получать от этого садисткое удовольствие. Она, просто-напросто, понимала, что ее докучливый друг не столько демонстрирует истинные чувства, которыми оказался захвачен, сколько с присущей ему гордыней пытается добиться того, что у него не получилось заполучить легко и сразу. По признанию самой брюнетки выходило, что если бы от внимания молодого якудза и можно было бы хоть как-то избавиться, вплоть до жестокого разрыва всяких отношений, то она бы так и поступила. Точнее, она пыталась это сделать, и последние четыре месяца игнорировала Асахикаву, как только могла, не отвечая на звонки, электронную почту и прочее, а также всячески стараясь избегать любого личного общения. Но Котаро это не мешало абсолютно.

Ну, а потом случилась наша встреча в Йокогаме. И поскольку Йокогама была от Нагаоки очень далеко, а я вообще оказался из соседнего города... и потом все как-то слишком быстро обернулось... сказать же мне сразу ей было как-то не к месту, а после боязно... и никто не думал, что Котаро окажется так спор на расправу... А когда ей вдруг позвонил их общий знакомый, один из молодых вакасю Асахикава, тоже учившийся вместе с ними в школе рукопашного боя в Осаке, и рассказал о внезапном выезде Котаро в Изясо... В общем, пересказ самых последний событий вышел у девушки очень скомканный и можно понять, отчего это было так...

И знаете что? Я просто взял и поверил. Да-да, я поверил в то, что все случившееся - это результат человеческой глупости, недальновидности, надежды на то, что "всё как-то само...", обычного страха и еще кучи самых разных эмоций и внешних факторов, которые в конечном итоге и приводят к таким ситуациям. И пускай Тацуэ была немало виновата в том, что не предупредила меня ни о чем, но с другой стороны я и сам ничего такого не спрашивал и не пытался "прощупать почву", не придав этому в такой ситуации никакого значения. Даже после того, как столкнулся лицом к лицу с весьма заносчивым очкариком на безлюдной улице. Всякие же конспирологические версии, типа "Тацуэ специально зацепилась за меня (лучшего бойца!) еще на чемпионате, чтобы я по приезду отвадил от нее Котаро", мне даже рассматривать не хотелось. Не бывает такого в жизни. Или кое-кому надо выдать сразу все существующие награды за актерское мастерство. Потому как только великая актриса смогла бы столь искренне изобразить смущение, стыд и боязнь того, какой же в

конечном итоге будет моя реакция после всего услышанного, как делала это Тацуэ, оставаясь при этом каким-то удивительным образом прежней собой - твердой, открытой, решительной, готовой принять удар Судьбы, но и не собирающейся при этом от него уклоняться, равно как и умолять о снисхождении.

- Да-а-а, - протянул я, когда повествование завершилось, и аккуратно потрогал под слоем бинтов зудящие ребра, которые, разумеется, начали жутко чесаться именно после того, как на них наложили повязку. - Занятно получилось...

Тацуэ все еще, вроде как, виновато глянула на меня из-под короткой челки, но где-то в глубине ее глаз я отчетливо прочитал вопрос: "Специально издеваешься, да?". И не сумел больше сдержать улыбку.

- Если есть еще какие страшные тайны, то давай лучше сразу выкладывай, пока момент уж больно подходящий. А то, во второй раз точно так просто не прощу...

Договорить мне не дали. Впрочем, получить поцелуй в качестве финальной награды за свою победу и последующее благородство, я был совсем не против. Спустя несколько минут нас прервал настойчивый кашель Коджимы.

- Может, вы где-то в более подходящем месте этим заниматься будете? - поинтересовался рыжик с тем извечным демонстративным презрением мелкотни, с которым они до определенного возраста относятся ко всем "взрослым" вопросам. И в которых еще ни ляда не смыслят.

- Кстати, это Коджима, - представил я паренька Тацуэ, вспомнив, что как пропустил это дело в момент ее появления.

- Очень приятно, - усмехнулась девушка, не убирая рук, заброшенных мне за шею, - а я...

- А ты - Курода Тацуэ, новая чемпионка Японии, - озвучив свою осведомленность, рыжий раздулся от гордости. - Мне семпай о тебе рассказывал.

- Не все рассказывал, - уточнил я и, не удержавшись, добавил, - и только из того, что сам на тот момент знал...

- Мне официально извиниться? - покосилась на меня брюнетка.

- Хорошо бы, - притворный вздох вышел довольно фальшивым, - да ладно уж.

- Знаешь, как мне стало страшно, когда позвонил Танбей? Ведь Котаро, он мог бы...

- Мог бы, да не смог. Тема закрыта, обсуждению больше не подлежит.

- И что теперь?

- Теперь? Ты едешь обратно к себе в Нагаоку, я - иду на

занятия, - мой взгляд пришпилил к месту заерзавшего Коджиму. - Ты - тоже! А уже вечером мы встречаемся и решаем, как будет в этой ситуации поступить наиболее правильно. Заодно к тому моменту, наверняка, тебе станет известно, чем закончилась беседа между Котаро и его родителем.

В учебный класс я вернулся лишь почти в самом конце урока. При этом мне практически не пришлось изображать из себя уставшего победителя на публику, чтобы ко мне лишний раз не лезли, благо выматывающей драке с нахальным якудзой и сопутствовавшей ей кровопотере предшествовал так и не начавшийся обед, который был мной впоследствии благополучно похерен. А много глубоких неприятных порезов, да еще на голодный желудок, удовольствие, вам скажу, еще то. Впрочем, уважительно-восхищенные взгляды, бросаемые со всех сторон взамен обычных боязливо-настороженных, и перешептывания за спиной, также сменившие обычную испуганную окраску, уже сами по себе были достаточно приятным возмещением за потраченные усилия. Досидев до конца уроков, мне оставалось лишь завернуть ненадолго в общагу прежде, чем отправиться на договоренную встречу, а заодно отговорить Коджиму, как он сам заявил, "прикрывать спину Авары-семпая от подлых ублюдков!".

Закинув рюкзак на плечо, и придерживая его одной рукой, я вышел через служебный вход в дальнем конце здания, вытащил из кармана пачку сигарет и зубами выдернул одну из них за торчащий фильтр. Свободная кисть еще только убирала цветастую упаковку обратно, намереваясь следом извлечь зажигалку, когда привалившийся к сетчатому забору парень сделал шаг вперед и, чиркнув "колесиком", поднес мне огонь. Хм, а что? Похоже, в статусе "имени школы", который я, впрочем, так на себя открыто и не принял, есть и свои положительные стороны. К такому отношению можно было и привыкнуть...

Выпустив первую струю дыма между зубов, я коротко кивнул в знак благодарности и покосился на Хабу, прячущего зажигалку во внутренний карман гакурана. Соратник Тори усмехнулся, сразу поняв мой молчаливый вопрос.

- Одноглазый велел передать, что бегать он за тобой не будет, - пояснил кендошник чуть вежливее, чем обычно. - Но после сегодняшнего, хочешь ты или нет, Угрюмый, а пост за тобой. И об этом все будут знать уже скоро. Опять же без твоего на то желания. Блондин и остальные с таким раскладом тоже все согласятся.

- Всё? - я чуть приподнял правую бровь.

- Всё, - пожал плечами Хаба. - Будет если желание, подходи

к нам в клуб. О чем важном с тобой перетереть у Тори-семпая всегда найдется.

- Понятно.

И оставив собеседника за спиной, я зашагал дальше к почти неприметной дыре в дальней секции ограждения. Дело с внутренней школьной иерархией можно было пока отставить на задний план. Сейчас куда важнее было другое... Но, видимо, кому-то сегодня там наверху очень хотелось почаще меня удивлять. И этого у него получалось!

Едва автомобильная парковка и живая изгородь остались позади, как мой путь вновь был прерван голосом, раздавшимся из тени под раскидистым кленом, какие во множестве были высажены вокруг общежития.

- Одавара-са-ан, - хотя обращение прозвучало негромко, но очень отчетливо и с каким-то смутно знакомым оттенком, в особенности в том, как говоривший тянул окончание. - Не уделите ли мне две минуты вашего внимания?

Я обернулся к выходившему из тени человеку, немного удивляясь тому факту, что как-то не сумел приметить его заранее, пока не подошел почти к самому дереву, и теперь уже без всяких сомнений узнал говорившего.

- Горуи-сан?

Улыбающийся хозяин ломбарда в своем неизменном плаще и еще более неизменной шляпе, в которых его можно было обычно увидеть на улице в любую погоду, остановился от меня на расстоянии вытянутой руки и слегка оперся на трость.

Не сказать, что мы были с ним совсем незнакомы. Бывать в заведении у Горуи мне в прошлом приходилось, и не один раз, но при этом не более чем какому-либо другому из моих приютских сверстников. Разумеется, случайно столкнувшись с дельцом на улице, мне хватило бы ума проявить вежливость и поздороваться. Я даже не удивился тому, что Зарасу помнил мое имя, ведь память на подобные детали была профессиональной чертой любого успешного содержателя таких заведений. Но чтобы он пришел лично ко мне по делу? Неужели дела в Йокогаме еще так долго не будут давать мне покоя? Или речь уже о местных проблемах? Хотя, не стоит себя накручивать. Может быть, все намного проще и тривиальней. Горуи просто нужен был человек зачем-то, вот здесь и сейчас, и тут ему навстречу попадаюсь я. Однако, уже первые слова, сказанные мне хозяином ломбарда, порушили эту такую стройную, удобную и хорошую версию.

- Мне хотелось бы переговорить с вами лично, Одавара-са-ан, один на один. И думаю, момент подходящий...

- Не совсем, но пару минут у меня найдется, - я не стал

проявлять излишней учтивости, хмуро уставившись на собеседника исподлобья.

- Больше мне и не нужно, - Горуи спокойно улыбнулся, как будто ожидал услышать от меня именно такой ответ, и жутко этому обрадовался. - Прежде всего, позвольте уже лично поблагодарить вас за то, что нашли и вернули мои часы, Одавара-са-ан. Надеюсь, что вы получили мою более материальную признательность через Шунсукэ-са-ана?

- Так эти деньги были от вас? - я припомнил события вчерашнего вечера и размеры той суммы, что передал мне комендант. - Да, я получил их. И моя ответная благодарность вам за столь щедрый жест.

- Ваш поступок был намного более важен и интересен для меня, поверьте, - как-то странно сформулировал свою следующую фразу скупщик краденного. - Собственно, именно он и привлек к вам мое внимание. К вам, Одавара-са-ан, и к вашим... Скажем так, весьма нестандартным возможностям.

Несмотря на то, что Горуи продолжал улыбаться, а голос его не изменился ни на йоту, меня от последней фразы вдруг прошибло холодным потом, причем куда сильнее, чем, например, во время моей первой встречи с Хьёгуро. И, похоже, этот момент не укрылся от цепкого взгляда моего собеседника.

- Да, ваши особые возможности, Одавара-са-ан. Которые, безусловно, были вам давно обнаружены и успешно развиты при косвенном содействии со стороны Харады-са-ана.

Глупо было спрашивать "Откуда вы знаете?". Еще глупее прикидываться тупым быком и уходить в отказ, вроде "Ты чего несешь мужик?!". Горуи знал, Горуи пришел ко мне, и, как бы я того ни хотел, у меня никак не получится перехватить инициативу в данной ситуации, пока мне не станут ясны мотивы Горуи и то, зачем он вообще начал эту беседу.

- И что же?

Судя по тому, как кончики губ носатого скупщика растянулись в стороны еще больше, мой вопрос ему понравился гораздо больше, чем тот, которого он ожидал.

- Ваши возможности требуют развития, более организованного и правильного, чем у вас получится самостоятельно. И я могу поспособствовать в этом...

В нем не было Силы. Совершенно. Ни малейшей крупицы, не то, что чего-то моего уровня или того же Коджимы. Даже в том случайном прохожем, убитом йокаем на моих глазах Ёё было больше. И, наверное, только это странное обстоятельство не давало мне поверить Зарасу и одновременно рассмеяться, послав его куда подальше.

- Понимаю, в это непросто вот так вот взять и поверить. Но хотя бы запомните мои слова, и... когда решитесь, вы знаете, где меня найти, Одавара-са-ан.

Коснувшись края шляпы, как бы салютуя на прощание, Горуи повернулся и зашагал куда-то в глубину боковой аллеи. А я несколько секунд продолжал безмолвно смотреть ему в спину, пока, наконец, не решился.

- Один вопрос, Горуи-сан.

- Слушаю, - с прежней улыбкой обернулся хозяин ломбарда.

- Я хочу знать хотя бы одну реальную причину, по которой я должен согласиться на ваше странное предложение?

- Реальную, значит, - хозяин ломбарда на мгновение задумался. - Хорошо. Полагаю, вы, Одавара-са-ан, уже заметили, что ваши способности привлекают внимание не только других людей, обладающих схожими талантами, но и некоторых иных... существ. Они идут в направлении носителей этих сил, как бабочки, летящие на огонек свечи. И думаю, вы сумеете оценить по достоинству такое искусство, как сокрытие этих нестандартных характеристик. Оно будет полезно как вам, так и вашему молодому рыжему другу.

Упоминание Коджимы болезненно кольнуло меня где-то в глубине забинтованной груди. Что ж, ничего такого уж неожиданного. Следовало предполагать, что Горуи не станет делать что-либо без основательной подготовки. Такой уж тип подобных людей. А вот его предложение выглядит и вправду очень заманчивым. Каждый раз просить присмотреть за мелким знакомого жреца я не смогу, да и совсем не факт, что такой защиты будет всегда достаточно. Но насколько хорошо это... "искусство", которым Горуи, похоже, и сам сейчас пользуется. Этот момент прекрасно объяснял мою неспособность разглядеть в нем самом проявления Силы.

- Но насколько хорош может быть этот навык?

- Это второй вопрос, Одавара-са-ан, но я отвечу на него, - продолжил улыбаться Зарасу. - В руках настоящего мастера, этот навык очень эффективен. И чтобы показать насколько...

Понять, что именно изменилось, я не успел, но перехватившего дыхания и того ужаса, который пробрал меня до самых поджилок, было вполне достаточно, чтобы подтвердить слова человека, стоявшего передо мной. Точнее, я был больше совсем не уверен, что это существо вообще можно было назвать человеком.

* * *

1. Борёкудан - официально переводится с японского как "объединение лиц, совершающих преднамеренные преступления с применением насилия". Сами якудза считают подобную "трактовку" оскорблением, в их понимании "борёкудан" является синоним таких понятий как "семья" и "братство". Также часто используется в обывательской речи как простое обозначение "группировки" или "банды".

2. Катаги - "обыватели", "лохи". На жаргоне якудза, как правило, употребляется в отношении преступников из других преступных группировок (не-якудза), либо вообще ко всем людям, не принадлежащим к криминальному сообществу.

3. Синкайсен - японский сверхскоростной поезд.

4. В средневековом японском обществе и позднее (в период правления Токугава) ношение и нанесение татуировок считалось "невместным". Единственным вполне официальным исключение из этого правила были городские пожарные. Кстати, практика нанесения "огненных знаков" у них сохраняется и по сей день. Якудза и другие полукриминальные элементы (включая, профессиональных картежников и проституток) правило татуировок, разумеется, нарушали. В связи с чем, у некоторых власть предержащих, чье положение им позволяло, завелась мода на "забавные шутки", общая суть которых сводилась к тому, чтобы в тех или иных ситуациях "попросить" бандита "потушить огонь". Например, ткнув того лицом в курильницу, или заставив его погасить костер при помощи собственного голого зада. С тех самых пор, преднамеренное обращение к якудза как к огнеборцам, расценивается ими как страшное оскорбление. И особенно если проделано это в такой наглой и оскорбительной форме, как постарался Авара.

5. Кумитё - глава, "хозяин", "начальник". В иерархии якудза так именуют главу клана либо "владельца" определенной территории. Так, глава семьи может быть и оябуном ("старшим братом"), и кумитё одновременно. Но если "владения" клана слишком обширны, то вакагасира ("второй человек") тоже может быть кумитё на выделенном ему "участке". В больших альянсах якудза, когда в клан входят десятки меньших семей, при строгой иерархии может быть только один оябун, стоящий на самом верху, все остальные в таком случае, кумитё. При большом альянсе в виде "конфедерации" семей принцип "обозначения" так жестко не регламентируется. В данном конкретном случае,

кумитё Йокогамы просто "управляющий", назначенный Советом на "нейтральной", но очень доходной и важной "земле".

6. "Остров". На жаргоне якудза подразумевает личную территорию отдельного клана или группировки в его составе. В данном случае, речь идет о "нейтральной" Йокогаме.

7. Босодзоку - японская субкультура байкеров (т.н. "самозваные наследники камикадзе"). Агрессивные и, как правило, довольно криминальные ребята.

8. Янсу - панибратское жаргонное обращение в японской полукриминальной среде (что-то вроде "братан", но не совсем...).

9. Котаро - дословно это имя переводится как "первый сын".

10. Цуба - классический круглый эфес самурайской катаны (в разобранном виде хранится отдельно, как и остальные части самого меча).

11. Иайдо - искусство стремительного обнажения меча, переходящего в первый удар.